

ISSN 2221-3260

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 9 (105) 2023

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Белова Л.Г. (Москва, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№9 | 2023

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: новые штрихи к избранной концепции!

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 11 Гораева Татьяна Юрьевна, Байнев Валерий Федорович
Теория и практика использования ресурсно-полезностного подхода для управления научно-техническим прогрессом
- 27 Яковлев Александр Иванович
Цифровой рубль или национальная CBDC?

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 40 Катаргин Николай Викторович
О целесообразности минимизации риска
- 54 Лифшиц Аркадий Семенович
Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий
- 70 Балашов Алексей Михайлович
Вопросы применения цифровых решений на предприятиях традиционных отраслей экономики

Современные проблемы мировой экономики

- 79 Медведев Илья Витальевич
Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования
- 90 Карачев Игорь Андреевич
Эволюция специальных экономических зон в мировой экономике
- 103 Шкиотов Сергей Владимирович
Спилловер-эффекты интеграции: исследование канала межрегиональной торговли на пространстве ЕАЭС

Творчество молодых исследователей

- 111 Муравьева Дарья Сергеевна
Перспективы создания бренда регионов Донецкой и Луганской Народных Республик в составе Российской Федерации

Научная жизнь

- 121 Субетто Александра Ивановича
Ю.А. Гагарин – это символ начала Космической Эры в развитии человечества

Юбилей ученого

- 136 Гордеев Валерий Александрович
Петр Сергеевич Лемещенко-Юбиляр

Теоретическая экономия: новые штрихи к избранной концепции

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике традиционно предложен обзор материалов очередного, 9-го (105-го), номера журнала. По мнению редактора, публикации данного номера добавляют новые штрихи в разработку выдвинутой нами концепции теоретической экономии. Показано, в чем заключается эта новизна на примере каждой публикуемой работы. Отмечено, что оно проявляется в разной степени в выступлениях и известных читателям, и новых авторов. Главное внимание, как и в прошлых номерах, уделено актуальным проблемам теоретической экономии, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: новые штрихи к избранной концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.4-10. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 9-й (105-й), номер, который, на наш взгляд, содержит новые штрихи разработки теоретической экономии. Тем самым материалы этого номера являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещены две работы. Во-первых, статья «Теория и практика использования ресурсно-полезностного подхода для управления научно-техническим прогрессом», которую прислали ученые из Белорусского государственного университета, (г. Минск, Республика Беларусь) Гораева Татьяна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, и Байнев Валерий Федорович, доктор экономических наук, профессор. Если Татьяна Юрьевна – новый для нас автор, то Валерий Федорович уже известен нашим читателям предыдущими публикациями в «Теоретической экономике». В статье излагаются концептуальные и теоретические основы ресурсно-полезностного подхода к исследованию социально-экономических систем и процессов, активно разрабатываемого кафедрой экономической безопасности Белорусского государственного университета. Показано, что наряду с традиционными стоимостными, затратными по своей политико-экономической сущности характеристиками социально-экономических процессов необходимо учитывать и их полезностные параметры. Охарактеризованы достигнутые в рамках данного подхода теоретические и практические результаты, имеющие значение для управления

научно-техническим прогрессом в Беларуси и России и ориентированные на целенаправленное наращивание уровня технологической прогрессивности их национальной экономики, повышение уровня их технологической безопасности, а также на принятие во внимание технологического аспекта реализуемой в обеих странах политики импортозамещения. Сделан вывод, что ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических систем и процессов можно рассматривать в качестве одного из направлений в рамках комплексной концепции теоретической экономии, претендующей сегодня на выработку пути развития цивилизации, способного вывести ее на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Цифровой рубль или национальная CBDC?», которую представил Яковлев Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент СПбГЭТУ «ЛЭТИ», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), уже известный Вам по предыдущим публикациям в нашем издании. Цель его новой статьи – обозначить основные пробелы в теории денег при анализе категории «цифровой рубль». Принятые нормативные акты решили локальный вопрос запуска платформы Центробанка, сохранив неопределенность структуры собственности на цифровой рубль и его правового статуса. Среди вариантов эмиссии цифровой валюты, обсуждаемых регуляторами, нет теоретически обоснованной концепции явного лидера, по крайней мере, для той или иной группы стран. ЦБ РФ избегает как исторических оценок, так и публичных прогнозов, таких, как структура и динамика денежной массы, динамика денежных агрегатов, индекс потребительских цен, не говоря уже о более серьезных вещах и заменяя их описанием технологии, по сути, «Кратким руководством по эксплуатации» сервиса ЦБ. К основным результатам исследования можно отнести гипотезу о том, что платформа цифрового рубля на этапе тестирования и запуска – государственная платежная система с ограниченным функционалом, а сам цифровой рубль – электронное средство платежа. Чем более развита национальная CBDC, тем менее вероятен дефолт финансовой системы страны в принципе, тем более устойчива её экономика. Влияние цифрового рубля на бизнес коммерческих банков оценивается разнонаправленно, анализируются угрозы и возможности (SWOT-анализ) его использования. С появлением цифрового рубля встает вопрос ревизии системы денежных агрегатов и ввода в научный оборот агрегата денежной массы, отражающего наличие цифровых валют (рубля, песо, доллара и т.д.), например, Md или DM0 (digital money).

Затем в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагается три работы, представленные известными читателям нашего журнала авторами. Во-первых, статья под названием «О целесообразности минимизации риска», которую написал Катаргин Николай Викторович, кандидат физ.-мат. наук, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», (г. Москва, Российская Федерация). Бизнес и государство, отмечает он, тратят значительные ресурсы на предотвращение и минимизацию рисков, компенсацию ущерба. Но ресурсы изымаются, в конечном итоге, из карманов граждан, права которых часто тоже ущемляются. В данной работе показано, как борьба с рисками и стремление к наведению порядка могут обернуться большими потерями для экономики и социальной сферы, то есть превратиться в оружие гибридной войны. На примере портфеля Марковица показано, что уменьшение риска портфеля активов (стандартное отклонение от ожидаемого значения доходности) может привести к существенному уменьшению предполагаемого выигрыша, и велика вероятность, что ущерб превзойдет критическое значение, т.е. катастрофу. Социально-экономические объекты описываются векторами в многомерном пространстве, компонентами которого являются переменные, описывающие материальные и информационные активы и скорости их изменения. Значительная часть стоимости связана с информацией и скоростью её обработки. Максимум информации в системе достигается как при наличии некоторой хаотичности, т.к. при идеальном порядке энтропия и информация обнуляются. Приведены примеры, как стремление к предотвращению риска или его компенсации на ненаучной основе приводят к громадным потерям: конец династии Рюриковичей, последствия Чернобыльской аварии, горбачёвская борьба с пьянством, рост числа охранников и контролёров, «реформы» и

цифровизация в школах и вузах.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа «Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий», которую прислал Лифшиц Аркадий Семенович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента Ивановского государственного университета (г. Иваново, Российская Федерация). Экономическая устойчивость промышленного предприятия, считает он, – предпосылка и шанс устойчивого развития. Несмотря на то, что проблеме экономической устойчивости промышленных предприятий уделяется значительное внимание в отечественной и зарубежной научной литературе, ряд ее аспектов следует признать недостаточно изученными. К ним относятся вопросы критериев и показателей экономической устойчивости промышленного предприятия с учетом отраслевой специфики, формирование системного инструментария оценки способности предприятия выживать и развиваться. При выполнении исследования использованы системный, ситуационный и ресурсно-целевой подходы. Адекватными цели и теме статьи методами исследования выступают диалектический метод, метод научной абстракции, метод индукции и дедукции, метод анализа и синтеза, монографический метод (сравнительный анализ методологических и теоретических положений в научной литературе). детерминистски-лимитирующий и интегральный методы. Осуществлен выбор предпочтительного инструментария оценки экономической устойчивости промышленного предприятия на основе системного анализа их достоинств и недостатков. Выявлены необходимость и возможность включения ряда методик стратегического анализа и прогнозирования в неизменном или модифицированном виде в качестве комплекса самостоятельных исследовательских приемов в методику диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия. Доказана особая роль оценки и прогнозирования экономического потенциала в рамках диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия. Оценка экономической устойчивости промышленных предприятий на современном этапе экономической мысли предполагает ее синтетический характер. Количественно-качественная статично-динамичная оценка при отсутствии использования дублирующих инструментов наиболее адекватна современным условиям деятельности промышленных предприятий.

В-третьих, завершает эту рубрику статья «Вопросы применения цифровых решений на предприятиях традиционных отраслей экономики» Балашов Алексей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем и цифрового образования Новосибирского государственного педагогического университета, (г. Новосибирск, Российская Федерация). В данной статье рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий в производственные процессы на предприятиях традиционных отраслей, в частности в электроэнергетике. Цифровая экономика как экономика нового технологического уклада уже сейчас играет огромную роль в обеспечении экономического развития, повышении конкурентоспособности отраслей и компаний, а также способствует формированию новых рынков и отраслей, новых способов взаимодействия между экономическими субъектами. Внедрение решений, использующих цифровые технологии, помогает существенно сокращать расходы компаний и снижать вероятность появления критических ситуаций. Особое внимание в статье обращено на возможности и перспективы использования достижений цифровой экономики в решении вопросов охраны труда и промышленной безопасности. Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования цифровых технологий в производственных процессах предприятий традиционных отраслей экономики, проанализировать влияние цифровизации на конкурентоспособность и успешность компаний в настоящее время. В целом, применение цифровых автоматизированных технологий позволяет более рационально использовать ресурсы, повышать производительность труда и тем самым увеличивать эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на их реализацию.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в

этом номере предлагаются три работы тоже известных Вам, уважаемый читатель, авторов по их предыдущим публикациям в нашем журнале. Во-первых, статья «Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования», которую написал Медведев Илья Витальевич, младший научный сотрудник лаборатории методологии экономических исследований Института экономики и управления Тверского государственного университета, (г. Тверь, Российская Федерация). История СНГ как территории бывших советских республик и как объединения новых независимых государств (далее ННГ), отмечает он, предстает как поиск новых смыслов данного пространства и модели интеграции новых субъектов этого пространства в коренном образом изменившихся экономических и геополитических условиях. Хронология интеграционных процессов постсоветского пространства (далее ПСП) показывает, что новые интеграционные проекты заслоняли собой старые, что привело к проблемам сопряжения интеграционных проектов в контексте их дальнейшего развития. Существующие интеграционные проекты предполагают налаживание координации разработанных странами целей национального развития, однако на пути интеграции неизбежно преобладают национальные интересы, что рождает противоречия, которые проявляются как в естественном историческом тяготении, так и в отстаивании национальных интересов, связанных с защитой обретенного суверенитета. В ходе исследования было выявлено, что развитие и переход к собственной модели интеграции должно учитывать сильную дифференциацию по уровню экономического развития интегрирующихся стран. Наличие предпосылок к реализации неофункциональной концепции «перелива» в виде создания наднациональных органов хоть и является необходимым условием, однако само наличие наднациональных институтов не является достаточным для углубления интеграции через «перелив». В исследовании рассматриваются причины, по которым не происходит углубления интеграции и затрагиваются проблемы сопряжения интеграционных проектов СНГ и ЕАЭС. Сделан вывод, что дальнейшая интеграция ЕАЭС в меньшей степени соотносится с частной классической линейно-стадиальной моделью Б.Балаши. Условия сильной экономической дифференциации ННГ и политических противоречий, которые играют существенную роль в трансграничной кооперации обуславливают поиск моделей интеграции отличных от ЕС, которые бы отвечали критериям сильной дифференциации участников интеграции с углублением интеграции без наднациональных органов регулирования.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Эволюция специальных экономических зон в мировой экономике». Её представил Карачев Игорь Андреевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация). На сегодняшний день, отмечает он, в мире насчитывается почти 5 700 специальных экономических зон, из которых более 1 000 зон были созданы за последние десять лет. Стремительный рост числа специальных экономических зон стал частью новой волны промышленной политики и ответом на растущую конкуренцию за доступные международные инвестиции. При этом экономические и политические цели зон варьируются по странам. В одних странах роль зон заключается в предоставлении тарифных льгот и в снижении административного бремени таможенных процедур, чтобы поддержать сложные трансграничные цепочки поставок. В других странах основной целью зональной политики является диверсификация и модернизация отраслей промышленности за счет привлечения прямых иностранных инвестиций. Специализация тех или иных зон зависит от исторического контекста их формирования. В статье автором выделены основные этапы эволюции специальных экономических зон, представлена их характеристика, а также выявлены структурные и типологические особенности зон на каждом из этапов.

Завершает эту рубрику статья «Спилловер-эффекты интеграции: исследование канала межрегиональной торговли на пространстве ЕАЭС» Шкиотов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент Ярославского государственного технического университета. Цель исследования – верифицировать ряд предсказаний модели Кругмана на примере функционирования

ЕАЭС. Гипотезы исследования – темпы роста товарооборота в рамках ЕАЭС будут уступать динамике развития региональных экономик государств-членов интеграционного объединения; темпы роста внешней торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами будут опережать динамику развития мировой экономики. В результате проведенного исследования, выдвинутые в работе гипотезы в целом не получили однозначного подтверждения по данным, характеризующим экономику стран-членов ЕАЭС в долгосрочном временном интервале.

Далее, в рубрике «Творчество молодых исследователей», Вашему вниманию предлагается статья под названием «Перспективы создания бренда регионов Донецкой и Луганской Народных Республик в составе Российской Федерации», которую написала Муравьева Дарья Сергеевна, студентка Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого. Нематериальные активы и, в частности, бренды, отмечает она, играют ключевую роль в современной экономике. Регионам также необходимо формировать свои бренды, чтобы обеспечивать свою привлекательность для инвесторов, работников, туристов и населения. Особое значение эта задача имеет для новых регионов Российской Федерации, значительно пострадавших от боевых действий. В данной статье поставлена задача разработки рекомендаций по формированию региональных брендов для Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в составе Российской Федерации. Рассматриваются особенности Донбасского региона, которые могут быть использованы для создания регионального бренда. Выполнен обзор трансформации имиджа Донбасса в советский и пост-советский период истории. Показано, что традиционное восприятие Донбасса как региона угледобычи является малоперспективным для построения бренда. Автор статьи рекомендует использовать ассоциации, связанные с индустриальным образом Донбасса, его южным расположением, а также его ролью для ценностей «Русского мира».

Затем, в рубрике «Научная жизнь», публикуется работа «Ю.А. Гагарин – это символ начала Космической Эры в развитии человечества», которую прислал известный Вам автор [см., например: 1; 2; 3] Субетто Александр Иванович, доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Данная работа представляет собой оценку героического подвига Ю.А. Гагарина как объективного закономерного итога развития всей российской и советской цивилизации. Эта оценка определяется автором с позиции развиваемой им теории ноосферизма. В этом русле дается и научная характеристика роли указанного подвига в дальнейшем развитии человечества.

В рубрике «Юбилей ученого» публикуется мой материал «Петр Сергеевич Лемещенко-юбиляр и теоретическая экономия» в связи с тем, что 2 сентября отмечается юбилейный день рождения Петра Сергеевича Лемещенко, члена редколлегии и одного из активных создателей нашего журнала. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета, Петр Сергеевич с первого дня существования нашего издания и по настоящее время вносит огромный вклад в разработку и развитие избранной нами концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в исследовании социально-экономических проблем. Дается краткая характеристика жизненного пути П.С. Лемещенко как выдающегося ученого-экономиста. Обращено внимание на его большую работу в нашем журнале. От имени редколлегии, авторов и читателей журнала поздравляем Петра Сергеевича с юбилеем и желаем ему новых творческих успехов на благо нашего Союзного государства!

Таково основное содержание материалов 9-го (105-го) номера. Как видите, они, действительно, представляют собой новые штрихи дальнейшей разработки выдвинутой нами более 12 лет назад в журнале концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают достойным продолжением всех предыдущих более ста номеров нашего издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто, А.И. Глобальный империализм, экологический апокалипсис и стратегия выхода из экологического тупика [Текст] / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 6. — С. 16-20. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Субетто, А.И. Ноосферная парадигма целеполагания устойчивого развития человечества и России [Текст] / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 2. — С. 12-22. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Субетто, А.И. Ноосферное образование в евразийском пространстве: ноосферно-евразийская парадигма фундаментализации ноосферного образования [Текст] / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 3. — С. 7-11. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

Theoretical economy: we continue to develop

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. This section traditionally offers an overview of the materials of the next, this time the 9th (105th) issue of the journal. According to the editor, the publications of this issue are a continuation of the development of the concept of theoretical economy put forward by us. It is shown what this continuation consists of by the example of each published work. It is noted that it manifests itself to varying degrees in the speeches of both well-known readers and new authors. The main attention, as in previous issues, is given to topical problems of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, and the work of young researchers.

Keywords: theoretical economy; conference at Yaroslavl Technical University; new industrialization; modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Теория и практика использования ресурсно-полезностного подхода для управления научно-техническим прогрессом

Гораева Татьяна Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: tatsiwork@mail.ru

Байнев Валерий Федорович

доктор экономических наук, профессор

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: baynev@bsu.by

Аннотация. В статье излагаются концептуальные и теоретические основы ресурсно-полезностного подхода к исследованию и управлению социально-экономическими системами и процессами, активно разрабатываемого кафедрой экономической безопасности Белорусского государственного университета. Показано, что наряду с традиционными стоимостными, затратными по своей политико-экономической сущности характеристиками социально-экономических процессов (в данном случае научно-технического прогресса) необходимо учитывать и их полезностные параметры. Показано, что полезность (полезностный эффект) научно-технической деятельности имеет объективный и притом количественно измеримый характер, обусловленный приращением уровня технологической прогрессивности и, соответственно, конкурентоспособности социально-экономической системы (национальной экономики). При этом изложен авторский подход к количественному измерению уровня технологической прогрессивности социально-экономических систем, определена сравнительная динамика указанного уровня в Беларуси, России, Китае и странах G7, сделан вывод о серьезной угрозе технологической и экономической безопасности Союзного государства России и Беларуси. Охарактеризованы достигнутые в рамках данного подхода теоретические и практические результаты, имеющие значение для управления научно-техническим прогрессом в Беларуси и России и ориентированные на целенаправленное наращивание уровня технологической прогрессивности их национальной экономики, повышение уровня их технологической безопасности, а также на принятие во внимание технологического аспекта реализуемой в обеих странах политики импортозамещения. Сделан вывод, что ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических систем и процессов можно рассматривать в качестве одного из направлений в рамках комплексной концепции теоретической экономики, претендующей сегодня на статус нового «парадигмального мейнстрима» и определение пути развития цивилизации, способного вывести ее на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития.

Ключевые слова: теоретическая экономия, ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических систем и процессов, устойчивое развитие, научно-технический прогресс, технологическая прогрессивность национальной экономики, технологическая безопасность, технологическая функция, безопасное развитие, импортозамещение

JEL codes: B59, O14, O32, O38, P51

Для цитирования: Гораева, Т.Ю. Теория и практика использования ресурсно-полезностного подхода для управления научно-техническим прогрессом / Т.Ю. Гораева, В.Ф. Байнев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.11-26. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

На протяжении последних, как минимум, 50-ти лет научное сообщество активно обсуждает проблематику так называемого устойчивого развития. Дело в том, что впервые об устойчивом развитии заговорили еще в 1970-е годы прошлого века в связи с растущей озабоченностью из-за набирающих в то время силу сырьевой, энергетической, экологической глобальных проблем [2, 5]. С конца XX века данная повестка, инициированная и активно продвигаемая наиболее развитыми

и богатыми государствами мира, получила достаточно широкое распространение и в целом ряде прочих периферийных стран. Однако, несмотря на то, что многие из них в угоду глобальному центру разработали и приняли национальные стратегии устойчивого развития, глобальные противоречия развития цивилизации не только не потеряли своей остроты, но и к их «типовому» набору добавились новые проблемы – продовольственная, демографическая, медицинская, криминальная, космическая, миграционная, террористическая и т.п.

Таким образом, имеются все основания полагать, что невозможность преодоления глобальных противоречий развития человечества обусловлена отнюдь не достижениями научно-технического прогресса, как на это прямо указывают некоторые исследователи [1, 5], а фундаментальными недостатками возобладавшей на планете системы экономических знаний и соответствующей ей доктрины развития. Проблема в том, что экономическая теория и практика нацеливают социально-экономические системы всех уровней на максимизацию прибыли, а значит на бесконечное наращивание затрат. В итоге указанное наращивание оборачивается столь же нескончаемым ростом нагрузки на окружающую среду, делая проблематичным выход цивилизации на траекторию устойчивого развития.

В связи с этим сегодня мы даже усматриваем долю определенного лукавства в декларируемых международным сообществом так называемых целях устойчивого развития, достижение которых в рамках господствующей научно-образовательной экономической парадигмы по указанной выше причине нам представляется весьма маловероятным. Без кардинального изменения потребительского мировоззрения человечества, которое сегодня расходует на себя больше ресурсов, нежели успевает регенерировать природа, благодаря чему мы сегодня живем за счет своих же детей и внуков, решение глобальных проблем принципиально невозможно. Более того, представляется небезосновательной точка зрения, что эти самые цели устойчивого развития сегодня искусно используются наиболее развитыми странами для того, чтобы искусственно затормозить экономический, прежде всего, промышленный рост периферийных стран, что по замыслу их авторов должно высвободить дефицитные ресурсы для использования глобальным центром. Учитывая эти обстоятельства, а также тот факт, что термин «устойчивое развитие» уже активно используется на протяжении ряда десятилетий и отвечающие интересам лидеров мировой экономики значение в основном устоялось, мы в дальнейшем будем вести речь о безопасном развитии социально-экономических систем.

Следует отметить, что отдельная часть научного сообщества в разные времена осознавала и продолжает осознавать обозначенные дефекты доминирующей научно-образовательной парадигмы, предпринимая поиск альтернативной системы экономических знаний, или «нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях» [7, с. 130]. При этом, пожалуй, наиболее действенным и продуктивным оказалось такое направление классической политэкономии, как марксизм-ленинизм, результатом практического воплощения которого стали грандиозные свершения советского народа в XX-м веке: предвоенная индустриализация, Великая Победа 1945 г., глобальное первенство по целому ряду направлений научно-технического прогресса в послевоенные годы, выход СССР на второе место в мире по ВВП... Следует признать, что в бытность мировой социалистической системы и наличия двух равновеликих геополитических полюсов мир находился в гораздо более устойчивом, безопасном состоянии, нежели сегодня, когда якобы нет альтернативы теперешнему рыночному капиталистическому пути развития.

Среди других направлений экономической мысли, претендующих на достойную альтернативу нынешнему неоклассическому «мейнстриму», в свое время претендовали и продолжают претендовать теории ноосферизма (В.И. Вернадский, П.Г. Никитенко, А.И. Субетто и др.) [17, 18], солидарной и социальной экономики (Ш. Жид, К. Поланьи, А. Дэш, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев и др.) [18], мирового космизма (П. Тейярд де Шарден, К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров и др.) [13, 21, 22], комплексная концепция теоретической экономики (В.А. Гордеев, В.И. Корняков, С.В. Шкиотов и др.), объединяющая целую плеяду патриотично настроенных ученых постсоветского пространства [4, 8, 9, 10, 23], и ряд

других теорий социально-экономического мироустройства.

В Белорусском государственном университете на кафедре экономической безопасности также ведутся научные изыскания в направлении поиска выхода социально-экономических систем разного уровня, начиная с конкретных предприятий и заканчивая мировой экономикой в целом, на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития. Думается, что разрабатываемый нами ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических процессов также может быть рассмотрен в качестве одного из направлений в рамках комплексной теоретической концепции под названием «Теоретическая экономика», объединяющей взгляды и наработки думающих о перспективах своей страны и человечества в целом ученых. В настоящее время указанный подход находится в стадии активной теоретической разработки, однако, несмотря на это уже получены, как нам представляется, существенные теоретические и прикладные результаты, которые способны не только укрепить технологическую и экономическую безопасность Союзного государства России и Беларуси, но и смягчить обусловленные объективной противоречивостью научно-технического прогресса глобальные проблемы человечества.

Основная часть

О фундаментальных недостатках ныне доминирующей научно-образовательной экономической парадигмы и соответствующей ей доктрины развития впервые на высоком международном уровне заговорили, пожалуй, на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро (1992 г.). На этом форуме было признано, что показавшая высокий результат в западных странах ориентирующая на максимизацию быстрой прибыли модель экономики себя исчерпала и является неприемлемой для других стран из-за нарастающих экологических, сырьевых, энергетических и иных ограничений [12]. На наш взгляд, наиболее отчетливо свои фундаментальные недостатки возобладавшая в умах экономистов неоклассическая экономическая парадигма продемонстрировала на примере рыночных реформ постсоветских стран и, прежде всего, России, которые ослабили ее настолько, что сегодня в связи с известными событиями прошлого и нынешнего годов на повестке дня стоит проблема ее элементарного выживания. Также очевидно и то, что от развития нынешних событий вокруг России всецело зависит и судьба союзной с ней Беларуси. Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что «главенствующий в постсоветской России и на Западе неоклассический подход в науке и экономической политике все больше показывает свою несостоятельность» [7, с. 130]. Продолжение следования по данному пути есть основная угроза экономической и национальной безопасности России, Беларуси и созданного ими Союзного государства.

По нашему убеждению, несостоятельность господствующей неоклассической научно-образовательной экономической парадигмы и соответствующей ей доктрины развития проистекает из их стоимостного, затратного по своей политико-экономической сущности характера. Термин «затратный» в данном случае означает, что в рамках неоклассики и большинства других концепций экономической теории результат хозяйственной деятельности так или иначе отождествляется с затратами на ее осуществление и потому стремление максимизировать этот самый результат автоматически ведет к наращиванию издержек и, соответственно, нагрузки на окружающую среду. Данное обстоятельство и есть главная причина возникновения и усугубления упомянутых выше глобальных проблем цивилизации. Таким образом, преодоление затратного характера экономической науки и практики, их переориентация с максимизации затрат на приращение суммы общественных полезностей, на наш взгляд, должно стать магистральным направлением дальнейшего развития экономической науки, способной стать теоретическим фундаментом безопасного развития социально-экономических систем.

Дадим необходимые пояснения. Как известно, всякое экономическое благо как товар обладает стоимостью и полезностью. Что касается стоимости, то относительно этой многогранной экономической категории в экономическом сообществе достигнут более или менее устойчивый консенсус. Стоимость как некая пропорция, согласно которой один товар свободно обменивается

на другой, считается объективной и притом количественно измеримой характеристикой блага, поскольку она отражает «совокупность затрат ресурсов, которые приходится осуществлять во имя приобретения, получения этого объекта в соответствии с его значимостью и потребностью в нем» [19, с. 13]. Иными словами, в представлении нынешних экономистов стоимость товара формируется затратами требуемых для его воспроизводства ресурсов. Заметим, что с точки зрения трудовой теории стоимости К. Маркса, венчающей классическую политэкономия, стоимость товара также формируется и объективно измеряется затратами общественно необходимого для его воспроизводства труда. С этой точки зрения, стоимостной подход к анализу функционирования социально-экономических систем является сугубо затратным подходом, нацеленным на анализ и учет затрат.

Сполезностью ситуация, казалось бы, также ясна. Большинство экономистов сошлись во мнении, что полезность экономического блага – его субъективная, количественно неопределенная, а значит, количественно неизмеримая характеристика. Это следует из того, что полезность определяется не только свойствами самого блага, но и его редкостью, условиями использования и индивидуальными предпочтениями потребителя. И действительно, первый стакан воды для жаждущего намного полезнее, нежели второй, третий и тем более, положим, сотый. Крайне необходимая в условиях Арктики меховая шуба окажется неуместной на экваторе. А мясное блюдо будет безынтересным для вегетарианца. В силу этих причин принято считать, что «полезность как внутренняя мера значимости, ценности объекта, товара, услуги для данного конкретного потребителя или группы потребителей представляет в этом смысле субъективную категорию» [19, с. 13-14]. В итоге из-за субъективности, количественной неопределенности, принципиальной неизмеримости полезности экономисты идут, что называется, по пути наименьшего сопротивления и при осуществлении анализа социально-экономических процессов отдают безусловное предпочтение стоимостным параметрам экономических благ, в подавляющем большинстве случаев игнорируя их полезностные характеристики.

Справедливости ради следует отметить, что в условиях эффективно работающих рынков в теоретическом определении полезности производимых и реализуемых на них благ особой надобности не было, поскольку эту функцию исправно выполняли голосующие, что называется, своим кошельком за тот или иной товар потребители. В итоге на рынках товары с относительно меньшей полезностью при прочих равных условиях попросту не находили сбыта, что являлось тем эмпирически действующим фильтром, который усложнял и зачастую вообще исключал производство менее полезных благ. В итоге производство было вынуждено следовать по пути непрерывного увеличения полезности производимых благ, что стимулировало научно-технический и социально-экономический прогресс в целом.

Данное обстоятельство, кстати говоря, стало одним из решающих преимуществ (наряду с выкачиванием ресурсов из периферийного мира через гегемонию доллара) мировой капиталистической системы в ее экономическом противостоянии с социалистическими странами. В СССР, опираясь только на трудовую теорию стоимости, точно также не умели теоретически определять и контролировать полезность производимых благ и при этом не имели эмпирически функционирующего ее измерителя в лице эффективно работающих рынков. В результате неконтролируемая полезность производимых социалистической экономикой благ росла не так быстро, как у западных конкурентов, что вылилось в научно-техническое и социально-экономическое отставание. Вместе с тем сегодня из-за монополизации рынков сверхкрупными корпорациями, масштабных ограничений в виде торговых войн и санкций рынки повсеместно все менее и менее эффективно справляются со своей едва ли не самой главной задачей – эмпирически определять полезность производимых и реализуемых на них благ. Данное обстоятельство стало одной из причин нынешнего усугубления и беспрецедентного обострения геополитической и экономической ситуации на планете, а также глобальных проблем человечества.

Здесь хотелось бы отметить еще одно важное обстоятельство. С точки зрения классической политэкономии, получается, что результат производственной деятельности – вновь созданная стоимость в самом общем случае оказывается равной затратам (труда) на ее производство. Математически строгое равенство результата производственной деятельности и затрат на ее осуществление делает невозможным объяснение экономического роста и тем более развития как процесса возникновения большего из меньшего, что, откровенно говоря, является целью хозяйственной деятельности. «Классическая политическая экономия с ее стоимостной парадигмой, – писал по данному поводу известный российский политэконом В.Я. Ельмеев, – была и остается теорией, объясняющей лишь статичное, стационарное протекание экономических процессов... Непригодность теории стоимости для объяснения экономического развития и инновационной деятельности проистекает из-за того, что произведенная стоимость, согласно ее закону, не может превосходить затраты на ее получение и, следовательно, не может удовлетворить основному условию экономического развития – возникновению нового, превосходящего старое» [11, с. 105].

Заметим, что с точки зрения классической политэкономии прибыль, которую большинство нынешних экономистов уверенно отождествляют с результатом, который превосходит затраты, есть всего лишь неоплаченная часть затрат прибавочного труда. И даже если считать, что прибыль создается некими гипотетическими предпринимательскими способностями, то и в данном случае речь точно также идет о затратах этих самых способностей.

С позиций ныне возобладавшей неоклассики, рынки в их идеальном состоянии равновесия также функционируют в условиях равенства затрат и результата. «Она (неоклассика – авт.) не только статична по своему характеру, – указывал на данную особенность неоклассического рыночного равновесия известный австрийский ученый Й. Шумпетер в своей знаменитой «Теории экономического развития», – но применима исключительно к стационарному процессу... В граничной точке производства величина издержек приближается к величине предельной полезности продукта. Отсюда следует, что последняя часть общего количества любого продукта производится в условиях, когда уже более нет превышения получаемого полезного эффекта (результата – авт.) над издержками. И в этом смысле производство не создает никаких стоимостей, иными словами, в процессе производства не происходит никакого повышения стоимости» [24, с. 52, 92].

Получается, что неоклассическая экономическая теория описывает взаимодействие хозяйствующих субъектов в виде своеобразной «игры с нулевой суммой», когда выигрыш одних математически строго равен проигрышу других (эффективность по Парето), а значит, она наравне с классической политэкономией не в состоянии объяснить не только рост и развитие, но и даже элементарное производство. Мы убеждены, что данная неспособность экономической науки адекватно описать экономический рост, развитие и тем более научно-технический прогресс есть одна из причин его отмеченной выше противоречивости, а значит, нынешнего обострения глобальных проблем цивилизации.

Думается, что решение комплекса обозначенных проблем возможно, если встать на позиции разрабатываемого нами ресурсно-полезностного подхода к исследованию социально-экономических процессов. В самом общем виде его суть заключается в том, чтобы наряду со стоимостными параметрами учитывать и полезностные характеристики социально-экономических систем. При этом под полезностью экономических благ мы предлагаем понимать способность повышать конкурентоспособность их потребителя в борьбе за дефицитные ресурсы. Конкурентоспособность же трактуется нами как способность индивидуума или социально-экономической системы обеспечивать себе доступ к необходимым для текущей и будущей жизнедеятельности ресурсам в неблагоприятных внешних условиях, включая противодействие конкурентов.

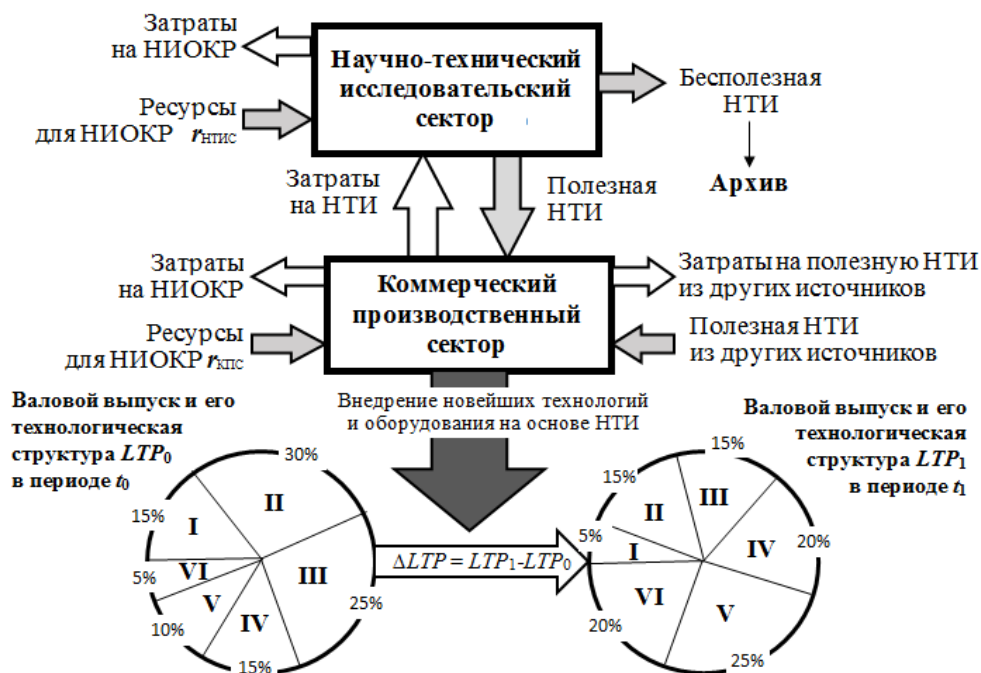
Данное нами определение полезности кардинально отличается от общепринятого в современной экономической теории, согласно которому «полезность (utility) – способность товара или услуги удовлетворять потребности; удовлетворение или удовольствие, получаемое потребителем

от потребления товара или услуги (или от потребления набора товаров и услуг)» [14, с. 966]. Дело в том, что удовлетворение, удовольствие, наслаждение могут доставлять, например, основанные на людских страстях и азарте антисоциальные товары, ведущие их потребителей к деградации, которые, однако, согласно общепринятой среди экономистов точке зрения, также будут обладать (зачастую весьма значительной) полезностью.

Важное замечание – в экономической науке традиционно сопоставляются затраты с результатами при исчислении экономического эффекта и экономической эффективности. Однако при этом в качестве результата принимаются во внимание стоимостные, затратные по своей сущности показатели (например, валовой выпуск, доход, прибыль и т.д.), которые далеко не всегда коррелируют с полезностью производимых-реализуемых экономических благ. Так, наращивать валовой выпуск, доход, прибыль можно за счет увеличения продажи необработанного сырья и вообще путем наращивания нагрузки на окружающую среду. Таким образом, предлагаемый нами ресурсно-полезностный подход, ориентирующий на непосредственный учет полезностных параметров исследуемых социально-экономических систем и процессов, кардинально отличается от существующих в современной экономической науке и практике методов оценки эффективности на основе исключительно стоимостных показателей.

Использование ресурсно-полезностного подхода для оценки научно-технического прогресса и его достижений позволило нам получить ряд весомых теоретических и прикладных результатов.

Во-первых, мы пришли к выводу и обосновали, что конечным полезным результатом научной и научно-технической деятельности выступает изменение (улучшение) технологической структуры ВВП в пользу видов экономической деятельности, относящихся к высшим технологическим укладам (рисунок 1).

Обозначения на рисунке:

НТИ – научно-техническая информация; НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; LTP – уровень технологической прогрессивности национальной экономики; I, II, III, IV, V, VI – вклады в валовой выпуск видов экономической деятельности, относящихся соответственно к первому-шестому технологическим укладам; ΔLTP – изменение структуры валового выпуска в пользу более высокотехнологичных видов экономической деятельности (полезностный эффект научно-технической деятельности); $r_{нтис}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в научно-техническом исследовательском секторе; $r_{кпс}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в коммерческом (государственном и частном) производственном секторе

Рисунок 1 - Иллюстрация к определению итогового полезного результата научной и научно-технической деятельности

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

Указанное улучшение технологической структуры ВВП реализует коммерческий производственный сектор, внедряющий результаты собственных и осуществленных научно-техническим исследовательским сектором научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Разумеется, данный процесс сопровождается комплексом затрат на осуществление НИОКР как самим коммерческим сектором гКПС, так и научно-техническим исследовательским сектором гНТИС (в данном случае гКПС и гНТИС обозначают векторы ресурсов, используемых для осуществления НИОКР в соответствующих секторах).

При этом технологическую структуру ВВП мы предложили количественно оценивать показателем уровня технологической прогрессивности национальной экономики LTP («level of technological progressiveness»), отражающим ее средневзвешенный технологический уклад. Данный показатель применительно к России и Беларуси предложено рассчитывать по формуле средневзвешенной величины, в которой вариантами выступают номера 1, 2, 3, 4, 5, 6 технологических укладов, а весами при этих вариантах – доли в ВВП видов экономической деятельности, относящихся к соответствующим техноукладам. Очевидно, что рассчитанный таким образом показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики будет представлять собою действительное число из интервала от 1 до 6. При этом оказывается возможным исследовать его динамику как в конкретной анализируемой стране, так и в сопоставлении с другими странами.

Методика и порядок расчета показателя уровня технологической прогрессивности (уровня технологичности) национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 (таблица 1) уже приводились ранее в журнале [3]. Был сделан вывод о существенном отставании Беларуси и России от мировых технологических лидеров, что представляет собой реальную угрозу технологической и национальной безопасности обеих стран и созданного ими Союзного государства.

Таблица 1. Сравнительная динамика показателя уровня технологической прогрессивности (средневзвешенного техноуклада) национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 в период 1975-2020 гг.

Страна	Год				
	1975	1990	2000	2010	2020
Беларусь	3,4	3,9	3,3	3,3	3,5
Россия	3,4	3,9	3,6	3,6	3,7
Китай	2,8	3,5	3,9	4,3	4,9
Страны G7	3,7	4,1	4,2	4,4	5,1

Важная деталь – показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики может быть представлен действительным числом из любого другого интервала. Так, если учесть, что в Европейском классификаторе видов экономической деятельности выделяют низкотехнологичные, средненизкотехнологичные, средневысокотехнологичные и высокотехнологичные виды экономической деятельности, то их можно идентифицировать числовыми идентификаторами 1, 2, 3 и 4 (по числу выделяемых на Западе технологически революций). В этом случае показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики будет выражаться действительным числом из интервала от 1 до 4, отражая преобладание технологий, характерных для той или иной технологической революции.

Учитывая все вышеизложенное, мы по аналогии с производственной функцией (например, Кобба-Дугласа), описывающей преобразование используемых экономической системой ресурсов в произведенный ею продукт, считаем возможным ввести в рассмотрение технологическую функцию Т. Горазовой – В. Байнева, характеризующую воздействие на технологическую структуру выпускаемой экономической системой продукции расходуемых ею на осуществление НИОКР ресурсов (см. рисунок 1):

$$LTP = f(r_{\text{НТИС}}, r_{\text{КПС}}, \text{etc}), \quad (1)$$

где

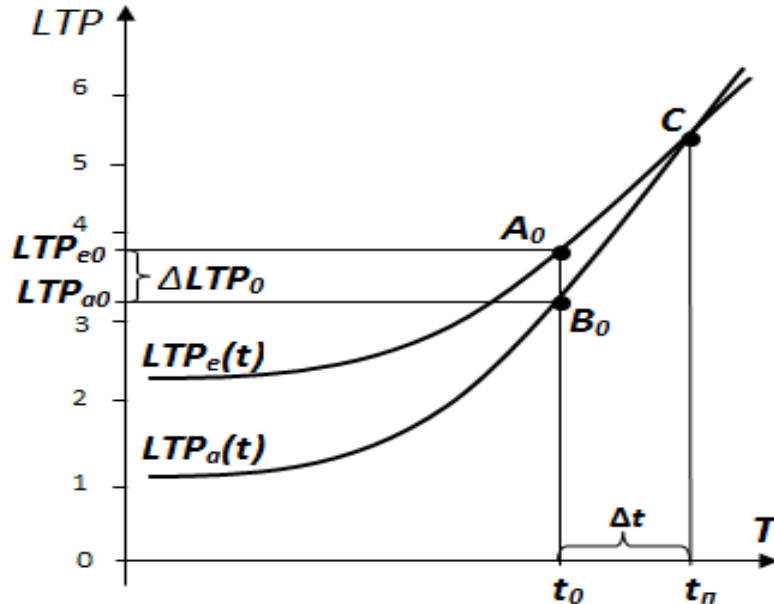
LTP – уровень технологической прогрессивности экономической системы (средневзвешенный техноуклад представленных в ней видов экономической деятельности);

$r_{нтис}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в научно-техническом исследовательском секторе;

$r_{кис}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в коммерческом (государственном и частном) производственном секторе.

Особенностью технологической функции (1) является то, что она в отличие от производственной функции характеризует не количественную, а качественную сторону валового выпуска экономической системы. Изучение технологической функции позволит выявить те затраты, которые в наибольшей мере влияют на технологическую структуру валового выпуска, что даст возможность более эффективно управлять научно-техническим прогрессом. Думается, что на основе технологической функции нам удастся разработать новый класс эконометрических моделей, которые дадут возможность анализировать не только стоимостные, но и полезностные параметры социально-экономических систем.

Во-вторых, по степени (глубине) отставания той или иной страны в уровне технологической прогрессивности национальной экономики и его динамике (см. таблицу 1) относительно принятого за эталон догоняемого конкурента можно судить об уровне ее технологической безопасности. При этом критериями технологической безопасности государства в текущий момент времени t_0 мы предлагаем считать как глубину указанного отставания ΔLTP_0 , так и период (интервал) времени Δt , в течение которого анализируемая (отстающая) экономика догонит принятого за эталон сравнения лидера (рисунок 2).

Обозначения на рисунке:

$LTP_{\alpha}(t)$ и $LTP_{\epsilon}(t)$ – функции и отображающие их кривые, характеризующие динамику показателя уровня технологической прогрессивности экономики соответственно анализируемой (догоняющей) и эталонной (догоняемой) социально-экономической системы; C – точка пересечения указанных выше кривых; t_0 – текущий момент времени; $LTP_{\alpha 0}$ и $LTP_{\epsilon 0}$ – показатели уровня технологичности соответственно анализируемой и эталонной социально-экономической системы в текущий момент времени; $\Delta LTP_0 = (LTP_{\epsilon 0} - LTP_{\alpha 0})$ – абсолютное отставание анализируемой социально-экономической системы от конкурента-лидера по уровню технологического развития в текущий момент времени; t_n – момент времени, когда анализируемая социально-экономическая система по уровню технологического развития догонит принятого за эталон лидера; $\Delta t = t_n - t_0$ – период времени, в течение которого анализируемая социально-экономическая система достигнет уровня технологической прогрессивности экономики принятого за эталон лидера

Рисунок 2 - Иллюстрация к задаче определения уровня технологической безопасности национальной экономики

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

Для практического определения уровня технологической безопасности национальной экономики относительно догоняемого лидера на основе обозначенных выше критериев была разработана шкала, позволяющая диагностировать высокий, средний, удовлетворительный, низкий и критический уровни технологической безопасности (таблица 2). При разработке шкалы мы исходили из того, что высокий уровень технологической безопасности анализируемой экономической системы обеспечивается, если в текущий момент времени t_0 степень (глубина) ее отставания по показателю уровня технологической прогрессивности экономики ΔLTP_0 не превышает 0,5 техноуклада либо догоняющая экономическая система догонит лидера в течение нормативного (определенного руководством страны) срока Δt_n .

Таблица 2. Шкала определения уровня технологической безопасности анализируемой социально-экономической системы (относительно догоняемой, принятой за эталон сравнения)

Уровень технологической безопасности экономической системы	Условия
Высокий	$\Delta LTP_0 \leq 0$
	$0 < \Delta LTP_0 \leq 0,5$ при условии $LTP_a(t_0)' \geq LTP_e(t_0)'$
	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t \leq \Delta t_n$
Средний	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t_n < \Delta t \leq 2 \Delta t_n$
Удовлетворительный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $2\Delta t_n < \Delta t \leq 3\Delta t_n$
Низкий	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $3\Delta t_n < \Delta t \leq 4\Delta t_n$
Кризисный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t > 4\Delta t_n$

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

По исходным данным динамики показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 (см. таблицу 1) были получены соответствующие уравнения нелинейной регрессии (таблица 3). Попарно решая данные уравнения относительно t , предварительно приравняв их правые части, оказывается возможным определить интервал времени Δt , в течение которого отстающая в сравниваемой паре экономика догонит лидера, что необходимо для диагностирования уровня ее технологической безопасности по шкале, представленной таблицей 2.

Таблица 3. Регрессионные уравнения, аппроксимирующие функции зависимости уровня технологической прогрессивности национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 от фактора времени

Страна (группа стран)	Уравнение регрессии	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Средняя ошибка аппроксимации, %
Беларусь	$LTP_{BY}(t) = 61,947 - 117\,952,094 / t$	0,99	0,99	0,20
Россия	$LTP_{RU}(t) = 29,617 - 52\,099,513 / t$	0,94	0,89	3,02
Китай	$LTP_{CH}(t) = \exp(-26,522 + 0,014 \cdot t)$	0,99	0,99	0,32
Страны G7	$LTP_{G7}(t) = 2,7 \cdot 10^{-4} \cdot t^2 + 1,029 \cdot t + 991,399$	0,99	0,99	0,71

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

Результаты определения уровня технологической безопасности по данной методологии представлены в таблице 4. К сожалению, они свидетельствуют о критическом уровне технологической безопасности Беларуси и России относительно их стратегических конкурентов, что требует принятия экстренных мер по исправлению сложившейся ситуации в рамках стратегии технологического

Для практического определения уровня технологической безопасности национальной экономики относительно догоняемого лидера на основе обозначенных выше критериев была разработана шкала, позволяющая диагностировать высокий, средний, удовлетворительный, низкий и критический уровни технологической безопасности (таблица 2). При разработке шкалы мы исходили из того, что высокий уровень технологической безопасности анализируемой экономической системы обеспечивается, если в текущий момент времени t_0 степень (глубина) ее отставания по показателю уровня технологической прогрессивности экономики ΔLTP_0 не превышает 0,5 техноуклада либо догоняющая экономическая система догонит лидера в течение нормативного (определенного руководством страны) срока Δt_n .

Таблица 2. Шкала определения уровня технологической безопасности анализируемой социально-экономической системы (относительно догоняемой, принятой за эталон сравнения)

Уровень технологической безопасности экономической системы	Условия
Высокий	$\Delta LTP_0 \leq 0$
	$0 < \Delta LTP_0 \leq 0,5$ при условии $LTP_a(t_0)' \geq LTP_e(t_0)'$
	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t \leq \Delta t_n$
Средний	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t_n < \Delta t \leq 2 \Delta t_n$
Удовлетворительный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $2\Delta t_n < \Delta t \leq 3\Delta t_n$
Низкий	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $3\Delta t_n < \Delta t \leq 4\Delta t_n$
Кризисный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t > 4\Delta t_n$

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

По исходным данным динамики показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 (см. таблицу 1) были получены соответствующие уравнения нелинейной регрессии (таблица 3). Попарно решая данные уравнения относительно t , предварительно приравняв их правые части, оказывается возможным определить интервал времени Δt , в течение которого отстающая в сравниваемой паре экономика догонит лидера, что необходимо для диагностирования уровня ее технологической безопасности по шкале, представленной таблицей 2.

Таблица 3. Регрессионные уравнения, аппроксимирующие функции зависимости уровня технологической прогрессивности национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 от фактора времени

Страна (группа стран)	Уравнение регрессии	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Средняя ошибка аппроксимации, %
Беларусь	$LTP_{BY}(t) = 61,947 - 117\,952,094 / t$	0,99	0,99	0,20
Россия	$LTP_{RU}(t) = 29,617 - 52\,099,513 / t$	0,94	0,89	3,02
Китай	$LTP_{CH}(t) = \exp(-26,522 + 0,014 \cdot t)$	0,99	0,99	0,32
Страны G7	$LTP_{G7}(t) = 2,7 \cdot 10^{-4} \cdot t^2 + 1,029 \cdot t + 991,399$	0,99	0,99	0,71

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

Результаты определения уровня технологической безопасности по данной методологии представлены в таблице 4. К сожалению, они свидетельствуют о критическом уровне технологической безопасности Беларуси и России относительно их стратегических конкурентов, что требует принятия экстренных мер по исправлению сложившейся ситуации в рамках стратегии технологического

наверстывания.

Таблица 4. Уровни технологической безопасности некоторых стран мира в 2023 г.

Анализируемая страна	Эталонная страна (группа стран)	Период времени Δt	Уровень технологической безопасности
Россия	Страны G7	$\Delta t = \infty$	Критический
Беларусь	Страны G7	$\Delta t = \infty$	Критический
Беларусь	Россия	$\Delta t = 13$	Средний
Китай	Страны G7	$\Delta t = 23$	Удовлетворительный

Источник: разработка Т.Ю. Горяевой

В-третьих, при реализации политики импортозамещения в Беларуси и России мы настоятельно рекомендуем учитывать его технологический аспект, поскольку оно может реализовываться на существующей технико-технологической базе, что лишь закрепит существующую технологическую отсталость обеих стран. Сегодня в Беларуси одним из ключевых критериев эффективности импортозамещения выступает целенаправленное увеличение показателя уровня локализации продукции $L_{пр}$, который согласно действующей типовой методике исчисляется в виде удельного веса отечественных сырья, материалов и комплектующих в себестоимости выпускаемой продукции [15]. При этом упускаются из виду две важные для обеспечения технологической безопасности проблемы. Первая из них обусловлена тем, что типовая методика игнорирует происхождение импорта сырья, материалов и комплектующих, а вторая – тем, что она не учитывает отложенный эффект западных технологических санкций, ориентированных на постепенный износ и выход из строя импортного технологического оборудования в средне- и долгосрочной перспективе.

Для решения первой из обозначенных проблем мы предложили к использованию уточненный показатель уровня локализации продукции $L'_{пр}$, который с помощью специальных поправочных коэффициентов учитывает, что промежуточный импорт может осуществляться из недружественных стран, государств-участников ШОС, БРИКС и Таможенного союза:

$$L'_{пр} = \left(1 - \frac{k_1 \cdot \sum C_{имп}^{НС} + k_2 \cdot \sum C_{имп}^{ШОС, БРИКС} + k_3 \cdot \sum C_{имп}^{ТС}}{ОП_{пр}} \right) \cdot 100\% \quad (2)$$

где

$C_{имп}^{НС}$, $C_{имп}^{ШОС, БРИКС}$, $C_{имп}^{ТС}$ – стоимость всех комплектующих и их частей, ввезенных в страну для производства продукции в отчетном периоде соответственно из недружественных стран (НС), государств-участников стран Таможенного союза (ТС) и стран-участниц ШОС и БРИКС, руб.;

k_1 , k_2 , k_3 – поправочные коэффициенты, учитывающие степень «недружественности» стран (1 – для недружественных стран; 0,8 – для стран-членов ШОС и БРИКС; 0,7 – для государств-участников Таможенного союза; при выборе данных поправочных коэффициентов мы использовали внутренний документ, регламентирующий закупки, осуществляемые для нужд компаний группы ПАО «ИнтерРАО», расположенных на территории Российской Федерации [16]); $ОП_{пр}$ – объем производства (себестоимость) продукции, руб.

Вторую проблему мы предложили решать путем исчисления показателя уровня локализации технологического оборудования $L_{ТО}$, который подразумевает определение доли отечественного и импортируемого из стран Таможенного союза, ШОС и БРИКС технологического оборудования с использованием предложенных выше показателей, учитывающих степень дружественности стран происхождения данного импорта:

$$L_{ТО} = \left(1 - \frac{k_1 \cdot \sum S_{имп}^{НС} + k_2 \cdot \sum S_{имп}^{ШОС, БРИКС} + k_3 \cdot \sum S_{имп}^{ТС}}{S} \right) \cdot 100\% \quad (3)$$

где $S_{имп}^{НС}$, $S_{имп}^{ШОС, БРИКС}$, $S_{имп}^{ТС}$ – стоимость (остаточная, переоцененная) технологического

оборудования и расходных материалов к нему, ввезенных в страну для производства продукции в отчетном периоде соответственно из недружественных стран (НС), государств-участников стран Таможенного союза (ТС) и стран-членов ШОС и БРИКС, руб.;

S – стоимость (остаточная, переоцененная) технологического оборудования и расходных материалов к нему, руб.

Следует отметить, что сегодня многие отечественные предприятия демонстрируют высокий уровень локализации продукции, исчисленный по типовой методике. Вместе с тем выясняется, что ее производство в значительной мере реализовано с использованием импортного технологического оборудования, что представляет собой скрытую перспективную угрозу технологической безопасности из-за описанного выше отложенного эффекта западных технологических санкций. Предложенный нами показатель позволяет непосредственно учитывать данную угрозу и соответственно, своевременно принимать меры для ее предотвращения.

Для одновременного принятия во внимание страны происхождения как промежуточного импорта, так и используемого технологического оборудования, мы предложили рассчитывать комплексный показатель уровня локализации производства L_k , наиболее полно и точно, на наш взгляд, учитывающий положение дел с импортозамещением в анализируемой экономической системе:

$$L_k = L_{np} \cdot L_{TO} \quad (4)$$

Очевидно, что целенаправленное повышение комплексного показателя уровня локализации производства будет стимулировать снижение зависимости как от промежуточного импорта, так и от зарубежных поставок используемого в производственном процессе технологического оборудования. Ориентация на данный показатель позволит непосредственно учесть технологический аспект импортозамещения и укрепить технологический суверенитет анализируемой экономической системы.

В качестве примера использования описанной методологии и методики определения уровня локализации производства приведем результаты соответствующих расчетов применительно к двум белорусским предприятиям, занятым производством импортозамещающей продукции (таблица 5). Данные результаты свидетельствуют о серьезных обусловленных высокой зависимостью от импорта угрозах обоим проанализированным предприятиям, что позволяет их менеджменту сделать соответствующие выводы и своевременно предпринять предотвращающие реализацию данных угроз меры.

Таблица 5. Показатели уровня локализации некоторых белорусских предприятий, связанных с производством импортозамещающей продукции, %

Предприятие	Показатель уровня локализации продукции L_{np}	Уточненный показатель уровня локализации продукции L'_{np}	Показатель уровня локализации технологического оборудования ЛТО	Комплексный показатель уровня локализации производства L_k
ООО «Квантрейд»	80	86	15	13
ООО «ПолиРун-строй»	20	33	79	26

Источник: разработка Т.Ю. Гораевой

Заключение

По результатам проведенного исследования необходимо сделать ряд заключительных выводов.

1. Растущая актуальность выхода цивилизации на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития требует верификации существующих методов осуществления хозяйственной

деятельности, ориентированных на нескончаемое наращивание ресурсных затрат и, соответственно, нагрузки на окружающую среду. Одним из возможных вариантов решения указанной задачи видится использование ресурсно-полезностного подхода к исследованию и управлению социально-экономическими системами и процессами, предполагающего наряду со стоимостными, затратными по своей сути характеристиками непосредственно учитывать полезностные параметры производимых и потребляемых экономических благ. При этом под полезностью предложено понимать свойство экономических благ увеличивать конкурентоспособность их потребителей в борьбе за необходимые им, однако, ограниченные ресурсы.

2. Наиболее продуктивным использование ресурсно-полезностного подхода оказалось при исследовании научной и научно-технической сферы, поскольку в настоящее время конкурентоспособность экономических систем в значительной мере предопределяется именно ее состоянием. При этом указанное состояние предложено оценивать не с позиции затрат на НИОКР, как это традиционно делается на основе показателя наукоемкости ВВП, а с точки зрения полезного результата научной и научно-технической деятельности, заключающегося в улучшении технологической структуры ВВП в пользу увеличения в нем удельного веса производств, относящихся к высшим технологическим укладам. Целенаправленное увеличение характеризующего технологическую структуру ВВП показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики должно стать одним из ключевых критериев управления научно-техническим прогрессом в Беларуси и России, существенно отстающих в данной сфере от своих стратегических конкурентов.

3. На основе текущих значений и динамики показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики оказывается возможным оценивать уровень технологической безопасности любой страны по сравнению с государством, принятым за эталон сравнения. При этом нами предложено диагностировать высокий, средний, удовлетворительный, низкий и критический уровень технологической безопасности. К сожалению, на основе использования данного подхода оказалось возможным констатировать критический уровень технологической безопасности Беларуси и России по отношению к стратегическим конкурентам – странам G7. В связи с этим рекомендовано в число стратегических приоритетов развития Беларуси, России и созданного ими Союзного государства включить необходимость планомерного наращивания уровня технологической безопасности, положим, до значений «удовлетворительный» к 2035 г., «средний» к 2040-му и т.д.

4. При реализации политики импортозамещения в Беларуси и России с целью укрепления их технологической и экономической безопасности необходимо принимать во внимание его технологический аспект. Для этого мы рекомендуем к использованию комплексный показатель локализации производства, позволяющий учитывать происхождение как промежуточного импорта, так и используемого при производстве продукции технологического оборудования. В этом случае политика импортозамещения позволит не просто замещать импорт отечественной продукцией, но и станет действенным инструментом стратегии технологического намерстывания, приобретающей жизненное значение для Беларуси и России в условиях нынешнего осложнения геополитической и экономической ситуации вокруг них, включая жесткое технологическое эмбарго к ним со стороны западных стран.

5. Ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических процессов, на наш взгляд, правомерно рассматривать в качестве одного из секторов концепции теоретической экономики, разрабатываемой научной школой В.А. Гордеева и интегрирующей в себя научные воззрения множества российских, белорусских и т.д. ученых, искренне озабоченных судьбами Отчества и человечества в целом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аймалетдинова, Л.А. Технический прогресс как источник социально-экологического кризиса современного общества / Л.А. Аймалетдинова // Вестник КГУ. 2012. №2. – С. 55-57.
2. Антонова, Ю.И. Современные аспекты глобальных проблем: учебное пособие. – Омск: ИП Пономарева О.Н., 2010. – 64 с.
3. Байнев, В.Ф. О необходимости возобновления политико-экономических исследований фундаментальных проблем научно-технического прогресса: оценка уровня технологичности экономических систем / В.Ф. Байнев // Теоретическая экономика. – 2022. – №9. – С. 14-27.
4. Вахрушева, Н.А. От затрат к результатам / Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Экономика и экологический менеджмент. - 2015. - №4. – С. 1-6.
5. Веревичев, В.И. Научно-технический прогресс в контексте теории глобального эволюционизма / В.И. Веревичев // Известия Самарского центра Российской академии наук. – Т. 19. – 2017. – №4(2). – С. 320-326.
6. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Т8RUGRAM, 2017. – 576 с.
7. Гордеев, В.А. Исследование общественного воспроизводства – фундаментальная основа разработки теоретической экономики / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2022. – №1. – С. 130-135.
8. Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: продолжаем разработку и развитие / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2021. – №5. – С. 5-11.
9. Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: «Мы хотим видеть дальше...» / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2021. – №7. – С. 5-12.
10. Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: очередные шаги развития / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2020. – №2. – С. 4-11.
11. Ельмеев, В.Я. Экономическое развитие и потребительная сила общества / В.Я. Ельмеев // Гуманитарные науки. – 1997. – №3. – С. 102-106.
12. Кажуро, Н.Я. Концепция устойчивого развития как новая парадигма общественного прогресса / Н.Я. Кажуро // Наука и техника. – 2016. – Т. 15. – №6. – С. 511-520.
13. Лыткин, В.В. Понятие космизма и проблема его классификации / В.В. Лыткин // Научные труды Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – №8 (127). – С. 265-272.
14. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с 13-го англ. изд. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 974 с.
15. Методика оценки среднегодового уровня локализации производства в целом или отдельного вновь осваиваемого изделия / Постановление Мин-ва эк-ки Респ. Беларусь и Мин-ва промышл. Респ. Беларусь от 23.03.2012 №20/2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Совместные_постановления/2012/57003. – Дата доступа: 21.07.2023.
16. Методика «Расчет уровня локализации товаров, работ, услуг» МТ – 156-2 (Приказ ПАО «Интер РАО», 11 марта 2019 г., № ИРАО/139) // ПАО «Интер РАО» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdn.interrao-zakupki.ru/iblock/8ec/8ecbae3c25c12fa1e4140b4b7c0c7648/68c6dcb2d8bbac4526d077008f3eadcd.pdf>. Дата доступа: 21.07.2023
17. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 478 с.
18. Пряжникова, О.Н. Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития / О.Н. Пряжникова // Экономические и социальные проблемы России. – 2014. – №2. – С. 86-107.
19. Райзберг, Б.А. Определение и обоснование стоимости, ценности социально-экономических объектов, благ, товаров, услуг / Б.А. Райзберг // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №3. – С. 12-15.

20. Субетто, А.И. Проблемы управления ноосферным устойчивым развитием / А.И. Субетто // Теоретическая экономика. - 2016. - №4 (34). – С. 7-18.
21. Федоров, Н. Философия общего дела / Н. Федоров. – М.: ЭКСМО, 2008. – 752 с.
22. Циолковский, К.Э. Космическая философия / К.Э. Циолковский. М.: ЭКСМО, 2018. – 416 с.
23. Шкиотов, С.В. Парадоксы конкурентоспособности национальной экономики: монография / С. В. Шкиотов. - Москва : Экон-информ, 2014. - 113 с.
24. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

Theory and practice of using the resource-utility approach for management scientific and technical progress

Goraeva Tatyana Yuryevna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: tatsiwork@mail.ru

Baynev Valery Fedorovich

Doctor of economic sciences, Professor
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: baynev@bsu.by

Annotation. The article presents the conceptual and theoretical foundations of the resource-useful approach to the study of socio-economic systems and processes, actively developed by the Department of Economic Security of the Belarusian State University. It is shown that along with the traditional cost, costly in terms of their political and economic essence, characteristics of socio-economic processes, it is necessary to take into account their useful parameters. The theoretical and practical results achieved within the framework of this approach, which are important for the management of scientific and technological progress in Belarus and Russia and focused on purposefully increasing the level of technological progressivity of their national economies, increasing the level of their technological safety, as well as taking into account the technological aspect of the implemented import substitution policies in both countries. It is concluded that the resource-useful approach to the study of socio-economic systems and processes can be considered as one of the directions within the framework of a comprehensive concept of theoretical economics, which today claims to develop a path for the development of civilization that can lead it to the trajectory of safe, truly sustainable development.

Keywords: theoretical economy, resource-utility approach to the study of socio-economic systems and processes, sustainable development, scientific and technological progress, technological progressivity of the national economy, technological security, technological function, safe development, import substitution.

Цифровой рубль или национальная CBDC?

Яковлев Александр Иванович

кандидат экономических наук, доцент

СПбГЭТУ «ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: Alex.Iakovlev@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – обозначить основные пробелы в теории денег при анализе категории «цифровой рубль». Принятые на днях нормативные акты решили локальный вопрос запуска платформы Центробанка, сохранив неопределенность структуры собственности на цифровой рубль и его правового статуса. Среди вариантов эмиссии цифровой валюты, обсуждаемых регуляторами, нет теоретически обоснованной концепции явного лидера, по крайней мере, для той или иной группы стран. ЦБ Российской Федерации избегает как исторических оценок, так и публичных прогнозов, таких, как структура и динамика денежной массы, динамика денежных агрегатов, индекс потребительских цен, не говоря уже о более серьезных вещах и заменяя их описанием технологии, по сути, «Кратким руководством по эксплуатации» сервиса ЦБ.

К основным результатам исследования можно отнести гипотезу о том, что платформа цифрового рубля на этапе тестирования и запуска – государственная платежная система с ограниченным функционалом, а сам цифровой рубль – электронное средство платежа. Чем более развита национальная CBDC, тем менее вероятен дефолт финансовой системы страны в принципе, тем более устойчива её экономика. Влияние цифрового рубля на бизнес коммерческих банков оценивается разнонаправленно, анализируются угрозы и возможности (SWOT-анализ) его использования.

С появлением цифрового рубля встает вопрос ревизии системы денежных агрегатов и ввода в научный оборот агрегата денежной массы, отражающего наличие цифровых валют (рубля, песо, доллара и т.д.), например, Md или DM0 (digital money).

Ключевые слова: цифровой рубль, теория денег, цифровая валюта, финансовая система, bitcoin, CBDC, Центробанк РФ, функции денег, денежное обращение

JEL codes: E11; E13; E40; E58

Для цитирования: Яковлев, А.И. Цифровой рубль или национальная CBDC? / А.И. Яковлев.- Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.27-39. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Актуальнее темы не только в теории денег, не только в теории финансов, но и в экономической теории в целом сегодня в мире просто нет. Наконец-то в России имеет место практика внедрения новой – цифровой – денежной системы, а началась эта история в марте 2017 года [31, с.1], когда о своих намерениях по запуску e-krona [электронная крона - шведский вариант CBDC (central bank digital currency)] амбициозно заявил Центробанк Швеции/ Riksbank, опубликовав Программу исследований «The Riksbank's e-krona project» [32] (в то время термина «CBDC» просто не существовало).

В октябре 2020 свое слово сказал Банк России, издав в формате «Доклад для общественных консультаций» работу «Цифровой рубль» [25], тем самым вынеся на публичное обсуждение и положив начало как реализации проекта, так и бурным дискуссиям по этому поводу.

Масштабы и экономическое значение изучаемой проблемы важны и многогранны, на наших глазах стремительно рождается новая денежная система (не новые «деньги», а новая денежная система), это причиной исследования.

Цель работы: осветить вопросы методологии денег в связи с запуском цифрового рубля, на которые пока нет внятного ответа, а в последнее время они даже не обсуждаются ни Банком России, ни представителями mainstream в целом. Вместе с тем автор намерен предложить свою версию цифровой денежной системы (можно и цифровой валюты), которая создается

(не только) в России. Метод исследования – критический анализ на основе классической теории денег и диалектической логики в целом как его основы.

Теоретической базой исследования – в силу его скромного объема – служат доступные автору научные публикации и законодательные инициативы Банка России (См. в частности, [25], [18], [6], [7]), как не только уполномоченного за внедрение цифрового рубля органа, но и сконцентрировавшего лучшие теоретические силы страны научного центра, а также комментарии экспертов по поводу экономических характеристик сервисов по переводу электронных денежных средств.

Результаты исследования

Цифровой рубль – третья форма денег. Какие ещё?

Центральный банк декларирует, что в России в ближайшее время появится такая новая форма денег [25, с.5] или российская версия CBDC как цифровой рубль. Тем самым у национальной денежной единицы (рубля, доллара, фунта) в теории возможны три формы: наличность (cash), безналичность (cashless) и, как иногда говорят, цифровая наличность (digital cash).

Допустим, цифровой рубль – третья форма национальной денежной единицы. Но что представляет собой сама денежная единица, т.е. собственно рубль, сегодня? Разве современный рубль (как и доллар) сам не является некой формой денег? В последнее время (сознательно?) из риторики ЦБ исчезло даже упоминание о том, что речь идет всё-таки о такой «разновидности денег» [25, с.9], как фиатные, а не о категории «деньги вообще», как может показаться.

«Цифровой рубль – это третья форма денег» [17, с.1] в самой поверхностной, по сути внеэкономической классификации, которую при всем желании нельзя назвать научной.

Такие якобы наличные «кредитные деньги» как векселя и чеки могут и обращаются не только на бумажном носителе, являясь к тому же не денежными знаками, а ценными бумагами (если коротко, обслуживают оборот или движение (денежного) капитала, а не денежных знаков).

Далее, эклектичное определение, издавна кочующее из учебника в учебник (во многом благодаря дисциплине «Деньги, кредит, банки»): «Безналичные деньги – это записи на счетах в банках», [27, с. 298] приемлемо лишь для обывателя. Хотя бы потому, что термин или определение «безналичные деньги» в целом не учитывает, как известно, ни один денежный агрегат. Мало того, альтернативная позиция: «Безналичные (электронные) – это не денежные знаки, а записи на банковских счетах», [1, с.1] не менее проста и логична. Верно, на самом деле, широкое определение: безналичность определяется как «денежные расчеты, производимые без применения наличных денег», [27, с.22] но ни коммерческие банки, ни тем более Центробанк с ним согласиться не могут.

Пластиковые карты (кредитные они или платежные – не имеет значения) – вообще не денежные знаки и даже не их заменители, а своеобразные ключи (как в гостинице или офисе), лишь предоставляющие доступ к электронной платежной системе (далее – ЭПС).

Почему же тогда так популярна версия, что наличность и безналичность – формы денег (денег, а не денежных знаков)? Остается только вспомнить вечное: «Сui bono?»

Деньги и денежные знаки. Содержание и/или форма?

В процессе своей долгой эволюции деньги (точнее, денежная система или даже экосистема) изменялись. Это очевидно. Деньги менялись, но каким образом и насколько? Ответ классической теории денег таков: изменялись не сами деньги, конечно, если определять последние как комплекс выполняемых ими социально-экономических функций, существенно изменялся носитель денег или выражающий их денежный знак, что фундаментально не одно и то же. Формы денег менялись, сохраняя в принципе содержание данной экономической категории. Эта едва ли не азбучная для экономической теории начиная с XIX века истина вызывает у ряда экспертов – практиков неопишуемые трудности не в силу неподъемной сложности возникающих (при смене формы денежных знаков) теоретических проблем, а в силу стоящих за той или иной формой денег социально-экономических, т.е. по определению эгоистических, интересов различных общественных групп, слоев, классов, наций и целых государств. Чтобы скрыть сей досадный факт, т.е. скрыть проблему «черного передела», всегда сопутствующего изменениям в денежных отношениях как явлению общественном,

последняя, насколько это возможно, облекается в «абстрактные» (вне места и времени) теоретические конструкции/дефиниции и подается как объективная (при данных обстоятельствах места и времени) необходимость.

Что принципиально важно, денежный знак, поскольку анализируются формы фиатных денег, как не имел внутренней стоимости, так и в цифровой форме рубля её также иметь не может. На практике это означает, что Центробанк как эмитент цифрового рубля просто добавляет (руками администратора) в свою базу данных, т.е. ставит на баланс мегарегулятора желаемую (в принципе любую) цифру, которая волшебным образом превращается в заданную сумму цифровых денежных знаков. При этом не встречалось даже технического описания, не говоря уже об инструкции или положении, алгоритма/механизма рождения (как из пены морской) этих самых цифровых денег. Казалось бы, почему не опубликовать инструкцию? Интересно же. Но нет, наверняка эта информация под грифом «Top secret».

Сам по себе носитель, т.е. денежный знак, ни в бумажной, ни в цифровой версии (рубля) внутренней стоимости не имеет, её (эту виртуальную стоимость) не обеспечивает, а лишь гарантирует национальной системе обращения/обмена посредник или третье лицо, в данном случае ЦБ РФ. Да, купюра, номинированная в USD или Euro – такой же пропитанный краской кусок бумаги, что и рубль, но гарантия ЦБ и стоящего за ним Минфина превращает бумагу в документ строгой отчетности (по сути, в своеобразный оборотный вексель), обещание (credit) государства придает такой бумаге некую ценность, необходимую при оплате товаров и услуг. Определения «token/ coupon/ жетон» чаще применяются при описании безналичных операций, но по экономическому содержанию это такой же денежный знак или представитель, что и купюра/банкнота.

Цифровой рубль и будущее денег.

Теперь о трех формах (или о трех соснах, в которых так уверенно плутает теория денег от mainstream). Согласно позиции ЦБ у граждан уже «есть наличные (банкноты и монеты в...кошельках) и безналичные (деньги на счетах в банках, на картах), авдополнение к ним появится еще третья форма – цифровая». [31, с.1]

Чем же цифровой рубль как новая («в дополнение»?) форма денег экономически отличается от двух исторически предшествующих? В чем выгоды Центробанков большинства стран мира, неожиданно и дружно рапортующих сегодня о готовности внедрять CBDC? И каковы выгоды для пользователей/владельцев последней?

Не меняясь по существу (или в функциях, как утверждает любой учебник по экономике, определяя категорию «деньги»), рубль всё-таки изменился, поскольку форм у него уже три. Как говорится, воистину «един в трех лицах». Насколько серьезными могут быть (в теории) изменения в отношении экономического содержания денег, хотя по типу или по «разновидности» это по-прежнему fiat? Автор утверждает, что в последнее время ЦБ РФ всячески избегает ответа на эти вопросы, т.е. избегает как исторических оценок, так и по крайней мере публичных прогнозов (речь идет о банальных вещах: структура и динамика денежной массы, динамика денежных агрегатов, индекс потребительских цен, темпы прироста агрегата M0 по годам и т.д.) , не говоря уже о более серьезных предметах («связь денежного предложения с основными макроэкономическими показателями и тенденции его изменения в краткой и среднесрочной перспективе» [2], «сценарии взаимодействия денежно-кредитной политики и экономической динамики страны» [21] и т.д.) и заменяя их описанием технологии, по сути, «Кратким руководством по эксплуатации», точнее, предлагая научной общественности обсуждать документ «Положение о цифровом рубле» [18].

Насколько основательны возможности и гарантии Центробанка как государственного (для простоты) института, что третья форма рубля состоится в России? Парадоксально, но косвенным ответом служит в том числе статистика Банка России по закупкам золота в слитках (этой своего рода монеты «кредиторов последней инстанции»). [14, с.1] Динамика закупок Au подтверждает, что «In god we trust» совсем не так безоговорочно, чем буквально пару лет назад.

ЦБ о перспективах цифрового рубля: «Все три формы российского рубля будут абсолютно равноценными» [25, с.6], что несерьезно, конечно. Формы не могут быть равноценными по определению, они лишь эквиваленты (причем номинально) при обмене друг на друга.

Причина во многом кроется в отсутствии пока достаточной практики, но очевидно, что учеными анализируются лишь те немногочисленные модели (скорее, даже технологически доступные схемы эмиссии) CBDC, которые им предлагаются теми же Центробанками. Что характерно, среди вариантов эмиссии, обсуждаемых регуляторами, нет теоретически обоснованной концепции явного лидера, по крайней мере, для той или иной группы стран, что должно настораживать. Как нет, на взгляд автора, и понимания того, что на практике возможен совершенно неожиданный вариант национальной CBDC.

Насколько существенна национальная специфика CBDC?

Вероятно, многих удивит, но Bretton-Woods Agreement вообще обошелся (формально) без надзорных органов, т.е. без соблюдения общих правил, поскольку Базельский комитет по банковскому надзору был основан лишь в 1974 году, т.е. через 30 лет, уже в эпоху Ямайской валютной системы [12, с.129].

Насколько специфика национальной CBDC может быть существенна? Настолько, насколько сегодня специфика Китая и Нигерии дают почву для обобщений и анализа, как и Сальвадора (эксперимент с внедрением Bitcoin), кстати? Это тема отдельного исследования, конечно, но теоретическая проблема очевидна.

Пока, причем мимоходом, имеет место только констатация факта: «На данный момент не существует единых стандартов CBDC» [23, С. 1]. Но стандартов каких или чего? И далее речь идет об архитектуре, инфраструктуре, уровнях доступа и т.д. При этом, конечно, в публикациях упоминаются различные версии CBDC, но, скорее, как технологические модели, и даже саму цифровую валюту иногда называют «технологией», например: «В настоящее время единого подхода к формированию концепции CBDC нет, поэтому каждое государство ... разрабатывает технологию самостоятельно» [24, с.1]. Нет такого анализа и там, где, казалось бы, он быть обязан. [11]

Что касается США, то создание своей национальной CBDC им пока вообще не нужно, как не выгодно и формирование CBDC в других странах, поскольку вся современная мировая финансовая система построена на доминировании USD как резервной валюты.

Цифровой доллар таких возможностей как доллар бумажный иметь не будет – просто не будет уникальных условий (в первую очередь экономических и политических), позволивших США сформировать глобальную инфраструктуру (МВФ, Всемирный банк, SWIFT, etc.) на основе Bretton-Woods Agreement. А главное, в будущей мировой финансовой системе (элементарно технически) не смогут исполняться нормативы Базельского комитета Банка международных расчетов, даже если они формально и будут приняты.

Для цифровой валюты нормативы BIS пока не прописаны, поэтому они могут отличаться от принятых сегодня, но скорее всего, их не будет совсем. С учетом того, что национальный ЦБ сможет контролировать как эмиссию, так и обращение CBDC в реальном режиме времени, тем самым сможет избирательно ограничивать перевод цифры в безналичность и обратно, а может и просто его приостановить, BankRun по идее невозможен технически. Чем более развита национальная CBDC, тем менее вероятен дефолт финансовой системы страны в принципе, тем более устойчива её экономика, тогда как сам ЦБ не может быть банкротом буквально, как коммерческая организация. Главное: в ходе успешного внедрения цифрового рубля зависимость страны от наличия золотовалютных резервов должна существенно снижаться.

Именно поэтому ФРС предлагает stablecoin USDT как некую альтернативу CBDC и явно его поддерживает, считая USDT перспективным направлением развития финансовой системы США. Казалось бы, причем здесь криптовалюта и её производные? Всё просто. Технически/технологически любой stablecoin, тот же USDT – такая же ЭПС как и, скажем, PayPal, они построены на одних и тех

же, что важно, экономических и технологических принципах.

ФРС США заинтересована в сохранении status quo ныне существующей в принципе, несмотря на все модификации, аналоговой мировой финансовой системы, а в качестве возможной альтернативы CBDC рассматривает контроль над инфраструктурой в сфере crypto-валют.

Цифровой рубль – не новая валюта

Комментаторы в один голос заявляют: цифровой рубль – новая форма денег, но никоим образом «не новая валюта». [10, с.1] Практический смысл этого заявления, видимо, в том, что цифровой рубль не создает нового/дополнительного предложения, т.е. не возникает новый рынок сбыта, как это было, например, после открытия Америки Колумбом в 1492 году с теми огромными запасами практически бесплатного золота, что пошатнули экономическую теорию в пользу количественной теории денег, и как это было затем уже в конце XIX века в связи с открытием крупных промышленных месторождений в Калифорнии и Австралии.

Иными словами, цифровой рубль – не объект для финансовых спекуляций, что убивает даже призрачные надежды игроков финансового рынка на извлечение дохода (ещё раз напоминая и доказывая адептам Modern Monetary Theory (ММТ) разницу между деньгами и капиталом). [6, с.5]

Более того, из материалов ЦБ однозначно следует, что с цифровым рублем не только невозможно совершить противоправные действия в принципе, поскольку исключена возможность анонимных транзакций, так как каждый рубль будет якобы иметь уникальный цифровой код (или ID/Identifier, т.е. идентификатор) и храниться в кошельке на blockchain-платформе мегарегулятора, но и сама третья форма денег должна быть эффективным инструментом контроля.

Как это будет реализовано в сети, а не на блок-схеме, пока трудно сказать, поскольку вся техническая разработка цифрового рубля закрыта даже для специалистов и по факту имеет статус государственной тайны. Тем не менее, хотя об этом часто пишут в популярной литературе, бумажная купюра с уникальным номером/кодом не может быть прямым аналогом «цифровой монеты», поскольку каждая запись в любой структурированной базе данных по определению цифровая, по определению закодирована и тем самым по определению уникальна.

Что касается аналогии с криптосистемой обмена Bitcoin, то и там условная единица расчетов (или «цифровая crypto-монета») не имеет собственного ID, а криптографически защищенный идентификатор или DID (Decentralized Identifier) [13, с.1], гарантируя анонимность и безопасность, присваивается транзакциям и кошелькам, но не самим «crypto-монетам» как таковым, т.е. обещанной персонализации/уникальности цифровой записи как денежного знака нет и там. Удивительно даже не то, но её нет и быть не может технически, а то, что для цифрового денежного знака DID не нужен – что гораздо важнее – экономически, основанием для такого заключения служит легендарное дело 1749 года (sic!) «Crawford versus The Royal Bank» Шотландии о взаимозаменяемости банкнот (купюр). [28]

Цифровой рубль и функции денег

«Цифровой рубль — это прежде всего средство для осуществления расчетов, платежное средство, а не средство сбережения», – убеждена глава Банка России.[8, с.1] А в пресс-релизе ЦБ и вовсе заявлено: «Цифровой рубль создается как средство для проведения платежей и переводов, а не как средство сбережения или кредитования» [26, с.1] Упомянуто неоднократно, это уже не оговорка, не «фигура речи», это позиция. Хотя и весьма странная. Следуя этой логике, рубль, независимо от его формы, если не является средством сбережения, то не может быть и средством накопления (это две стороны одной медали). А средство накопления/сбережения стоимости – базовая функция любой денежной единицы.

Почему вдруг такая риторика у ЦБ? Получается, если цифровая валюта не средство сбережения/накопления, тогда и банк (в этом контуре) – просто посредник, который не нужен.

Цифровой рубль – не средство накопления, а бумажный – средство? Странно. Хотя на самом деле меняется только форма денежного знака.

Таких теоретических ляпсусов ЦБ допускать не должен. Но допускает, причем сознательно. Почему? Потому что (позиция автора) технологически и функционально создаваемый сервис ЦБ РФ практически равен сервису Yandex, т.е. представляет собой ЭПС. Будет ли при этом и когда наличность бумажная замещаться наличностью цифровой – тайна великая есть.

Цифровой рубль: угроза или возможность?

Один из немногих вопросов теории денег, который ЦБ вынужден хотя бы упоминать, иначе публике непонятно, что вообще отличает новую форму от двух предыдущих. Общественности предлагается поверить в такую научно-популярную версию: дескать, «цифровой рубль в случае его внедрения объединит в себе «свойства и преимущества наличных и безналичных денег» [25, с.6]. На первый взгляд, замечательная версия. Но даже у людей, далеких от экономической теории, невольно возникает вопрос: если действительно так будет, зачем нужны другие формы денег? Они исторически обречены? Тогда наряду с объединением преимуществ должен существовать если не антагонизм, то как *min* конфликт интересов или противоречие представляющих интересы других форм денег социальных групп. Возможно, поэтому ЦБ РФ вскоре отказывается от этой дивной (почти по Гегелю) формулировки. Но это совсем не значит, что противоречие исчезло. Наоборот, с внедрением цифрового рубля оно лишь усиливается.

Мало того, именно с упразднением предыдущих форм рубля оно окончательно разрешится, т.е. снимется. Значит ли это, что внедрение цифрового рубля, объединившего преимущества обеих предыдущих форм денег – чудесное спасение от кошмара инфляции и кризисов? Нет, конечно. Незыблемый постулат теории и практики: стабильная валюта возможна только в стабильной, читай сильной, экономике.

Технические возможности и экономические предпосылки для формирования высшей стадии денежной системы империализма XXI века, а на её базе реорганизация монетарной или финансовой системы, если не созданы, то стремительно создаются на наших глазах. Bretton-Woods Agreement обречен, технические инновации неизбежно приводят к экономическим потрясениям. Государственная цифровая форма денег или CBDC открывает возможности для тех, кто намерен изменить мировую экономическую систему и угроза для тех, кто хочет её сохранить, а в идеале и увековечить.

Цифровой рубль: кто хозяин?

Если денежные знаки физического или юридического лица хранятся в коммерческом банке, то структура собственности на них получается «двойственной», скажем так. Причем если ваши денежные знаки хранятся на расчетном счете в банке – они не совсем ваши (могут исчезнуть вместе с банком в случае его банкротства), а если размещены на депозитном счете в том же банке – то уже совсем не ваши даже юридически [19, с.97]. Иными словами, права собственника на денежные знаки в безналичной форме явно ограничены.

Цифровой счет (кошелек) на платформе Центробанка – не расчетный счет в банке коммерческом. Если цифровой рубль объединяет в себе «свойства и преимущества наличных и безналичных денег» [25, с.5], то как в этом случае юридически защищено право собственности на денежные знаки? Ответ представителя Центробанка таков: «Вотношении цифровых кошельков граждан будут действовать тежеправила, чтоуже действуют вотношении безналичных счетов». [4, с.1] Но у юристов совсем другое мнение: «Анализ обширной правовой литературы показывает, что в оценке цифрового рубля, к сожалению, преобладают разноголосица мнений и понятийный хаос» [3, с.10] Мало того, «если признавать цифровой рубль формой денег, то неясно, что это за объект права, как он возникает и попадает в оборот?» [5, с.62–63] Представители юриспруденции недоумевают, каким чудесным образом «тыква превращается в карету», а экономисты этот вопрос практически игнорируют.

Откуда всё-таки берется цифровая валюта? Если с коммерческой ЭПС всё понятно, ею оказывается услуга «последней мили», т.е. доставка чего-то куда-то имеет место, за услугу по доставке взимается плата, а эмиссия денежных знаков, на взгляд автора, просто не предусмотрена алгоритмом

ЭПС, а главное, не нужна самому бизнесу.

Тогда как в случае с CBDC, видимо, необходимо создать некое подобие первоначального или «уставного капитала». Хотя эксперты-практики утверждают, что М0 при наличии цифрового рубля в моменте якобы не меняется, но объяснить, как при этом вообще «зарождается» цифровая валюта, они почему-то не в состоянии. Поэтому каков объем «уставного капитала», будет понятно, видимо, в результате тестирования сети/платформы ЦБ. Именно поэтому в такой спешке (сразу в двух чтениях) одобрен 11 июля технический, по сути, законопроект № 270838-8 (в части формирования правовых основ для внедрения цифрового рубля), [7] вступающий в силу уже с 1 августа.

Никто другой, кроме его владельца, по заверениям ЦБ, получить доступ к цифровому кошельку не может. Но полный контроль самого ЦБ при этом не обсуждается, хотя об этом прямо записано в законопроекте: «Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования, а также устанавливает правила платформы цифрового рубля. [7, с.4] Регулятор контролирует цифровую валюту по определению, как администратор контролирует созданную для собственных нужд базу данных. Любопытно, почему, кстати, цифровой счет называется «кошелек»? Почему не «личный кабинет», хотя это одно и то же, или «ячейка»?

Как наличный рубль должен быть конвертирован в безналичный для получения дохода (на депозите) в банке, так и рубль цифровой не может принести дохода ни его владельцу, ни банку без перевода в безналичный. Зачем тогда обывателю цифровой рубль? Зачем тогда банку эта новая форма денег? Ответа нет, зато были попытки фронды, главным образом, в лице Сбера. Коммерческие банки встретили появление CBDC более чем сдержанно, зачем тогда самому ЦБ как их «кредитору последней инстанции» эта форма денег? Ведь такая серьезная трансформация как банковской, так и кредитно-денежной системы в целом неизбежно приведет к трансформации, а возможно и реформации самого Центробанка.

Цифровой рубль и IT-технологии

В этом исследовании автор старается не уйти от описания технических деталей, они экономистам просто неизвестны, а скорее избежать технологического подхода при изучении проекта Центробанка. При этом полезно обратить внимание на ряд фундаментальных экономико-технических характеристик платформы цифрового рубля.

Так, Центробанк пытается если не дать свое определение, то объяснить будущему владельцу, что такое «цифровой рубль» с точки зрения технологии его создания. В документе, где изложены «основные правила» [20] работы на платформе ЦБ, используются, правда без всяких комментариев, термины «электронное средство платежа» (ЭСП) и «электронное денежное средство» (ЭДС). Тем самым появляется привязка как к существующим правовым актам, так и – главное – к существующим технологиям. Удивительно, но термина «электронная платежная система» или «ЭПС» в этом документе не встретилось ни разу.

Для начала, в п.2.2. ЦБ пытается (именно пытается) дать определение цифровому рублю с точки зрения технологии. Выглядит это так: банк как участник «при предоставлении доступа к платформе» своему клиенту как «пользователю» даёт последнему возможность «составлять, удостоверить и передавать распоряжения», используя (важно) «электронное средство платежа (далее – ЭСП) на основе программного обеспечения» [18, с.5 - 6].

Итак, для «совершения операций с цифровыми рублями» банк, именно банк почему-то, а не ЦБ, предоставляет пользователя (а не собственнику) «электронное средство платежа... на основе программного обеспечения» [18, с. 6].

А в п. 2.4. Центробанк заявляет о возможности банка проводить операции на своей платформе как с рублем безналичным, так и (важно) с наличием «остатка электронных денежных средств (далее – ЭДС), распоряжение которым осуществляется с использованием персонифицированного или корпоративного ЭСП» [18, с.6]. Так витиевато и неявно ЦБ признает взаимодействие с традиционными

электронными платежными системами.

Тем самым по факту Центробанк признает, по мнению автора, что сам цифровой рубль – не более, чем электронное средство платежа (ЭСП), как минимум одна из его форм/версий, а платформа цифрового рубля признается тем самым – технологически и экономически – не более, чем одной из версий ЭПС. Регулятор даже не рискнул (пока?) определить/классифицировать цифровой рубль как электронное денежное средство.

Что касается таких технологических новшеств, как блокчейн и smart-контракт, то в архитектуре/на платформе цифрового рубля они, разумеется, предусмотрены. Представители ЦБ утверждают, что платформа цифрового рубля создана «на гибридной архитектуре: использовали централизованное IT-решение и блокчейн». [9, с.1] Тем не менее в нормативных материалах ЦБ по внедрению цифрового рубля они пока не прописаны.

Несмотря на всё более, с одной стороны, техническое, а с другой – описательное изложение Центробанком РФ архитектуры цифрового рубля, что вполне закономерно, само технологическое решение по внедрению цифровой валюты в России, по мнению автора, выглядит тривиально, и на первом этапе не может быть иным. Иначе запуск CBDC не мог бы состояться в той же Нигерии. Есть множество IT-решений, доступных для копирования и создания аналогов, ЭПС – явно одно из них. Электронная платежная система впервые появилась на свет в конце прошлого века (PayPal, 1998) и как IT-технология давным-давно выбралась на плато продуктивности кривой Gartner, достигнув стадии mass adoption.

Цифровой рубль как экосистема

Решение по цифровому рублю – это пока не столько FinTech инновация, сколько стратегически вынужденное экономическое, даже политико-экономическое решение. Те поистине огромные возможности, которые заложены в цифровой рубль как ЭПС нового поколения, конечно, будут реализованы, но со временем.

В связи с этим любопытны («информация к размышлению») характеристики сервиса PayPal, самой популярной в мире платежной системы, которая вышла, по мнению автора, за пределы традиционной ЭПС и трансформируется в глобальную платежную экосистему.

Так, в 2006 в Австралии и в 2007 года в Люксембурге сервис получил банковскую лицензию и «функционирует в качестве банка». [30, с.1]

В 2017 PayPal купила «SWIFT Financial — ведущего провайдера в области онлайн-кредитования американского малого бизнеса», что позволяет сервису выдавать «долгосрочные займы размером до 500 000 долларов». [30, с.1]

Среди «главных характеристик» платежной системы, а в США она зарегистрирована в качестве «финансовой организации, занимающейся денежными переводами» выделяют «наличие лицензии (в ряде стран) на ведение банковской деятельности» и «мультивалютность. Для проведения операций уже доступно 25 мировых валют». [30, с.1]

Самое любопытное произошло в 2013 году, когда сервис по ошибке перечислил 92 с небольшим квадриллиона USD [29, с.1]. Конечно, это технический сбой, но примечательно не то, что продавец автозапчастей Chris Reynolds мог бы воспользоваться полученными денежными средствами, важно то, что такой курьез был технически возможен и что такая безумная цифра не нарушила экономику, скажем так, платежной системы. И должной оценки этому происшествию со стороны экономистов так и не прозвучало, что говорит о многом.

Цифровой рубль и система денежных агрегатов

С появлением цифрового рубля неизбежно встает вопрос ревизии системы денежных агрегатов и ввода в финансовую статистику и в научный оборот агрегата денежной массы, отражающего наличие цифровых валют (рубля, песо, доллара и т.д.), например, Md (где d – digital money).

Как известно, денежный агрегат M0 (банкноты + монеты + казначейские билеты) – это денежные знаки, выполняющие классические функции денег в товарно-денежном обращении. Допустим, для

простоты, что все операции с агрегатами M1 и M2 выполняются банком, точнее, банковской или кредитно-денежной системой, которая сегодня представлена безналичными, а по факту цифровыми денежными знаками.

Если наряду с M0 появляется агрегат Md или DM0 (digital money), то трансформируется не только вся система денежного обращения, где со временем наличные денежные знаки замещаются цифровыми, т.е. денежный агрегат M0 замещается агрегатом DM0, но неизбежно трансформируется вся монетарная, т.е. кредитно-денежная система, включающая безналичный (контролируемый банком, для простоты) оборот.

До этого момента государство (в лице Минфина и ЦБ) все расходы как по эмиссии, так и по денежному обращению брало на себя, но затем оставляло наличность у дверей банка (инкассация или перевозка денежных средств – оплачиваемая услуга). Теперь же не только эмиссия наличного цифрового рубля (Md или DM0), но и её «хранение», а по факту владение переходит в руки государства. Почему так не было раньше? Ведь экономическая власть государств – в идеале – должна распространяться на весь цикл денежного (важно денежного) обращения. Посредничество банковской системы было вынужденным в силу уровня развития производительных сил. Частная инициатива победила, эмиссия и обращение наличности разделены и поделены, точнее, монополизированы формально негосударственным ЦБ и коммерческими банками, т.е. находятся в руках частного бизнеса, извлекающего выгоду.

Наличие банка-посредника между государством и физическим лицом в сфере денежного обращения оправдано лишь в рамках фиатной денежной системы. Предстоящая трансформация затрагивает интересы банковского сообщества, возникает конфликт, даже антагонизм интересов. Государство вместо союзника, такова диалектика, превращается в конкурента.

Появление цифрового рубля трансформирует наличный оборот в безналичный. Тем самым не только популярная классификация теряет смысл (его и раньше было немного), главное, начинается конкуренция за бесплатную наличность, которая сегодня в безналичной форме (да, ещё одно противоречие формы и содержания) «хранится» на расчетных счетах населения и бизнеса в банках, т.е. начинается конкуренция за денежный агрегат M1.

Ситуация сегодня во многом напоминает происходящее на рынке платежных услуг в связи с появлением в России национальных ЭПС лет 20 назад. Тогда банковская система ожидаемо победила, мало того, была серьезно модернизирована. Что будет завтра? По заверениям ЦБ, банковская система не только остается, но и получает мощный импульс для своего развития. [9, с.1] Зачем? Чтобы обеспечить не внедрение цифрового рубля, для этого она не нужна, а бесшовную склейку с финансовой системой, чтобы обеспечить непростой и длительный переход населения и бизнеса, что намного важнее и серьезнее, к цифровой государственной монетарной системе.

Именно безналичность в лице агрегата M1 как денежная форма финансового капитала есть ядро, если угодно, фундамент современной монетарной (в русской версии – кредитно-денежной) системы. Вывести бумажные деньги из оборота технически не так сложно, в конце концов, экономию на печати денежных знаков никто не отменял. В идеале останутся только цифровой и банковский, теперь только безналичный, рубль. Но за наличным денежным оборотом стоят интересы конкретного бизнеса (и части элиты, его представляющей), которые так или иначе должны быть учтены.

Цифровой рубль: воспоминания о будущем

Не прошло и 200 лет, как прогресс добрался до реализации предсказаний классиков научного коммунизма, над которыми немало потешались «настоящие» ученые от mainstream. В работе «Манифест Коммунистической партии» (1848 год) среди 10 заповедей, так уж принято до сих пор, программы перехода от капиталистической общественной формации к коммунистической [15, с.1], есть пункт № 5, который ещё 15-20 лет назад воспринимался как рудимент идеологического наследия СССР. Но история диалектична, поэтому полна парадоксов, итак: «Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной

монополией» [16, с. 446].

Что происходит сейчас, и не только в России? Процесс обобществления, как и прогресс, как и процесс развития производительных сил в целом, противоречив, но неумолим.

FinTech в сфере не просто денежных, а товарно-денежных отношений поднимается на последний – государственный (выше просто некуда) – уровень обобществления, управление/регулирование денежной массой закономерно поднимается на уровень общественного интереса, где уже присутствуют такие продукты FinTech как «Госуслуги», платформа ФНС и ряд других.

Капитализм, это уже ясно, будет вынужден в итоге пожертвовать самым прибыльным и самым все более бессмысленным и непроизводительным сектором экономики – банковским.

Цифровой рубль – такой же по масштабам и уровню сложности и инновационности IT-технологий проект, как и цифровые платформы Яндекса или Сбера, вряд ли принципиально сложнее. Но качественно новый – государственный – уровень масштабирования ЭПС трансформирует всю существующую денежную систему, придаёт ей принципиально иной экономической и правовой статус.

Наряду с этим государство как институт медленно, но верно теряет свои экономические функции, диалектически подтверждая, что если эмиссия денежных знаков – ключевая из экономических функций, переходит на уровень общества в лице государства, то рано или поздно контроль государства заменяется/замещается непосредственно общественным контролем.

Заключение

Банковская, сиречь финансовая, система аккумулировала сегодня практически все более-менее значимые легальные (важно, легальные) денежные потоки. «На конец текущего года «рост безналичных расчетов в рознице» России ожидается до 83-84% [9, с.1]». В целом консервативная банковская система в итоге интегрировала основные функции ЭПС (внедрена СБП, например). Функционал ЭПС по определению ограничен безналичными транзакциями, но, с другой стороны, аудитория интернет пространства неуклонно расширяется.

Острое противоречие момента в том, что существующая финансовая система России и её бенефициары объективно – независимо от позиции действующих субъектов – являются неотъемлемой частью глобальной мировой финансовой архитектуры, созданной на основе Bretton-Woods Agreement.

Но прогресс неумолим. Государство в лице Центробанка пытается наверстать упущенное и спешно создает национальную цифровую валюту. Что это означает экономически (да и юридически)? По сути, на этапе запуска, т.е. на этапе start up, это масштабирование апробированных IT-технологий существующих национальных ЭПС до уровня государства, обобществление основных денежных и что фундаментально важно товарно-денежных потоков (что не одно и то же).

На этом пути немало проблем. Например, в обычном терминале принимать цифровой рубль нельзя. Как технически проводить оплату? Принципиально новая технологическая база должна быть создана. Менее очевидны, но не менее сложны и серьезные экономические проблемы, которые приведут к изменению социально-экономической структуры России.

Развитие производительных сил в очередной раз толкает к переделу мирового рынка, мировой финансовой системы, что неизбежно ведет к революции в экономических отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксельрод, А. Как цифровой рубль отменит «банковское рабство». Что изменится для людей и для бизнеса / А. Аксельрод – Текст : электронный // Banki.ru сайт (29 июля 2021). – URL: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=10947478> (дата обращения: 20.07.2023)
2. Ахмерова, А. Р. Сценарии взаимодействия денежно-кредитной политики и экономической динамики РФ / А.Р. Ахмерова // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2006. – № 4. – С.109-129.
3. Василевская, Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Л.Ю. Василевская // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 1. – С. 9–19. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019
4. Все ответы о цифровом рубле – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (20 апреля 2023) – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14713> (дата обращения: 20.07.2023).
5. Габов, А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав / А. В. Габов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 55–65. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065
6. Грищенко, В. Фиатные деньги. Аналитическая записка. 2019 / В. Грищенко – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (август 2019) – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/79860/analytic_note_20190829_ddkr.pdf (дата обращения: 20.07.2023)
7. Законопроект № 270838-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части формирования право-вых основ для внедрения цифрового рубля) – Текст : электронный // Sozd.duma.gov.ru сайт (11 июля 2023). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 20.07.2023)
8. Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 28 апреля 2023 года – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (28 апреля 2023). – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14741> (дата обращения: 20.07.2023)
9. Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (6 июля 2023) – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16893> (дата обращения: 20.07.2023)
10. Колобов, С. Цифровой рубль – это не новая валюта / С. Колобов – Текст : электронный // Polit74.ru сайт (11 апреля 2023). – URL: https://polit74.ru/economics/sergey_kolobov_tsifrovoy_rubl_eto_ne_novaya_valyuta (дата обращения: 20.07.2023)
11. Кочергин, Д.А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков / Д.А. Кочергин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2021, Т. 37. – Вып. 2. – С. 205–240. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.202>
12. Кристалинская, О.М. Ямайская валютная система. От истоков до кризиса / О.М. Кристалинская // Символ науки. – 2016. – № 1. – С. 129 – 132
13. Лытаев, М. Подход к созданию децентрализованной цифровой идентичности / М. Лытаев – Текст : электронный // Habr.com: сайт (03 мая 2023). – URL: <https://habr.com/ru/articles/732992> (дата обращения: 20.07.2023)
14. Мазина, М. Центробанки скупил рекордное для первого кварта-ла количество золота / М. Мазина – Текст : электронный // Quote.rbc.ru: сайт (05 мая 2023). – URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/645524139a7947555a79fd6c?ysclid=lihlygu2d0398282143> (дата обращения: 20.07.2023)
15. Манифест Коммунистической партии – Текст : электронный // Ru.wikipedia.org сайт (27 марта 2023) – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Манифест_Коммунистической_партии (дата обращения: 20.07.2023)
16. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии: пер. с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2 изд.: в 50 т. - М.: Политиздат, 1955. –Т. 4, С. 419 – 459
17. Ответы про цифровой рубль – Текст : электронный // habr.com: сайт (20 апреля 2023). – URL: <https://habr.com/ru/news/730312> (дата обращения: 20.07.2023)
18. Положение о цифровом рубле – Текст : электронный // ЦБР.ru: – URL: <http://www.cbr.ru/>

- StaticHtml/File/41186/230712-45-1.pdf (дата обращения: 20.07.2023)
19. Продолятченко, П. А. О праве собственности на вклад / П. А. Продолятченко // Дискуссия, – 2012. – № 1 (19). – С. 95-101
 20. Разработаны правила платформы цифрового рубля – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (12 июля 2023). – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16905> (дата обращения: 20.07.2023)
 21. Савина, М. В. Статистический анализ динамики основных денеж-ных агрегатов / М. В. Савина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, – 2008. – № 6. – С.122 –133
 22. Семенов, С.К. Деньги: безналичные расчеты в экономике / С.К. Семенов // Финансы и кредит, – 2007. – № 27 (267). – С.22 – 26
 23. Тарасов, Е. Опыт запуска CBDC в разных странах / Е. Тарасов – Текст : электронный // Coinspaid.com сайт (05 мая 2021). – URL:<https://coinspaidmedia.com/ru/academy/how-different-countries-are-experimenting-with-cbdcs> (дата обращения: 20.07.2023)
 24. Цифровая валюта CBDC, что это такое? – Текст : электронный // Vc.ru сайт (25августа 2020). – URL: <https://vc.ru/money/489280-cifrovaya-valyuta-cbdc-cto-eto-takoe> (дата обращения: 20.07.2023)
 25. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. Москва. 2020 – Текст:электронный // ЦБР.ru: сайт (13 октября 2020). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/?ysclid=lih6baz42u70295433> (дата обращения: 20.07.2023)
 26. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться – Текст : электронный // ЦБР.ru: сайт (18 апреля 2023) – URL: <https://cbr.ru/faq/dr> (дата обращения: 20.07.2023)
 27. Экономика: Учебник под ред. А. С. Булатова. М.: Издательство БЕК, 1995. — 632 С.
 28. Kenneth, G. C. Reid. Banknotes and Their Vindication in Eighteenth-Century Scotland / G. C. Reid. Kenneth // Papers.ssrn.com (6 May 2013). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2260952 (дата обращения: 20.07.2023)
 29. PayPal accidentally credits man \$92 quadrillion – Текст : электронный // CNN.com (17 July 17 2013). – URL: [PayPal accidentally credits man \\$92 quadrillion | CNN Business](https://www.cnn.com/2013/07/17/business/paypal-credits-man-92-quadrillion/index.html) (дата обращения: 20.07.2023)
 30. PayPal: история создания и успеха – Текст : электронный // Lindeal.com сайт (декабрь 2022). – URL: <https://lindeal.com/business/paypal-istoriya-sozdaniya-i-uspekha> (дата обращения: 20.07.2023)
 31. Pongratz, N. Swedish Central Bank Working With Commercial Lender on CBDC/ N. Pongratz – Текст : электронный // Be (in) crypto: сайт (28 May 2021). – URL: <https://beincrypto.com/sweden-working-with-commercial-lender-on-cbdc> (дата обращения: 20.07.2023)
 32. The Riksbank's e-krona project – Текст : электронный // Riksbank.se (September 2017). – URL: https://www.riksbank.se/globalassets/media/rapporter/e-krona/2017/rapport_ekrona_uppdaterad_170920_eng.pdf (дата обращения: 20.07.2023)

Digital Ruble or national CBDC?

Yakovlev Alexander Ivanovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», Saint-Petersburg, Russia

E-mail: Alex.Iakovlev@mail.ru

Annotation. The purpose of the article is to identify the main gaps in the theory of money in the analysis of the category «digital ruble». The normative acts adopted recently resolved the local issue of launching the Central Bank's platform, preserving the uncertainty of the ownership structure of the digital ruble and its legal status. Among the options for issuing digital currency discussed by regulators, there is no theoretically sound concept of a clear leader, at least for one or another group of countries. The Central Bank of the Russian Federation avoids both historical estimates and public forecasts, such as the structure and dynamics of the money supply, the dynamics of monetary aggregates, the consumer price index, not to mention more serious things and replacing them with a description of the technology, in fact, a «Short operating Manual» of the Central Bank service.

The main results of the study include the hypothesis that the digital ruble platform at the testing and launch stage is a state payment system with limited functionality, and the digital ruble itself is an electronic means of payment. The more developed the national CBDC is, the less likely the default of the country's financial system is in principle, the more stable its economy is. The impact of the digital ruble on the business of commercial banks is assessed in different directions, threats and opportunities are analyzed (SWOT analysis) its use.

With the advent of the digital ruble, the question arises of revising the system of monetary aggregates and putting into scientific circulation an aggregate of the money supply, reflecting the presence of digital currencies (ruble, peso, dollar, etc.), for example, Md or DM0 (digital money).

Keywords: digital ruble, theory of money, digital currency, financial system, bitcoin, CBDC, Central Bank of the Russian Federation, functions of money, monetary circulation

О целесообразности минимизации риска

Катаргин Николай Викторович

кандидат физ.-мат. наук, доцент
ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
E-mail : nnnkkk@yandex.ru

Аннотация. Бизнес и государство тратят значительные ресурсы на предотвращение и минимизацию рисков, компенсацию ущерба. Но ресурсы изымаются, в конечном итоге, из карманов граждан, права которых часто тоже ущемляются. В данной работе показано, как борьба с рисками и стремление к наведению порядка могут обернуться большими потерями для экономики и социальной сферы, то есть превратиться в оружие гибридной войны. На примере портфеля Марковица показано, что уменьшение риска портфеля активов (стандартное отклонение от ожидаемого значения доходности) может привести к существенному уменьшению предполагаемого выигрыша, и велика вероятность, что ущерб превзойдет критическое значение, т.е. катастрофу. Социально-экономические объекты описываются векторами в многомерном пространстве, компонентами которого являются переменные, описывающие материальные и информационные активы и скорости их изменения. Значительная часть стоимости связана с информацией и скоростью её обработки. Максимум информации в системе достигается при наличии некоторой хаотичности, т.к. при идеальном порядке энтропия и информация обнуляются. Процессы в информационном пространстве напоминают процессы в наблюдаемом материальном мире. При поступлении энергии в атмосферу в ней возникают энергонасыщенные объекты: тайфуны, торнадо, молнии. При поступлении в информационное виртуальное пространство информации и денег они так же концентрируются в локальных объектах: банках, мафиях, государственных органах. Законы сохранения массы и энергии там не действуют, информация неаддитивна, поэтому размах колебаний денег в виртуальном пространстве гораздо больше, чем в реальном производстве, и риски гораздо выше.

Приведены примеры, как стремление к предотвращению риска или его компенсации на ненаучной основе приводят к громадным потерям: конец династии Рюриковичей, последствия Чернобыльской аварии, горбачёвская борьба с пьянством, рост числа охранников и контролёров, “реформы” и цифровизация в школах и вузах.

Ключевые слова: Риски, доходность, портфель Марковица, социально-экономические системы, энтропия, информация.

JEL codes: C61, D81, G11, G14, H12

Для цитирования: Катаргин, Н.В. О целесообразности минимизации риска / Н.В. Катаргин. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.40-53 - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Бизнесу и государственному управлению всегда сопутствуют риски, и чем больше ожидаемый выигрыш – тем больше риск. В связи с этим появились структуры и проекты для предотвращения и минимизации локальных рисков, которые стали быстро разрастаться, требуя всё больших затрат государства, фирм и людей. В частности, в законодательстве – стремление снизить риски пожаров, автоаварий, болезней и т.п. может привести к огромным материальным и моральным потерям: штрафам, ущемлению прав граждан, что провоцирует недовольство властью. Цель данной работы – рассмотреть механизмы возникновения больших потерь в социальных системах при стремлении к идеальному порядку и минимизации рисков. В качестве инструментов использованы сравнительно простые примеры, используемые автором при обучении студентов математическому моделированию в экономике: построение портфеля Марковица, рассмотрение соотношения энтропии и информации в системе и их влияния на стоимость системы.

Риски большого ущерба для различных портфелей Марковица.

Существуют разные формулировки, что такое риск [1]. Мы воспользуемся определением, наиболее удобным с точки зрения экономико-математического моделирования: риск – это возможное отклонение фактического показателя в конце периода от значения данного показателя, запланированного в начале периода. Отклонение может быть как положительным, так и отрицательным, и характеризуется распределением плотности вероятности отклонений от ожидаемого значения [2,

3, 4, 5]. Нас интересует именно отрицательное отклонение – потери, недополученный доход, которые могут привести к штрафам, несоблюдению обязательств, отзыву лицензии банка, банкротству. Это позволяет ввести другое определение риска: вероятность выигрыша меньше критического значения, что приведёт к большим негативным последствиям.

Последствия риска можно оценить следующим образом [6]:

$$R = f(p, M),$$

где

R – оценка последствий события;

p – вероятность рискованного события;

M – возможные потери от рискованного события.

При планировании экономических и социальных систем и проектов исходят из предполагаемых выигрыша и риска, оптимизируют их соотношение. Мы рассмотрим простейший экономический проект – формирование портфеля Марковица, используя [7 - 11].

Гарри Марковиц создал методику формирования инвестиционного портфеля (Портфельная теория), направленную на оптимальный выбор активов, имеющих желательное соотношение доходность/риск. Метод основан на анализе ожидаемых средних значений и среднеквадратичных отклонений доходностей, принимаемых за меру риска владения активом на протяжении временного интервала. Так как ряды цен активов, как правило, коррелируют между собой, используется матрица ковариаций доходностей.

На основе этих данных формируются портфели с различными соотношениями доходность-риск: минимизация риска при заданном доходе, максимизация дохода при заданном риске, максимизация соотношения Доход/Риск при заданном размере инвестиций.

Обычно анализируются не цены P , а доходности d . Доходность ценных бумаг вычисляется как разность между стоимостью актива в настоящий и начальный моменты времени, отнесенная к стоимости в начальный момент

$$d_i = \frac{P_i - P_{\text{нач}}}{P_{\text{нач}}}$$

Если ряд не является стационарным, т.е. имеется тренд, его надо вычистить.

Диагональ ковариационной матрицы – это дисперсии. По теории Г.Марковица, Мерой риска владения активом на протяжении некоторого временного интервала является среднеквадратичное отклонение доходностей после вычитания тренда. При отсутствии взаимной зависимости доходностей ценных бумаг, т.е. при нулевых коэффициентах корреляции, суммарная дисперсия равна сумме дисперсий $S^2 = \sum x_i^2 S_i^2$, где x_i – количество (или процент, или инвестиции) покупаемых ценных бумаг i -ой фирмы. При коэффициентах корреляции равных ± 1 суммарное стандартное отклонение (риск портфеля) S равно сумме стандартных отклонений $x_i S_i$ с соответствующими знаками. При составлении портфеля из коррелирующих ценных бумаг двух фирм квадрат риска равен

$$S^2 = x_1^2 S_1^2 + x_2^2 S_2^2 + 2x_1 x_2 \text{Cov}(d_1, d_2)$$

Если портфель составляется из ценных бумаг нескольких фирм, то дисперсия портфеля (квадрат риска) вычисляется по формуле

$$S^2 = \sum \sum x_i x_k \text{Cov}(d_i, d_k)$$

Далее приведен пример решения задачи составления портфеля с максимальным доходом и минимальным заданным риском. Заданы доходности четырех ценных бумаг за 112 периодов времени. В данном случае наугад выбраны 4 ряда цен с трендами, равномерно растущими во всём исследуемом диапазоне (Рис.2). В этом случае ковариационную матрицу надо вычислять по остаткам после вычитания трендов, иначе даже на ряде идеально растущих доходностей мы обнаружим высокую дисперсию, т.е. риск.

Расчёты проводились в среде Excel. Часть расчётной таблицы с доходностями, коэффициентами линейных трендов и остатков после вычитания трендов приведены на Рисунке 1. Графики доходностей

с трендами и остатков после вычитания трендов приведены на Рисунках 2А и 2В.

			a	-0,048	0,0931	0,0529	0,0828	
Доходности			b	0,0067	0,0034	0,0088	0,0042	
d ср			d-a-bt					t
0,3323	0,2858	0,5532	0,3228					
A	B	C	D	A	B	C	D	
0	0	0	0	0,041	-0,097	-0,062	-0,087	1
0,0306	0,0659	0,0064	0,0127	0,0649	-0,034	-0,064	-0,079	2
0,0021	0,0685	0	0,0224	0,0297	-0,035	-0,079	-0,073	3
0,0092	0,0515	-0,032	0,0224	0,0301	-0,055	-0,12	-0,077	4

Рисунок 1 – Часть расчётной таблицы с доходностями, коэффициентами линейных трендов и остатков после вычитания трендов

Источник: составлено автором

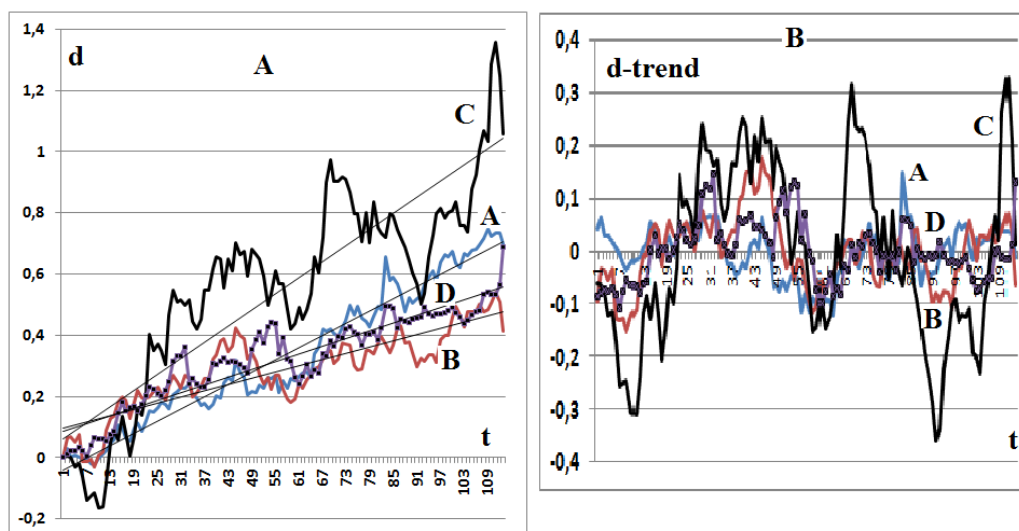

Рисунок 2 – Графики доходностей (А) и остатков после вычитания трендов (В).

Источник: составлено автором

Таблица Excel для проведения расчётов представлена на рисунке 3. Использован сервис «Поиск решения». Целевая функция – Суммарная доходность портфеля (Доход), Изменяемые ячейки – план инвестиций X, ограничения: $X \geq 0$, Риск \leq Заданного, здесь 4.

					Sum	Max	
X	61,17	0,00	2,55	36,29	100	100	
d ср	0,33	0,29	0,55	0,32	Доход		
D	20,32	0,00	1,41	11,71	33,45		Д/Р
X	$X_i * X_k * cov(d_i, d_k)$						8,36
	61,17	8,70	0,00	0,21	0,77	Риск	
	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	4,000006	4
	2,55	0,21	0,00	0,17	0,46		
	36,29	0,77	0,00	0,46	4,22	16,00005	
	$cov(d_i, d_k)$						
	A	B	C	D			
A	0,002326	0,001004	0,001367	0,000348			
B	0,001004	0,004362	0,00737	0,00163			
C	0,001367	0,00737	0,026653	0,005033			
D	0,000348	0,00163	0,005033	0,003208			

Рисунок 3 – Расчётная таблица Excel

Источник: составлено автором

Результаты расчётов: Доходность D, Риск, их соотношения и соответствующие планы

инвестиций А, В, С, D представлены на рисунках 4, 5.

D	Risk	D/Risk	D-2Risk	A	B	C	D
32	3,9	8,40	24,2	59	2	0	39
33,44	4	8,36	25,44	61	0	3	36
36,7	5	7,34	26,7	66	0	16	18
39	6	6,50	27	69	0	26	5
41	7	5,86	27	65	0	35	0
42,8	8	5,35	26,8	57	0	43	0
44,4	9	4,93	26,4	49	0	51	0
46	10	4,60	26	42	0	58	0
47,54	11	4,32	25,54	35	0	65	0
49	12	4,08	25	28	0	72	0
52	14	3,71	24	15	0	85	0
55	16	3,44	23	2	0	98	0

Рисунок 4 – Результаты расчётов

Источник: составлено автором

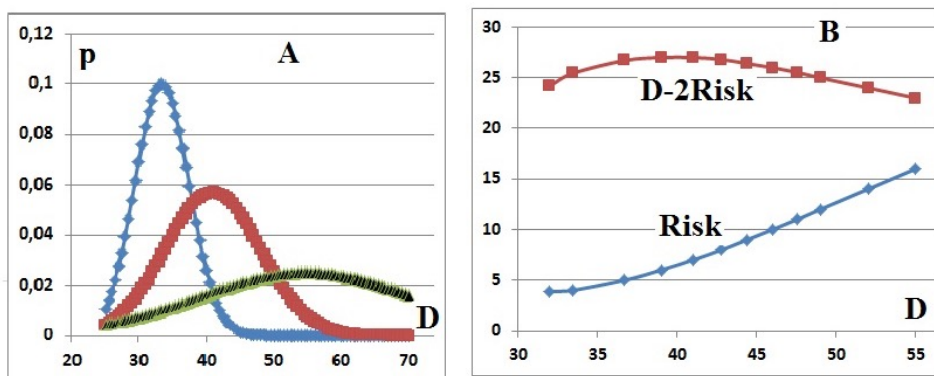

Рисунок 5

А. Плотность вероятности доходности при различных соотношениях Доходность / Риск: 33,44 / 4; 41 / 7; 55 / 16.

В. Графики Risk и D-2Risk [автор]

Источник: составлено автором

На рисунке 5А построены функции нормального распределения для трёх портфелей при различных соотношениях Доходность / Риск: 33,44 / 4; 41 / 7; 55 / 16. Устанавливая различные критические значения доходностей $D_{кр}$, ниже которых возникает неприемлемый ущерб, можно посчитать его вероятность как интеграл по левому хвосту соответствующего распределения. Видно, что при всех $D_{кр}$ потери при рисках 4 и 7 существенно выше, чем потери при риске 16, т.е. уменьшение риска как отклонения от ожидаемого значения приводит к большим потерям.

На рисунке 5В обратите внимание на график функции D-2Risk, которая ограничивает снизу 95% доверительный интервал отклонений от D. Максимум достигается в районе $D=41$, это соответствует минимальным рискам в районе доходностей 20-30. В целом получается, что инвестиции в высокодоходные и более рискованные активы выгоднее.

Влияние энтропии и информации на стоимость системы в многомерном фазовом пространстве.

Данный вопрос был рассмотрен в предшествующих публикациях автора, в частности [12], поэтому его рассмотрение в данной работе приведёт к большому количеству совпадений, выявляемых Антиплагиатом. Это подтверждает правоту выводов предыдущего раздела: стремление руководящих «наукометристов» любой ценой уменьшить риск плагиата приводит к невозможности использования осмысленного авторского или не-авторского текста, усложняет жизнь автора и читателя, уменьшает суммарный выигрыш системы автор-читатель.

Грубой оценкой устойчивости и упорядоченности социальной системы, то есть ее массы

и количества содержащейся в ней информации – от единичных продуктов труда до государств – издавна служат деньги. Основа денежной системы – золото и редкие кристаллы – структуры, образовавшиеся при геологических процессах с диссипацией большого количества энергии. Природные энергозатраты на образование самородков золота долгое время являлись эталонными при определении затрат энергии, ресурсов и труда для создания упорядоченных структур как в трехмерном наблюдаемом пространстве (техника, строительство), так и в информационном пространстве: наука, образование, искусство, степень социальной упорядоченности.

Критерием устойчивости системы при внешних воздействиях и внутренних возмущениях можно считать также скорость накопления и обработки информации, так как при несвоевременной или неадекватной реакции даже большая, богатая и мощная структура может быть разрушена.

Потоки вещества и информации должны, в идеале, отражаться потоками денег, что значительно упрощает моделирование системы. Подход на основе единого критерия позволяет точнее сформулировать цели социальных структур (государства, предприятия и т.д.), прогнозировать их развитие. Например, при каком распределении благ в обществе обеспечивается его стабильность? В физике известны законы распределения частиц по энергиям, при которых система устойчива, например, распределение Максвелла для молекул газа, Ферми для электронов в твердом теле. Отклонение от этих распределений, например в лазере, нестабильно и может привести к быстрой потере энергии. Критерием «энергонасыщенности» людей и государств служат деньги, и известно, что при существенных отклонениях от равновесных распределений возникают войны и социальные катаклизмы. Распределение и дисперсия отклонений дохода от ожидаемого значения также служат основанием для оценки риска разорения фирмы, но, как видно из рисунка 5А, более важным является предполагаемый выигрыш.

Оценку «мощности» и устойчивости социальной структуры (государства, предприятия, армии и их составных частей) можно проводить по большому набору показателей (координат конца вектора) в информационно-геометрическом фазовом пространстве или же свернуть до двух показателей: K (основные фонды) и L (оборотные активы). П.Кобб и Д.Дуглас создали модель для оценки результатов производства Y :

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta}$$

где α и β характеризуют важность факторов (эластичность), и если их сумма равна 1, то и Y имеет размерность денег.

Другой вариант преобразования вектора параметров предприятия в двумерный вектор из двух компонент: масса m и информация I . Пространства типа (K, L) или (m, I) называются фазовыми пространствами. Физическое понятие «траектория в фазовом пространстве» может применяться и в экономических моделях. В фазовом пространстве осями координат могут быть не только сами переменные, но и скорости их изменения. Поэтому возможно рассмотрение экономических и социальных процессов в четырёхмерном пространстве с осями координат $m, I, dm/dt, dI/dt$ (Рисунок 6):

- физическая масса (m), включающая в себя массу (количество) людей, животных, растений, продуктов питания, массу продуктов труда (машины, сооружения) и массу энергоносителей;
- объем информации, накопленной в структуре (I): научные знания, степень социальной упорядоченности (политическая культура, идеология), образование, уровень технологий (в частности – вооружения). Религию, традиции, культуру можно считать компонентами идеологии. $m+I=K$ – основные фонды.
- затраты в единицу времени (год) на производство и перемещение компонент физической массы (dm/dt), на скорость и адекватность обработки информации (dI/dt); $dm/dt + dI/dt = L$ – оборотные активы.

Все указанные показатели целесообразно оценивать в унифицированных единицах – деньгах. Таким образом, денежная единица является единицей измерения в многомерном пространстве с

осями координат m , I , dm/dt , dI/dt . «Мощность» системы можно оценить по формуле, аналогичной формуле Кобба-Дугласа

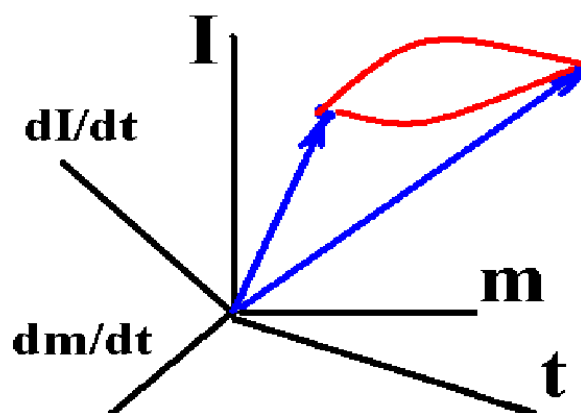

Рисунок 6 - Многомерное пространство с осями координат m , I , dm/dt , dI/dt .

Источник: составлено автором

$$Y = m^{\alpha_1} I^{\alpha_2} (dm/dt)^{\alpha_3} (dI/dt)^{\alpha_4} \quad (1)$$

где α_1 , α_2 , α_3 , α_4 характеризуют значимость факторов (эластичности) и, если их сумма равна единице, то Y также имеет размерность денег. Если $dm/dt = 0$ или $dI/dt = 0$, т.е. предприятие ничего не производит и не совершенствуется, то оно ничего не стоит или скоро обесценится и обанкротится. Риск попадания системы (банка, предприятия) в зону банкротства можно оценить по модели Марковица, используя дисперсии возможных отклонений результатов от ожидаемых и интеграл по левому хвосту частотного распределения возможного отклонения от главного показателя (Рисунок 5А). Разумеется, модель получится гораздо сложнее, чем для портфеля акций на фондовом рынке в силу неоднородности и разной природы переменных.

Такой подход позволяет более наглядно, в сжатом виде, представлять информацию о социальных структурах и, соответственно, быстро принимать адекватные решения. Например, поражение СССР в холодной войне и его развал можно интерпретировать следующим образом: стремление централизованно контролировать все информационное пространство страны (планирование производства и потребления, идеологию, искусство, науку) привело к малой скорости информационных потоков и неадекватности принимаемых решений, то есть произошел сбой в блоке (пространстве) dI/dt , затем – нарушение структуры dm/dt (производство, распределение) и распад идеологии. Государство развалилось, несмотря на высокие m , I и dm/dt . Развал экономики России в эпоху либеральных реформ можно объяснить использованием в масштабах страны сравнительно простых (линейных) экономических моделей, работоспособных в частных случаях и в локальных масштабах, и недоучетом более сложных закономерностей, которые надо моделировать нелинейными дифференциальными уравнениями в многомерном пространстве (а также разворачиванием страны и внешним воздействием).

Постиндустриальное общество характеризуется тем, что 80% работающих не производят материальные ценности своими руками, а создают и обрабатывают информацию, и фазовый объем I , dI/dt можно оценить в 80%. Соответственно, экономика, борьба между государствами, а также преступность перемещаются из материальной сферы в информационное пространство. Считается, что государства низшей категории торгуют сырьем и металлами (Зона 1 на Рис. 6; они всегда будут бедны из-за малого фазового объёма), более высокой – развивают наукоемкую промышленность (Зона 2), а страны высшей категории (точнее – их элита) создают символы, образы и финансово-экономические модели, воздействующие на другие народы и позволяющие безнаказанно их грабить (Зона 3). Пример такого символа – доллар США, сохраняющий свою устойчивость и привлекательность, несмотря на огромный долг США и вливание необеспеченных триллионов долларов. В классической равновесной

экономике такое невозможно. Для этого США необходимо поддерживать нестабильность в мире, а нестабильность гораздо проще создавать в информационном пространстве, где нет инерции и аддитивности. В США Santa Fe Institute изучает поведение различных неравновесных систем для теоретического обоснования информационных и обычных войн и революций.

Структура мировой социально-экономической системы, можно сказать, перевернулась, и правят не реальные потребности людей, а финансовые кланы и финансовые потоки.

В соответствии со вторым началом термодинамики, энтропия замкнутой системы может только возрастать, но в природе и обществе возникают и некоторое время существуют объекты с высоким содержанием энергии и/или высокой упорядоченностью: смерчи, тайфуны, молнии, самородки золота, живые организмы и биоценозы, человек и продукты его труда, в том числе информационные. Автор предлагает назвать такие объекты и поддерживающие их процессы G-объектами и G-процессами.

Биосферные системы устойчивы, если стремятся к максимальной биомассе и насыщенности информацией (разнообразии видов), пренебрежение людей этим принципом ведет к неустойчивости искусственных культурных растений и ландшафтов с монокультурами. По И.В. Прангишвили, при управлении организацией должно соблюдаться оптимальное соотношение порядка и хаоса, т.е. свободы действий сотрудников, иначе организация будет проигрывать в конкурентной борьбе [13]. На Рисунке 5А видно, что целесообразно стремление к большему выигрышу, даже при росте дисперсии (хаоса).

Законы экономики и социальной жизни действуют с такой же неизбежностью, как и законы физики, несмотря на то, что они проявляются через деятельность людей, которые стараются предсказать будущее и его скорректировать. Народ, который не следует общим законам природы, исчезает, как умирает животное, которое перестаёт охотиться. Каковы эти законы, кроме Второго закона термодинамики, согласно которому энергия должна рассеиваться, вещества перемешиваться, хаос возрастать?

Количество информации можно оценить, используя понятие меры хаоса – энтропии. Объект содержит информацию, если вероятность угадывания состояний его элементов

$1/k < p_i < 1$, т.е. нет полного хаоса, о его состоянии мы не знаем абсолютно точно, но можем сделать некоторые предположения, Пример: осмысленный текст.

Рисунок 7 иллюстрирует соотношение энтропии и информации в неживых и биосферных, в том числе социальных системах.

Рисунок 7 – Энтропия S , информация I и стоимость M объектов в неживых, биологических и социальных системах

Источник: составлено автором

Зона 1: при абсолютном хаосе энтропия максимальна, информация равна нулю. Пример: разбитая и разбежавшаяся армия. Оценка такой системы обществом – нулевая или отрицательная. Социальную значимость или полезность Y можно оценивать в деньгах (M). В зоне 1 убыванию энтропии соответствует рост информации и стоимости системы. Направление G -процесса и

увеличения стоимости системы – сверху вниз, направление D-процесса снизу вверх.

Зона 2 соответствует максимуму информации в системе, но энтропия не равна нулю, значит, идеального порядка нет, остаётся частичный хаос, то есть свобода выбора. Зона 2 соответствует диким экосистемам, которые стремятся к максимальной биомассе и разнообразию, в социальных системах – свободному рынку и динамической эффективности, которую реализуют свободные, но упорядоченные законом и моралью предприниматели (см. формулу (1)). Они стремятся к росту вещей и информации (включая симфонии Бетховена, Майкрософт Билла Гейтса и т.д.) проявляя деловую и интеллектуальную активность в рамках общественных и ресурсных ограничений, и исчезают как предприниматели, если действуют иначе. Психика живых существ за миллиарды лет сформировалась так, чтобы испытывать удовольствие и счастье при стремлении в зону 2, что стимулирует инстинктивное обеспечение динамической эффективности, то есть G-процессы.

Зона 3: При идеальном порядке энтропия равно нулю, но информация при этом равна 1 бит, то есть почти ноль. Пример: тюрьма, которая действует только в интересах собственного порядка, требует ресурсы, но ничего не создаёт. В зоне 3 убыванию энтропии соответствует убывание информации и стоимости системы. В соответствии со вторым законом термодинамики, для обеспечения убывания энтропии требуются затраты энергии и/или других ресурсов из внешней среды, то есть это невыгодно вдвойне. Зона 3 в биосфере – это зона сельскохозяйственных монокультур, которые не могут существовать самостоятельно. Зона 3 в социальной сфере – это зона монополий, преступных сговоров, бюрократии, жёсткой плановой экономики. В микроэкономике зона 3 соответствует иерархической системе управления, что признано невыгодным. Направление G-процесса и увеличения стоимости системы – снизу вверх.

До 60-х годов XX века предполагалось, что есть два класса процессов в природе и обществе и, соответственно, два вида экономико-математических моделей – детерминированные и стохастические. В первом случае уравнения обратимы, т.е. будущее однозначно определяется прошлым, а по налогу можно вычислить зарплату. Во втором случае будущее не зависит от прошлого: результат бросания игральной кости или монеты не зависит от того, что выпадало раньше. Мы можем идеально знать статистические законы распределения результатов эксперимента (бросания кости), но не можем предсказать результат следующего эксперимента.

В 70-е годы было понято, что есть третий, очень важный класс процессов, которые формально описываются в рамках детерминированных моделей (например, законов Ньютона), но поведение которых может быть предсказано только на небольшой промежуток времени. Примеры таких систем в механике: игрушка – физический маятник из нескольких взаимосвязанных шариков, бильярд с движущимися без трения и сталкивающимися шарами, санки, движущиеся по гребню горы и съезжающие на левый или правый склон от незначительного воздействия. Небольшие различия начальных условий через некоторое время приводят к существенным различиям траекторий. Математики называют это свойство чувствительностью к начальным данным.

В 1963 году американский метеоролог Эдвард Лоренц задался вопросом: почему совершенствование замеров, компьютеров, математических моделей и алгоритмов не привело к созданию методики получения достоверных среднесрочных (на 2 – 3 недели вперед) прогнозов погоды? Он предложил простейшую модель, описывающую движение воздуха с помощью системы нелинейных дифференциальных уравнений:

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = -\sigma x + \sigma y \\ \frac{dy}{dt} = -xz + ry - y \\ \frac{dz}{dt} = xy + bz \end{cases}$$

где переменная x характеризует поле скоростей, y и z – поле температур, r и σ – константы, b –

постоянная, связанная с геометрией задачи.

Компьютерный анализ системы Лоренца привел к принципиальному результату: в детерминированных системах может возникать непериодическое движение и динамический хаос, т.е. на некотором промежутке времени поведение системы предсказуемо, а затем – нет, и к ней можно применять только вероятностные модели; горизонт прогноза ограничен. Как правило, точка в многомерном фазовом пространстве, характеризующая систему, движется вдоль достаточно устойчивой траектории, называемой аттрактором, и при небольших возмущениях возвращается обратно к аттрактору т.е. динамические системы обладают замечательным свойством устойчивости по отношению к малым возмущениям. Для установившихся колебаний, соответствующих динамическому хаосу, т.е. непериодической смене аттракторов на резко отличающиеся, Д. Рюэль и Ф. Таккенс предложили название странный аттрактор.

Было показано, что система может сменить аттрактор при воздействии, превышающем пороговое значение или при небольшом воздействии в критических точках. Резкую смену аттрактора называют бифуркацией или катастрофой. Описание систем вблизи точек бифуркаций позволяет изучать реальные природные и социально-экономические катастрофы, причем оказалось, что математические модели различных видов катастроф (например турбулизация жидкости, лесной пожар, возникновение мафий, революция) достаточно близки. В окрестности любого аттрактора происходит сжатие фазового пространства, т.е. уменьшается число переменных, описывающих систему, и ее энтропия, что способствует процессу самоорганизации системы.

В таких объектах снижение энтропии проявляется в виде появления упорядоченных структур, т.е. имеет место самоорганизация (или организация, навязанная извне, за счет воздействия внешних сил). При этом имеет место рассеяние, диссипация энергии, и такие системы называют диссипативными. Устойчивые структуры могут возникать в средах, состоящих из элементов с нелинейными связями, которые описываются нелинейными уравнениями.

Диссипативные системы – это открытые нелинейные неравновесные системы, в которых могут возникать, благодаря потоку энергии, вещества и информации, новые структуры.

В то же время нелинейная динамика позволяет установить универсальные сценарии возникновения хаоса из упорядоченного состояния. В ряде случаев можно говорить об универсальных сценариях возникновения катастроф. В частности, благодаря нелинейности, имеет силу принцип “разрастания малого” или возрастания флуктуации; некоторые классы нелинейных систем обладают пороговой чувствительностью; нелинейность порождает дискретность путей эволюции и точки бифуркации.

Простое описание системы становится невозможным вблизи точек бифуркации, катастрофы (невозможно управлять разгромленной и разбежавшейся армией). Когда русло кончается, число переменных, описывающих систему, быстро растет, горизонт прогноза уменьшается, появляется возможность резких изменений. Такие области в фазовом пространстве названы областями джокеров, а сами правила, по которым начинает вести себя система – джокерами. Название связано с игровой картой – джокером, которая может заменить любую карту, при этом увеличивается неопределенность и усложняется ситуация. В области джокера вероятна бифуркация, или катастрофа – резкая смена параметров порядка или системных закономерностей, в том числе исчезновение системы.

Физиками были изучены уравнения, описывающие диффузию со стоками, истоками и размножением, в частности – диффузию нейтронов и распределение энергии во взрывающемся ядерном боеприпасе или в термоядерном реакторе (уравнение Гинзбурга-Ландау). Было установлено, что при некоторых параметрах наблюдается так называемая жесткая турбулентность – хаотический режим с редкими, но исключительно высокими выбросами, отражающими концентрирование энергии в малом объеме. Затем пик распадается, после чего может возникнуть новый пик в другом месте. Для плотности вероятности амплитуд гигантских пиков в зависимости от их энергии была получена степенная зависимость. В этом видно внутреннее единство целого класса различных

нелинейных процессов, связанных с катастрофами. В частности, можно рассматривать диффузию в социальной среде денег и информации и их накопление в локальных структурах (образование вихря – турбулизацию), в том числе мафиозных. При этом происходит смена русла, и система начинает развиваться по другим законам.

При изучении экономических систем в области русла можно опираться на простые детерминированные модели, на несложные закономерности. Используемые в экономике модели обычно просты (деньги – товар – деньги, законы равновесия цены и спроса, эконометрика, линейное программирование, модели Р. Солоу и В. Леонтьева). Но высококвалифицированные и знакомые с практической деятельностью экономисты считают, что наибольшую прибыль фирма получает именно на не пришедших в равновесие рынках, поэтому надо делать ставку на неравновесные ситуации, несмотря на то, что в этих ситуациях имеет место неточность и ненадежность информации, риск, неопределенность [4], характерные для области джокера, где приходится описывать реальность совершенно иначе.

Огромное значение приобретают случайности, личные интересы, субъективные факторы, подача информации или дезинформации. В области джокера система может остаться в старом русле (на старом аттракторе) или под влиянием незначительных факторов резко сменить его, изменив даже параметры порядка, законы движения и структуру системы (бифуркация, катастрофа).

Ошибки Правительства РФ при проведении реформ связаны с попытками применить экономические модели, справедливые для некоторых русел, к области джокера и бифуркации: буржуазной революции, повторяющей Великую французскую революцию с интервалом ровно 200 лет, в которую Россия вступила в конце 80-х годов и из которой пока не вышла.

Одной из моделей, показавшей свою работоспособность в условиях джокера, является модель рефлексивного управления Дж. Сороса (по И.В. Прангишвили [13]).

Рефлексия – способность человека встать на чужую позицию или подняться над позициями других и своей собственной. Рефлексивное управление – это передача воздействия на всю систему ценностей, целей и образа мышления тех, кем приходится управлять, навязывание противнику (или партнеру) ложного образа, подталкивающего к определенным действиям. Рефлексивное управление эффективно работает в предвыборных кампаниях, маркетинге, PR-акциях.

Принципы рефлексивного управления: реальная ситуация влияет на мышление и поведение участников, а их мышление и поведение воздействуют на развитие ситуации, участниками которой они являются. Превалирующие представления участников, которые в силу своей природы несовершенны, во многом определяют ход событий и его принципиальную неопределенность. Эволюцию цен на финансовых рынках можно рассматривать как рефлексивный процесс; биржа с ценами акций и ожидания других биржевых игроков является внешней средой, объектом управления субъекта, играющего на бирже. Биржу можно представить в виде системы, состоящей из равноправных взаимодействующих элементов (игроков). Если взаимодействие элементов в системе линейное, то они будут совершать синусоидальные колебания, в противном случае система может совершать неперiodические колебания, напоминающие колебания цен на фондовом рынке, в некоторых случаях их амплитуда может неограниченно возрастать, то есть происходит катастрофа.

В математическом аппарате модели используются две рекурсивные, т.е. взаимозависимые на каждом шаге функции:

$$\begin{aligned} Y_t &= f(X_{t-1}) \text{ когнитивная,} \\ X_t &= \varphi(Y_{t-1}) \text{ воздействующая.} \end{aligned}$$

Первая функция описывает зависимость мышления от ситуации, вторая – зависимость ситуации от мышления.

Информация неаддитивна, поэтому информационные объекты нестабильны, флуктуации их стоимости очень велики, особенно при глобальном движении капиталов; риски гораздо больше, чем при производстве товаров. Отсюда кризисы в Греции и других странах Европы.

Высокий курс доллара может существовать только в условиях мировой нестабильности (турбулентности). Это является основной причиной войн в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Йемене и на Украине.

Рассмотрим европейский кризис. Европейцы стараются сохранить окружающую среду (m), они обладают огромным цивилизационным потенциалом (объекты в информационном пространстве I), но они отказываются от производства и непрестижного сервиса (dm/dt). Конечно, выгодно создавать финансовые схемы, выводить производство в Азию и приглашать африканцев для чёрной работы. Но это ведёт к спаду dm/dt в Европе, она теряет свой потенциал и европейцы исчезают, замещаемые иммигрантами из Азии и Африки. Моральные и религиозные ценности Европы исчезают под напором других религий и обычаев типа однополых браков и отказа от рождения детей. Это ведёт к уменьшению числа европейцев ($d^2m/dt^2 < 0$) и потере информационных объектов ($d^2I/dt^2 < 0$). Если традиционная Европа это не осознает, то она исчезнет.

Выводы и примеры

Стремление к идеальному порядку и минимизации рисков может привести к большим материальным и моральным потерям. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Первого сына Ивана Грозного переносила нянька, которую для уменьшения риска должны были поддерживать два боярина. Однажды царь с семьёй поплыл на ладье на богомолье. При сходе няньки с боярами на берег реки Шексны сходни перевернулись, все упали в воду, младенец захлебнулся [13–14]. Потом Грозному не везло с сыновьями, династия прервалась, что спровоцировало Смутное время; Россия почти исчезла.

2. Чернобыльская авария. Были приняты законы по уменьшению последствий аварии путём компенсационных выплат и других дорогостоящих мероприятий, например, закупки диагностического оборудования. Но было «установлено, что основной причиной возможных отклонений в состоянии здоровья и дестабилизации жизни населения зон загрязнения от аварии на ЧАЭС в России является не само радиационное воздействие, а социально-психологические эффекты (стресс)». В 1992 году, «когда радиационная обстановка в значительной степени улучшилась, стрессированность населения не только не снизилась, но скорее достигла максимального уровня» [15]. «Этот комплекс реакций может быть назван «комплексом жертвы», у которой возникает рентная установка, постоянно подкрепляемая системой материальных и других льгот и преимуществ. Создается порочный круг – новые льготы усиливают комплекс жертвы» [16]. Особенно большой вред нанесло необоснованное переселение. По расчетам НИИ Радиационной Гигиены, «при переселении из загрязненных районов Брянской области в чистые за счет резкого ухудшения самочувствия может быть потеряно до 25 % (или в среднем до 8 лет) здоровья, в то время как выгода составляет всего около 5 предотвращенных бэр или 25 суток жизни» [17]. Кроме того, ажиотаж вокруг Чернобыльской аварии послужил одним из триггеров, запустивших распад СССР.

3. Горбачёвская «борьба с пьянством, забота о здоровье народа»: закрытие магазинов, поднятие цен, вырубка виноградников. Результат: давки в магазинах, потеря денег государством и их переход в мафии, самогонование, отравления суррогатами, рост недоверия к власти, что также спровоцировало гибель СССР и колоссальные потери.

4. Инициативы ГИБДД по минимизации рисков ДТП: «нулевое промилле» (лоббируемое Д.А.Медведевым, мораторий наложил В.В.Путин), проверка на «потенциальный алкоголизм» (стоимость 5000 р., приборы закупили, В.В.Путин отменил), камеры, которые всегда правы, и другие нововведения, провоцирующие коррупцию и недоверие к власти.

5. Огромное количество охранников, обыски при посадке в поезда и автобусы. Деньги и силы тратятся огромные, а выигрыш? Придурки с оружием пришли в школы в Керчи и Перми, убили безоружных охранников и пошли дальше убивать. Что делать? Лучше бы эти деньги потратили на учителей, отвлекающих молодёжь от игр-стрелялок.

6. «Упорядочивание» и контроль в образовании и экономике. В России на образование тратится

4% ВВП, но и эти деньги до преподавателей не доходят, а поглощаются бюрократией, «наводящей порядок», изобретающей «реформы» и «инновации». В России 6 миллионов работников образования, из них 2 миллиона преподавателей (<https://rosstat.gov.ru/statistics/education>), 4 миллиона занимаются надзором и контролем, обосновывая это необходимостью уменьшения риска «неправильного» обучения. Результат: 70% студентов не знают, куда впадает Волга, 90% – с кем воевал А. В. Суворов. Самое страшное – они искренне убеждены, что образование в школе и вузе – это сдать роботу тесты, не связываемые ими с реальной жизнью и работой (личные наблюдения автора). Нечто похожее пытаются сделать с преподавателями. С одной стороны – рост контроля, особенно в школе: контрольные работы, всевозможные мероприятия с обязательными подтверждениями и отчётами, формальное и ненужное «повышение квалификации» с денежными и трудовыми затратами. В вузах – требование «публикационной активности» по учебникам и статьям, которыми завалены библиотеки, и которые никто не читает. Последний страшный удар по высшему образованию – требование ежегодной публикации статей в журналах списка ВАК объёмом 15-20 страниц, т.е. втрое больше, чем раньше. Через 2-3 года станет заметен спад уровня преподавателей в вузах: уцелеют более беспринципные, способные пробить и проплатить публикации, а истинных специалистов и педагогов будут вытеснять. «Реформы» в российском образовании придумывают умные люди, но по ту сторону океана. Идёт гибридная война, и Россия на этом фронте проигрывает.

7. «В России 40 ведомств занимаются контролем, 10000 организаций, часто коррумпированных, осуществляющих давление на бизнес. Во всём мире переходят на риск-ориентированный контроль, хотя мало кто понимает, что это такое. Требуются понятные результаты контроля». (Д.А.Медведев, 19.10.16, на заседании Правительства РФ, передача ТВ).

Описанное в п.п.4-7 разрушает Россию, это можно считать оружием гибридной войны, фронт которой проходят не только по Донбассу, но и по Москве – в виртуальном, информационном пространстве. В данной статье автор пытался разобраться в принципах действия этого оружия, которое активно применяет внутренняя оппозиция, направляемая внешними врагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009 Менеджмент риска. Термины и определения. – М. : Стандартиформ. – 2012.
2. Большакова Л. В. Теория вероятностей для экономистов : учебное пособие. – М. : Финансы и статистика. – 2009.
3. В. М. Картвелишвили О. А. Свиридова. Риск-менеджмент. Методы оценки риска. — М.: — ФГБОУ ВО РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2017. – С. 9-17.
4. Бродецкий Г. Л. Моделирование логистических систем. Оптимальные решения в условиях риска. – М. : – Вершина. – 2006.
5. Красс М.С., Чупрынов Б.П. Математика для экономистов. – СПб, – Питер, 2009. – С. 251.
6. Ступаков В.С., Токаренко Г.С. Риск-менеджмент. – М., – Финансы и статистика, 2005. Доступна <http://www.alleng.ru/d/manag/man297.htm>
7. Markowitz H. M. Portfolio Selection // Journal of Finance. 1952. 7. № 1 pp. 71-91
8. Ю. Ф. Касимов. Основы теории оптимального портфеля ценных бумаг — М., – Информационно-издательский дом «Филинь». – 1998. – 144 с. ISBN 5-89568-086-0
9. Бенинга Ш. Финансовое моделирование с использованием Excel. – 2-е изд.: пер. с англ. – М. : ИД Вильямс, 2016, 178 с.
10. Буренин А. Н. Управление портфелем ценных бумаг. – М. : –НТО им. академика С. И. Вавилова, 2008. 156 с.
11. Селищева А.С. Лекции по курсу «Теория ценных бумаг» .www.selishchev.com. Последнее обновление 08.03.2012 г.
12. Катаргин Н.В. Теоретические основы и практика бюрократизации науки и образования в России // Производство, наука и образование в России (ПНО- VI). Сборник материалов VI Международного конгресса. Под ред. С.Д.Бодрунова. СПб.: – ИНИР. – 2020. – С. 337.
13. Прангишвили И. В. Энтропийные и другие системные закономерности. М.: Наука – 2003. 14. Флоря Б. Н. Иван Грозный. – М., – Молодая гвардия, 1999. – С. 56-67.
15. Малаховский В.Н., Викторов В.И., Савинкина Л.П. Факторы, препятствующие стабилизации жизни населения, и социально-гигиенические мероприятия по реабилитации территорий, подвергшихся радиационному загрязнению в результате Чернобыльской аварии // В сборнике «Проблемы смягчения последствий Чернобыльской катастрофы», часть 1. под. ред. Алексахин Р.М. – Брянск, 1993. – 158 с.
16. Архангельская Г.В., Либерман А.Н., Иванов Е.В., и др. Социально-психологические последствия аварии на ЧАЭС и пути смягчения их влияния на здоровье населения // В сборнике «Проблемы смягчения последствий Чернобыльской катастрофы», часть 1. под. ред. Алексахин Р.М. – Брянск, 1993. – 158 с.
17. Рамзаев П.В. Радиационно-гигиеническая политика реабилитации территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС // В сборнике «Проблемы смягчения последствий Чернобыльской катастрофы», часть 1, под. ред. Алексахин Р.М. – Брянск, 1993. – 158 с.

On the Expediency of the Risk Minimizing

Nikolai Katargin

Candidate of Economic Sciences

Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: nnnkkk@yandex.ru

Annotation. Business and the state spend significant resources on prevention and minimization of risks, compensation for damage. But resources are eventually withdrawn from the pockets of citizens, whose rights are often also infringed. This paper shows how the fight against risks and the desire to install order can result in great losses for the economy and the social sphere, that is, turn into a weapon of hybrid warfare. Using the Markowitz portfolio as an example, it is shown that reducing the risk of an asset portfolio (standard deviation from the expected return value) can lead to a significant decrease in the expected gain, and it is likely that the damage will exceed the critical value, i.e. a catastrophe. Socio-economic objects are described by vectors in a multidimensional space, the components of which are variables describing material and information assets and the rate of their change. A significant part of the cost is related to information and the speed of its processing. The maximum information in the system is achieved both in the presence of some randomness, because with an ideal order, entropy and information are reset to zero. The processes in the information space resemble the processes in the observed material world. When energy enters the atmosphere, energy-saturated objects arise in it: typhoons, tornadoes, lightning. When information and money enter the information virtual space, they are also concentrated in local objects: banks, mafias, government agencies. The laws of conservation of mass and energy do not apply there, information is not additive, so the scale of fluctuations of money in virtual space is much larger than in real production, and the risks are much higher. Examples are given of how the desire to prevent risk or compensate for it on an unscientific basis leads to huge losses: the end of the Rurik dynasty, the consequences of the Chernobyl accident, Gorbachev's fight against drunkenness, the increase in the number of guards and supervisors, "reforms" and digitalization in schools and universities.

Keywords: Risks, profitability, Markowitz portfolio, socio-economic systems, entropy, information

Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий

Лифшиц Аркадий Семенович

доктор экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация

E-mail: ark.lifshits2011@yandex.ru

Аннотация. Экономическая устойчивость промышленного предприятия – предпосылка и шанс устойчивого развития. Несмотря на то, что проблеме экономической устойчивости промышленных предприятий уделяется значительное внимание в отечественной и зарубежной научной литературе, ряд ее аспектов следует признать недостаточно изученными. К ним относятся вопросы критериев и показателей экономической устойчивости промышленного предприятия с учетом отраслевой специфики, формирование системного инструментария оценки способности предприятия выживать и развиваться.

Цель статьи – отражение результатов сравнительного анализа отечественных и зарубежных диагностических инструментов стратегического менеджмента для формирования предпочтительного инструментария распознавания экономической устойчивости промышленного предприятия.

При выполнении исследования использованы системный, ситуационный и ресурсно-целевой подходы. Адекватными цели и теме статьи методами исследования выступают диалектический метод, метод научной абстракции, метод индукции и дедукции, метод анализа и синтеза, монографический метод (сравнительный анализ методологических и теоретических положений в научной литературе), детерминистски-лимитирующий и интегральный методы.

Выявлены необходимость и возможность включения ряда методик стратегического анализа и прогнозирования в неизменном или модифицированном виде в качестве комплекса несамостоятельных исследовательских приемов в методику диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия. Доказана особая роль оценки и прогнозирования экономического потенциала в рамках диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия. Сформирован теоретический подход к определению весов интегрального диагностического показателя релевантных параметров ситуации в отрасли в целом и на отдельном предприятии.

Оценка экономической устойчивости промышленных предприятий на современном этапе экономической мысли предполагает ее синтетический характер. Количественно-качественная статично-динамичная оценка при отсутствии использования дублирующих инструментов наиболее адекватна современным условиям деятельности промышленных предприятий

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономическая устойчивость, интегральный диагностический показатель экономической устойчивости промышленного предприятия, диагностический инструментарий экономической устойчивости промышленного предприятия, жизненный цикл предприятия, экономический потенциал предприятия

JEL codes: L21, L52, O12

Для цитирования: Лифшиц, А.С. Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий / А.С. Лифшиц. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С54-69. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Экономическая устойчивость промышленных предприятий является важнейшим условием долгосрочного выживания и предпосылкой стратегического развития социально-экономических систем на микроуровне национального хозяйства. В силу этого достоверная и всесторонняя оценка экономической устойчивости промышленных предприятий имеет принципиальное значение в современном менеджменте. В то же время экономическая устойчивость промышленных предприятий во многом обуславливает конкурентоспособность регионов как субъектов Российской Федерации.

К направлениям совершенствования оценки экономической устойчивости промышленных предприятий относятся обоснование выбора и внедрение в практику системы критериев, показателей

и методик определения способности социально-экономической системы к долговременной минимизации отрицательного воздействия на нее внешних и внутренних факторов на основе развития экономического потенциала и оптимизации степени его использования.

Совершенствование оценки экономической устойчивости промышленных предприятий должно опираться на развитый теоретический базис.

Теория корпоративной (организационной) устойчивости имеет истоки в концепции устойчивого развития, которая в свою очередь базируется на теории динамического роста и динамического равновесия А. Печчеи [1] и теории органического роста Э. Пестеля [2]. Эти концепции носят глобальный характер с экологическим приоритетом в исследовании. Экологические факторы совместно с определяемыми ими биологическими и психологическими факторами ограничивают количественный рост мировой экономики. Дж. Элкингтон первым поставил вопрос о триединстве цели устойчивого развития: экологической целостности, экоэффективности и экосправедливости [3]. В 1990-е гг. Г. Хэмел и К. Прахалад предложили концепцию ключевых компетенций, позволяющую исследовать экономические и социальные факторы устойчивости как предпосылки устойчивого развития организации (предприятия) [4]. Диалектическое взаимодействие между устойчивостью и гибкостью предприятия в рамках концепции жизненного цикла изучает И. Адизес [5]. Вопросы экономической устойчивости промышленных предприятий исследовались С. П. Бараненко и В. В. Шеметовым [6], Е. П. Кочетковым [7], А. Д. Бобрышевым, В. М. Туминым и М. Г. Витушкиной [8], А. А. Воробьевым [9], Е. В. Горшениной и Н. А. Хомяченковой [10], М. Портером [11], С. Келлером и К. Прайс [12], Л. Шерманом [13]. Примыкает к теории экономической устойчивости промышленных предприятий теория ограничений Э. Голдратта, Э. Шрагенхайма, У. Детмера [14; 15]. Важным следует считать положение В. И. Арнольда о том, что в эволюционных системах «все хорошее (например, устойчивость) более хрупко, чем плохое. Это связано с тем, что для хорошего» (оптимального) нужно удовлетворять нескольким требованиям одновременно, а для «плохого» – достаточно не удовлетворять хотя бы одному» [16, с. 17].

Тем не менее, ряд аспектов проблемы экономической устойчивости предприятия следует признать недостаточно изученными. Прежде всего, к таким аспектам относятся вопросы критериев и показателей экономической устойчивости промышленного предприятия с учетом отраслевой специфики, формирование системного инструментария оценки способности предприятия выживать и развиваться.

Подходы и методы исследования

В методологическом плане при написании статьи использованы системный, ситуационный и ресурсно-целевой подходы. Системный подход позволяет обосновать круг критериев экономической устойчивости промышленного предприятия. Ситуационный подход предоставляет возможность определить адекватные ситуации частные показатели экономической устойчивости промышленного предприятия. Ресурсно-целевой подход незаменим при оценке экономического потенциала промышленного предприятия.

Сущность системного и ситуационного подходов хорошо известна научной общественности. Менее четко определена сущность ресурсно-целевого подхода.

Одни авторы, например, Шульгина Ю. В. рассматривают ресурсный и целевой подход изолированно [17]. И. А. Волкова трактует ресурсно-целевой подход как единство ресурсов и общей цели организации [18, с. 30]. Также выявлено различие в понимании назначения ресурсно-целевого подхода. В. И. Бусов считает, что стоимостный и ресурсно-целевой подходы дополняют друг друга. При этом стоимостный подход рассматривается как коммерческий, а ресурсно-целевой как общественный [19, с. 104].

Ресурсный и целевой подходы могут быть отделены от ресурсно-целевого подхода и рассмотрены изолированно друг от друга. Однако в этом случае они не дают представления о максимально возможной степени достижения целей организации, т. е. экономическом потенциале

и его составляющих. Ресурсный подход позволяет оценить сбалансированность ресурсов и их ограниченность (дефицитность). На основе целевого подхода определяется степень достижения целей организации и вклад в конечные результаты деятельности структурных подразделений и отдельных сотрудников. В отличие от ресурсного и целевого подходов «ресурсно-целевой подход к измерению потенциала фирм означает необходимость одновременного учета состава и существенных характеристик целей фирмы, с одной стороны, и количества и качества ресурсов – с другой» [20, с. 41]. Ресурсно-целевой подход применим на разных уровнях национальной экономики, имея свою специфику практического приложения. В зависимости от уровня практического приложения он может быть как коммерческим, так и общественным. Возможности ресурсно-целевого подхода при переходе на более высокие уровни национальной экономики (по сравнению с уровнями предприятия и организации) сужаются из-за информационных ограничений и высокой трудоемкости работ по сбору первичной информации. Иногда проблемы такого порядка возникают и на микроуровне национальной экономики. Тогда при измерении экономического потенциала предприятия наряду с ресурсно-целевым подходом применяется целевой подход (потенциал достижения частной цели определяется исходя из наилучшего фактического результата).

Адекватными ресурсно-целевому подходу являются детерминистски-лимитирующий метод и интегральный метод. Детерминистски-лимитирующий метод основан на одновременной оценке критических факторов и ограничений при определении потенциала достижения цели. Интегральный метод предполагает учет влияния на экономический потенциал (в разрезе отдельных оценочных показателей) ключевых факторов.

Ключевые факторы – ограничивают или повышают вероятность достижения цели. Критические факторы обуславливают возможность достижения цели. Соответственно необходимо различать позитивные и негативные ключевые и критические факторы.

Негативные ключевые факторы снижают вероятность достижения цели в допустимых пределах (допустимые пределы обусловлены значимостью цели и влиянием степени ее достижения на возможность организации поддерживать приемлемые отношения с заинтересованными группами). Позитивные ключевые факторы повышают вероятность достижения цели.

Адекватными цели и теме статьи методами исследования выступают диалектический метод, метод научной абстракции, метод индукции и дедукции, метод анализа и синтеза, монографический метод (сравнительный анализ методологических и теоретических положений в научной литературе).

Результаты исследования

В литературе в развернутом виде рассматриваются методы и инструментарий антикризисного управления. Некоторые из них являются общепризнанными. Так, в учебнике «Инструменты и методы антикризисного управления» отдельно выделяются методы регулирования в антикризисном управлении, методы и инструментарий диагностики коммерческих организаций, методы предотвращения кризиса бизнеса организаций, антикризисная реструктуризация и реорганизация, управление изменениями в антикризисном управлении организацией, сценарное прогнозирование, бюджетирование [21, с. 6 – 10]. Однако в данном перечне допускается некоторое нарушение логики построения системы антикризисного управления, что проявляется в игнорировании схемы «анализ – диагностика – прогнозирование – цели и стратегии – план – оценочные показатели – меры регулирования».

Инструменты управления играют активную роль в антикризисном управлении, выполняя направляющую, диагностическую, мотивирующую, контролирующую и регулирующую функции. Особое место в системе инструментов антикризисного управления занимают оценочные инструменты, к которым относятся показатели, критерии, стандарты, шкалы. Центральное место оценочных инструментов обусловлено одновременным выполнением направляющей, диагностической, контролирующей и регулирующей функций.

Одновременное выполнение оценочными инструментами направляющей, диагностической,

контролирующей и регулирующей функций возможно только при их комбинировании с эффективными методами прогнозирования.

В условиях неопределенности и динамичности функционирования российской экономики в целом и машиностроительных предприятий, в частности, определение тенденций развития с использованием формализованных методов (например, экстраполяции, корреляционно-регрессионного анализа) или применение только неформализованных методов (например, методов экспертных оценок), представляется некорректным. Необходимо использование синтетических методов, к числу которых можно отнести метод аналитической иерархии (МАИ) (базовый вариант разработан американским экономистом и математиком Т. Саати) и его экономические модификации.

Т. Саати предлагает формировать обобщенный сценарий, основываясь только лишь на полученных ранее относительных весах сценариев. По его мнению, обобщенная мера на шкале для переменной состояния получается, если просуммировать произведения весов сценариев на соответствующие значения переменной состояния. Метод анализа иерархий предоставляет возможность свести проблему многомерного шкалирования к одномерной задаче [22, с. 305].

На наш взгляд, в таком подходе есть значительные упущения.

Во-первых, не учитывается возможность совмещения наступления отдельных сценариев.

Во-вторых, веса сценариев должны дифференцироваться для предприятий, находящихся на разных стадиях жизненного цикла.

В-третьих, необходимо учитывать отраслевые особенности. Так, хлебопекарные предприятия функционируют на региональном или локальном рынке хлебобулочных изделий, а машиностроительные предприятия могут присутствовать не только на национальном, но и на зарубежных рынках, соответственно у вторых несопоставимо более широк круг конкурентов. Отраслевые особенности влияют на выбор приоритетных оценочных натуральных показателей. К отраслевым особенностям машиностроения, влияющим на выбор оценочных показателей, следует отнести: острую конкурентную борьбу с отечественными и зарубежными производителями и продавцами машиностроительной продукции, особую значимость уровня и скорости выведения на рынок инновационной продукции, опережающий рост цен на сталь по сравнению с ростом цен на готовую продукцию, высокую материалоемкость производства. На выбор оценочных показателей оказывают особенности подвидов машиностроения, а также инновационный потенциал конкретного предприятия. В Ивановской области машиностроительным комплекс является «мозаичным» в силу практического исчезновения текстильного машиностроения. Очевидно, что для ООО «Профессионал» приоритетным натуральным оценочным показателем экономической устойчивости является прирост производства усиленных строительных ковшей, скальных и карьерных ковшей. Движение АО «Завод им. Г. К. Королева» в сторону повышения экономической устойчивости призваны отслеживать показатели выпуска линий по котонизации льна, других машин и агрегатов для первичной обработки льна, а Ивановского станкостроительного завода – показатели прироста выпуска высокоскоростных обрабатывающих центров и поворотных подвижных автономных столов с числовым программным управлением.

Можно констатировать, что сценарное прогнозирование представляется перспективным инструментом антикризисного управления, имеющего непосредственное отношение к оценке степени достижения целей. Условием для использования сценарного прогнозирования при оценке экономической устойчивости промышленных предприятий является экономическая модификация метода анализа иерархий (ЭМАИ). Сущность ЭМАИ и ее апробация в целях прогнозирования раскрыты в [23].

Стратегическая экономическая устойчивость требует прогнозирования экономического потенциала предприятия на основе ЭМАИ с включением в этот метод детерминировано-лимитирующего метода, интегрального и учетного методов. Учетный метод основан на отождествлении потенциального и наилучшего фактического результата, но, как было отмечено

ранее, имеет ограниченное применение.

Наряду с оценкой потенциалов о развитии предприятия следует судить по степени использования общих потенциалов или потенциалов функциональных систем. В концепции жизнеспособности организации постановка непростых целей, ориентация сотрудников на высокую отдачу рассматриваются как одни из ключевых условий формирования и реализации эволюционных (долгосрочных) преимуществ [12, с. 111]. О развитии предприятия свидетельствует либо переход на более высокую степень использования потенциалов и/или сохранение достигнутого уровня потенциалов.

Вместе с тем сохранение экономического потенциала невозможно без роста или поддержания достигнутого высокого уровня экономической результативности, эффективности и конкурентоспособности предприятия, что связано с воздействием на него комплекса неблагоприятных факторов. Проблема взаимосвязи функционирования и развития предприятия является слабо изученной в мировой экономической науке и представляет интерес для исследований.

Е. П. Кочетков дифференцирует цели развития на цели обеспечения финансово-экономической устойчивости и цели восстановления финансово-экономической устойчивости организации. Цель обеспечения финансово-экономической устойчивости состоит в балансировании реального темпа роста, измеряемого темпом роста продаж, и устойчивого темпа роста, равного темпу роста собственного капитала. Цель восстановления финансово-экономической устойчивости (1 уровень) декомпозируется на цель роста фундаментальной стоимости, отождествленной с целью устойчивого развития (цель 2 уровня). Цель финансового равновесия (цель 3 уровня), которая в свою очередь структурируется на цели восстановления ликвидности бизнеса и платежеспособности, прибыльности, деловой активности, структуры капитала и экономического потенциала (цели 4 уровня) [7, с. 98].

Для достоверного измерения экономического потенциала необходимо отказаться от трактовки его только как динамической категории. В.И. Куликов справедливо критикует сведение потенциала к совокупности ресурсов, которыми обладает данная хозяйственная система. Тем самым, считает он, потенциалу придается статический характер. Потенциал – это понятие не статики, а динамики производственной системы [24, с. 102]. Н.К. Темнова отмечает, что потенциал может рассматриваться как динамическая составляющая, поскольку для формирования позитивной экономической динамики необходимо знать, какие должны быть задействованы ресурсы и в каком соотношении. В то же время экономическая динамика инициируется бизнес-средой и способствует направленной корректировке структуры потенциала предприятия [25]. Комментируя высказывание Н.К. Темновой, обратим внимание на необходимость достаточного по объему и качеству и сбалансированного по видам ресурсного обеспечения для поддержания текущего состояния предприятия (а не только обеспечения динамичного развития).

Вместе с тем признание потенциала категорией и статики и динамики не дает оснований смешивать разновременные явления в одном показателе. Такую ошибку допускает В.Н. Самочкин, предлагая модель гибкого развития предприятия. Гибкость предприятия определяется отношением устойчивости предприятия к обновлению, которая отождествляется со степенью гибкости предприятия в текущем периоде и его экономическим потенциалом, и готовностью предприятия к развитию в будущие периоды. Степень гибкости предприятия в текущем периоде определяется отношением прибыли на обновление и среднего за расчетный период значения собственных активов. Готовность предприятия к развитию в будущие периоды характеризуется способностью предприятия к обновлению, определяемое как произведение коэффициента обновления изделий и номенклатуры производимой продукции. В свою очередь коэффициент обновления рассчитывается как отношение периода разработки и освоения изделий к периоду производства изделий. Произведение коэффициента обновления и номенклатуры изделий позволяет определить расчетное число изделий, которое должно находиться в освоении [26, с. 189 – 191]. Полезность расчетного

числа изделий для управления развитием предприятий не вызывает сомнений. А вот отношение коэффициента устойчивости предприятия к обновлению (по сути, внутреннего темпа роста, темпа роста собственных активов или модифицированной рентабельности собственного капитала) к расчетному числу изделий вызывает сомнения (см. [26, с. 215, 217]).

Важно отметить, что экономический потенциал предприятия не может быть представлен в виде одного показателя, тем более относительного, каким является модифицированная рентабельность собственного капитала (внутренний темп роста). В силу многомерности и многовекторности системы целей предприятия общий экономический потенциал складывается из совокупности частных потенциалов, отражающих максимально возможную степень достижения главных целей микроэкономической системы. При измерении частных потенциалов должны использоваться как абсолютные, так и относительные целевые показатели. Выбор вида целевого показателя обусловлен конкретной ситуацией, обуславливающей вариант предпочтительной реализации интересов ведущих стейкхолдеров.

Методики измерения экономического потенциала предприятия разнообразны, и не равноценны с позиции антикризисного управления. Методика измерения экономического (производственного и коммерческого потенциалов), которая разработана и используется на кафедре менеджмента Ивановского государственного университета, базируется на синтезе целевого и ресурсно-целевого подходов. К конкурентным методикам следует отнести методику Н. К. Темновой [25, с. 19 – 20] и методику Р. С. Ибрагимовой и Д. С. Головкина [27, с. 66 – 73]. В обеих методиках не выделяются критические факторы, и строится интегральный показатель экономического факультета предприятия. В методике Н. К. Темновой используется мультипликативный интегральный показатель, а в методике Р. С. Ибрагимовой и Д. С. Головкина – аддитивный интегральный показатель. Отличие методики Р. С. Ибрагимовой и Д. С. Головкина состоит и в выделении трех составляющих экономического потенциала – ресурсов, компетенций и возможностей.

Интегральный показатель экономического потенциала сложен в построении в силу иерархии и пересечения его составляющих. Для промышленного предприятия на верхнем уровне иерархии потенциалов находятся производственный и коммерческий потенциалы, средствами формирования которого выступают трудовой, финансовый и маркетинговый и инновационный. В свою очередь производственный и коммерческий потенциал должны быть сбалансированы (их величины не могут механически суммироваться). Инновационный потенциал подразделяется на инновационно-инвестиционный и инновационно-трудовой потенциалы и т. д.

Отдельные методики могут и должны быть включены в оценочную подсистему антикризисного управления предприятиями. Так, SWOT-анализ может использоваться не только для формирования перечня стратегических альтернатив, но применяться при отборе критических и ключевых факторов для определения производственного, коммерческого и других видов экономического потенциала предприятия на основе детерминистски-лимитирующего и интегрального методов.

Для обоснованной и достоверной диагностики состояния предприятия отсутствует необходимость учета всего комплекса показателей по всем уровням управления и в то же время настоятельной является потребность отражать «свертку» факторов («снизу – вверх») по уровням управления и приобретение отдельными из факторов нового качества – статуса критических, ключевых показателей и ограничений. Тем самым методика оценки производственного и коммерческого потенциала выступает серьезным конкурентом SWOT-анализа, учитывающего только факторы в виде сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, но не обеспечивающего выход на оценку реализации конечных целей предприятия.

Проблема отграничения целевых показателей и факторов является ключевой для оценки степени достижения целей предприятий. С одной стороны, их смешение ведет к искажению оценки за счет присутствия в ней эффекта дублирования. С другой стороны, без учета влияния факторов на целевые показатели возможно выявление только симптомов деловых проблем, но не их причин.

Однако такая углубленная диагностика является чрезмерно сложной и трудоемкой, несет в себе риски отсутствия объективных и обоснованных результатов из-за огромного числа факторов и причинно-следственных связей между ними. Выход из этой проблемы видится во включении в систему диагностики предприятия оценки его экономического потенциала и учете результатов этой оценки при обосновании значений целевых показателей. Оценка экономического потенциала учитывает критические и ключевые факторы, а также ограничения («узкие места») достижения целевых показателей. Такой учет в достаточной мере отражает релевантные параметры внешней и внутренней среды предприятия.

Вместе с тем не для всех целей и не всегда могут быть найдены критические факторы (в отличие от ограничений). Это обстоятельство не отменяет применение ресурсно-целевого подхода при измерении экономического потенциала предприятия. Данная задача только усложняется (приходится учитывать комплекс ключевых факторов и их взаимодействие).

В целях стратегической управленческой диагностики применяются методы стратегического анализа, модель внутренних темпов роста (модифицированной рентабельности собственного капитала), метод сопоставления сальдо операционной, финансовой и инвестиционной деятельности предприятия, методы оценки экономического потенциала предприятия. Данные методы конкурируют друг с другом. При этом следует отдать предпочтение методам оценки экономического потенциала предприятия по приведенным в таблице основаниям.

Таким образом, стратегическая управленческая диагностика нуждается в применении специальной методики измерения экономического потенциала, которая базируется на синтезе целевого и ресурсно-целевого подходов.

Экономический потенциал и его отдельные составляющие позволяют обосновать стандарты разного уровня требований к экономической эффективности и результативности предприятия. Стандарты разного уровня требований к экономической эффективности и результативности позволяют ориентировать предприятия и организации на достижение значимых конечных результатов, системно интерпретировать уровень и динамику функционирования и развития.

Оценка экономической устойчивости теснейшим образом переплетается с диагностикой стадии и этапа жизненного пути (жизненного цикла). По сути, установление стадии и этапа жизненного цикла предприятия и есть определение уровня прогрессивного или регрессивного развития как части жизненного пути.

Таблица 1 – Сравнительный анализ основных диагностических инструментов стратегического менеджмента через призму возможности их включения в предпочтительный инструментарий определения и распознавания экономической устойчивости промышленного предприятия

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
Сбалансированная система показателей (BSC) [28]	Достоинство BSC – всестороннее определение целевых показателей по направлениям: финансовому, потребительскому, внутренним бизнес-процессам, развитию предприятия. Однако комплексность сама по себе не обеспечивает	Инструмент не имеет самостоятельного значения при возможности использования в рамках диагностики отдельных элементов и составляющих экономической устойчивости промышленного предприятия.

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
	сбалансированности. Конечные результаты развития не оцениваются в силу отсутствия измерения экономического потенциала предприятия и его составляющих.	
Методики матричного портфельного анализа (матрица Бостонской Консалтинговой группы, матрица привлекательности/преимуществ GE/McKinsey, матрица дифференциального стратегического анализа В. И. Куликова – матрица ДСА) [24; 28]	Отдельные методы матричного портфельного анализа конкурируют друг с другом. Ряд показателей, используемых в матрицах, могут быть некорректными: отно – сительная доля (матрица Бостонской консалтинговой группы) – универсальный показатель, не учитывающий ситуацию; неоднородные частные показатели привлекательности рынка, не сводимые к интегральному показателю (матрица привлекательности / преимуществ, матрица ДСА).	Методики не пригодны для оценки экономической устойчивости предприятия.
Методика 5 сил М. Портера [28]	Методика измеряет 5 сил, определяющих характер конкуренции в отрасли. В силу поставленной задачи методика не учитывает влияние на предприятие других стейкхолдеров (персонала, государства, местного сообщества). Не разграничиваются факторы, прямо или косвенно влияющие на предприятие. К факторам прямого непосредственного влияния (не через деловую контактную среду) относятся экологические факторы, тренды научно-технического прогресса (при само-	Методика не имеет самостоятельного значения и может быть «вписана» в методику «сценарного» прогнозирования при определении весомости акторов (стейкхолдеров). Методика сценарного прогнозирования не-обходима для определения будущего эконом-омического потенциала предприятия.

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в пред-почтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
	<p>стоятельной разработке на предприятиях новаций). Не учитывается значение управленческого персонала и его потенциала для реализации главных целей предприятия. Игнорируется влияние привилегированных неформальных отношений на экономическое состояние предприятия.</p>	
Методика интегрального стратегического анализа (SWOT-анализ) [28]	Имеет качественную и количественную версию. Ни в той, ни в другой версии не обеспечивается переход от факторов внешней и внутренней среды с учетом их взаимодействия к оценке конечных результатов деятельности предприятия.	Методика не пригодна для оценки экономической устойчивости предприятия.
Методика мощи и важности ресурсов и характеристик (Р. Грант) [28]	Для каждого ресурса и характеристики определяются весомость и относительную силу (в сравнении с ведущим конкурентом). В результате выявляются ключевые сильные и слабые стороны, избыточно сильные стороны.	Методика может быть использована при измерении экономического потенциала предприятия в рамках диагностики экономической устойчивости.
Методика (база данных) PIMC (Profit Impact of Market Strategy) [28]	Выявляется влияние на рентабельность капитала ряда производственных и коммерческих показателей. Однако рентабельность капитала лишь частично характеризует финансовую устойчивость – составляющей экономической устойчивости.	Методика может быть использована при измерении экономической эффективности в рамках диагностики экономической устойчивости предприятия.
Деревья текущей и будущей реальности (инструменты теории ограничений) [15]	Наглядность при определении ограничений функционирования и развития предприятия. Игнорируется	Не имеют самостоятельного значения при диагностике экономической устойчивости предприятия.

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
	наличие для части целей предприятия позитивных и негативных критических факторов реализации. Отсутствует измерение экономического потенциала предприятия.	
Бенчмаркинг [28]	Сопоставление показателей предприятия с лучшими показателями в отрасли или в других видах экономической деятельности.	Бенчмаркинг целесообразно применять по всем направлениям диагностики экономической устойчивости: экономической эффективности и результативности, экономического потенциала и степени его использования.
Концепции ключевых компетенций Г. Хэмела и К. Прахалада, стратегически ценных ресурсов Д. Коллинса и С. Монтомери, стратегически особых ресурсов Д. Барни, динамических характеристик Д. Тиса, Г. Пизано и Э. Шуэна [28; 4]	Представляют собой реализацию ресурсного и ресурсно-целевого подходов (ключевые компетенции и стратегически ценные ресурсы). Концепции не доведены до уровня методических разработок.	Представляют интерес при измерении экономического потенциала предприятия в рамках диагностики экономической устойчивости.
Концепция прорывных технологий К. Кристенсена [28]	Разграничиваются поддерживающие и прорывные инновации. Прорывные инновации способны выполнять роль позитивного критического фактора экономического развития предприятия.	Представляет интерес при измерении экономического потенциала предприятия в рамках диагностики экономической устойчивости.
Метод анализа иерархий (МАИ) Т. Саати [22]	Разработка сценарного прогноза развития ситуации с учетом влияния акторов (стейкхолдеров) на деятельность предприятия. Превалируют экспертные оценки при отсутствии необходимого их синтеза с экономическими расчетами.	Экономическая модификация МАИ включена в оценку прогнозного экономического потенциала предприятия.

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
Метод аналитических сетей [22]	Предпринята попытка исследовать прямые и обратные связи между критериями и альтернативными средствами достижения целей. Т. Саати не смог разделить значимость критериев и реализуемость альтернатив в силу отсутствия одновременного использования интегрального критерия и системы ограничений.	Не пригоден для прогнозирования экономического потенциала предприятия.
Концепция жизненного цикла И. Адизеса [5]	Этапы развития предприятия рассматриваются как сочетание гибкости и контроля. Отсутствует количественное измерение степени экономической устойчивости предприятия на разных этапах жизненного цикла.	Отдельные положения концепции могут быть использованы при диагностике экономической устойчивости предприятия (но не более).
Методика В. Дикинсона [29]	Для определения стадии жизненного цикла предприятия применяется сопоставление сальдо операционной, финансовой и инвестиционной деятельности. Несмотря на положительные сальдо финансовой и инвестиционной деятельности, наличие отрицательного сальдо операционной деятельности служит основанием для диагностики стадии упадка. Данный подход не в полной мере соответствует современным условиям деятельности и жизненного пути российских промышленных предприятий. Во-первых, многие из них не ведут инвестиционной и	Не входит в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости предприятия.

Аналитический/оценочный инструментарий	Системная оценка	Включение в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия
	<p>финансовой деятельности. Во-вторых, положительное сальдо инвестиционной деятельности может быть на разных стадиях жизненного цикла предприятия. В-третьих, в определенных ситуациях экономический рост может сочетаться с отрицательным значением сальдо операционной деятельности. Таким образом, диагностическую модель В. Дикинсона нельзя признать эффективной, по крайней мере, для российских предприятий.</p>	
<p>Модель внутреннего темпа роста [26]</p>	<p>В качестве интегрального показателя экономической устойчивости принимается прирост средств на развитие предприятия. Отсутствует разграничение между капиталом и экономическим потенциалом.</p>	<p>Не входит в предпочтительный инструментарий диагностики экономической устойчивости предприятия.</p>
<p>Методика измерения производственного и коммерческого потенциалов А. С. Лифшица [23], методики измерения экономического потенциала Н. К. Темновой [25], Р. С. Ибрагимовой и Д. С. Головкина [27]</p>	<p>Ресурсно-целевой подход реализован только в методике А. С. Лифшица. В методике Р. С. Ибрагимовой и Д. С. Головкина разграничены ресурсы, компетенции и возможности. В методике Н.К. Темновой мультипликативный показатель может занижать потенциал предприятия,</p>	<p>При оценке экономического потенциала как составляющей диагностики экономической устойчивости промышленного предприятия за основу целесообразно принять методику А. С. Лифшица.</p>

В процессе диагностики жизненного цикла предприятия необходимо учитывать текущие экономическую результативность и эффективность, конкурентоспособность как занимаемую предприятием конкурентную позицию, прогнозируемый экономический потенциал и предпочтительную степень его использования.

При построении интегрального диагностического показателя каждой из составляющих должен быть присвоен вес с учетом ситуации в отрасли (острота и тип конкурентной борьбы, влияние экономических санкций, дефицитность отдельных ресурсов), финансового положения предприятия (прежде всего, соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей), уровня и динамики

частных диагностических показателей. При этом анализ ситуации должен носить стратегический характер. Например, А. М. Балашов ставит задачу диверсификации экспорта энергоносителей для избегания попадания в тотальную зависимость от Китая и Индии в ситуации практического прекращения поставок нефти и газа в страны Европейского Союза. Он акцентирует внимание на значении модернизации нефтеперерабатывающих заводов с целью увеличения выпуска светлых нефтепродуктов – дизельного топлива, бензина, керосина [30, с. 59 – 60]. При более широком подходе следует четко видеть необходимость структурного реформирования промышленности в сторону существенного увеличения удельного веса инновационных, в т.ч. высокотехнологичных производств.

Такую диагностику следует считать оценкой стратегической экономической устойчивости предприятия. Вместе с тем, опираясь на результаты оценки стратегической экономической устойчивости, можно проводить оперативную и тактическую оценки. По мере необходимости требуется вносить коррективы в диагностику способности предприятия к долгосрочному выживанию и развитию.

Заключение

Оценка экономической устойчивости промышленных предприятий на современном этапе экономической мысли предполагает ее синтетический характер. Синтетический характер оценки экономической устойчивости означает ее двойственность (дихотомичность): статично-динамичный, ретроспективно-перспективный, количественно-качественный. Только при такой двойственности в условиях быстроменяющейся и частично неопределенной экономики оценка может выполнять комплекс важнейших экономико-управленческих функций – направляющую, диагностическую, контролирующую и регулирующую.

С методологических позиций важно представлять соотношение между экономической диагностикой и экономической оценкой. Диагностика шире оценки, т. к. включает в себя и распознавание симптомов и причин сложившегося (будущего) состояния предприятия, а не только необходимое обобщение относительно уровня развития социально-экономической системы. Вместе с тем оценка не только экономический, но и управленческий комплекс инструментов. Таковой она становится, как только включается в механизм разработки и реализации управленческих решений.

Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий включает в себя ограниченный (по количеству) набор инструментов. Тем самым не только устраняется дублирование и повышается уровень системности, но и облегается практическое применение в целях управления развитием промышленных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печчеи А. Человеческие качества /Аурелио Печчеи; пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс, 1985. 313 с.
2. Пестель Э. За пределами роста /Эдуард Пестель; пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 266 с.
3. Elkington J. Cannibals with forks: the triple bottom line of 21st century business /J. Elkington. . Oxford: Capstone, 1997. 402 p.
4. Hamel G. Competing for the future / Gary Hamel, C. K. Prahalad. Boston: Harvard Business Review, 1994. 327 p.
5. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / Ицхак Калдерон Адизес; пер. с англ. 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 512 с.
6. Бараненко С.П. Стратегическая устойчивость предприятия / С.П. Бараненко, В.В. Шеметов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 493 с.
7. Кочетков Е. П. Трансформация антикризисного управления в условиях цифровой экономики: обеспечение финансово-экономической устойчивости высокотехнологичного бизнеса /Е. П. Кочетков. М.: Проспект, 2020. 328 с.
8. Бобрышев А. Д. Мониторинг устойчивости предприятий с длительным производственным циклом: монография / А. Д. Бобрышев, В. М. Тумин, М. Г. Витушкина. М.: ИНФРА-М, 2021. 201 с.
9. Воробьев А. А. Формирование концептуальной модели устойчивого развития организации: стратегии и перспективы развития // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 13. № 3. С. 226 – 233.
10. Горшенина Е. В., Хомяченкова Н. А. Мониторинг устойчивого развития промышленного предприятия // Российское предпринимательство. 2011. № 1. С. 66 – 67.
11. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / Майкл Портер; пер. с англ. 5-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2017. 716 с.
12. Келлер С. Больше, чем эффективность: Как самые успешные компании сохраняют лидерство на рынке / Скотт Келлер, Колин Прайс; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018. 409 с.
13. Шерман Л. Пока псы лают, коты побеждают: Менеджмент без догм / Леонард Шерман; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2020. 400 с.
14. Детмер У. Теория ограничений Голдратта. Системный подход к непрерывному совершенствованию / Уильям Детмер; пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 444 с.
15. Шрагенхайм Э. Теория ограничений в действии: Системный подход к повышению эффективности компании / Эли Шрагенхайм; пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 286 с.
16. Арнольд В.И. Теория катастроф. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1990. 128 с.
17. Шульгина Ю. В. Целевой и ресурсный подход в управлении организацией. – Режим доступа: https://spravochnick.ru/menedzhment/celevoy_resursnyy_podhod_v_upravlenii_organizaciy/ (дата обращения 05.04.2023)
18. Волкова И. А. Выбор стратегии технологического развития организации: методология ресурсно-целевого подхода // Дискуссия. 2012. № 7. С. 30 – 35.
19. Бусов В. И. Стоимостная и ресурсно-целевая оценка эффективности деятельности современных компаний // Экономика: проблемы, решения и перспективы. 2018. № 11. С. 103 – 109.
20. Лифшиц А. С. Развитие фирмы: ресурсно-целевой подход /А. С. Лифшиц. Иваново: ООО «Издательство «Иваново», 2006. 112 с.
21. Инструменты и методы антикризисного управления: учебник / под ред. А. Н. Ряховской, Л. В. Волкова. М.: Магистр, 2021. 624 с.
22. Саати Томас Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях. Аналитические сети /Томас Саати; пер. с англ. Изд. 4. М.: ЛЕНАНД, 2015. 360 с.
23. Лифшиц А. С. Факторы и инструментарий обеспечения устойчивого развития предприятий

машиностроения / А.С. Лифшиц, Р. С. Ибрагимова. Москва: РИОР:ИНФРА-М, 2023. 200 с.

24. Куликов В.И. Регулирование производственной активности организации. / В. И. Куликов. М.: Наука, 2004. 624 с.

25. Темнова Н.К. Экономическая динамика текстильных предприятий: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Автореф. дис. д-ра экон. наук. – Иваново, 2009. 40 с.

26. Гибкое развитие предприятия: Эффективность и бюджетирование / под ред. В.Н. Самочкина. 2-е изд., доп. М.: Дело, 2002. 376 с.

27. Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Методическое обоснование оценки экономического потенциала предприятия текстильной промышленности // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 64-74.

28. Эванс В. Ключевые стратегические инструменты. 88 инструментов, которые должен знать каждый менеджер / В. Эванс; пер. с англ. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2015. 456 с.

29. Dickinson V. Cash flow patterns as a proxy for firm life cycle // The Accounting Review. 2011. № 86. PP. 1969 – 1994.

30. Балашов А.М. Влияние экономических санкций на российский бизнес по добыче и экспорту энергоносителей / А.М. Балашов. DOI 10.52957/22213260_2023_2_56. Текст: электронный // Теоретическая экономика. 2023 № 2. С.56-62. URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.02.2023)

Preferred tools for assessing the economic sustainability of industrial enterprises

Lifshits Arkady Semyonovich

Doctor of Economics, Associate Professor

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: ark.lifshits2011@yandex.ru

Annotation. The economic sustainability of an industrial enterprise is a prerequisite and a chance for sustainable development. Despite the fact that the problem of economic sustainability of industrial enterprises is given considerable attention in domestic and foreign scientific literature, a number of its aspects should be recognized as insufficiently studied. These include the issues of criteria and indicators of the economic sustainability of an industrial enterprise, taking into account industry specifics, the formation of a systemic toolkit for assessing the ability of an enterprise to survive and develop.

The purpose of the article is to reflect the results of a comparative analysis of domestic and foreign diagnostic tools of strategic management for the formation of the preferred tools for recognizing the economic sustainability of an industrial enterprise.

When performing the study, systemic, situational and resource-targeted approaches were used. Adequate to the purpose and topic of the article, research methods are the dialectical method, the method of scientific abstraction, the method of induction and deduction, the method of analysis and synthesis, the monographic method (comparative analysis of methodological and theoretical provisions).

The necessity and possibility of including a number of methods of strategic analysis and forecasting in an unchanged or modified form as a complex of non-independent research methods in the methodology for diagnosing the economic sustainability of an industrial enterprise are revealed. The special role of assessing and forecasting the economic potential in the framework of diagnosing the economic sustainability of an industrial enterprise is proved. A theoretical approach to determining the weights of the integral diagnostic indicator of relevant parameters of the situation in the branche of industry as a whole and at an individual enterprise has been formed.

The assessment of the economic sustainability of industrial enterprises at the present stage of economic thought suggests its synthetic nature. Quantitative-qualitative static-dynamic assessment in the absence of the use of duplicating tools is most adequate to the modern conditions of industrial enterprises.

Keywords: sustainable development, economic sustainability, integral diagnostic indicator of the economic sustainability of an industrial enterprise, diagnostic tools for the economic sustainability of an industrial enterprise, life cycle of an enterprise, economic potential of the enterprise.

Вопросы применения цифровых решений на предприятиях традиционных отраслей экономики

Балашов Алексей Михайлович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск, Россия

E-mail: Lth1@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий в производственные процессы на предприятиях традиционных отраслей, в частности в электроэнергетике. Само возникновение термина «цифровая экономика» связано с переходом к новой стадии управления во всех отраслях. Цифровая экономика как экономика нового технологического уклада уже сейчас играет огромную роль в обеспечении экономического развития, повышении конкурентоспособности отраслей и компаний, а также способствует формированию новых рынков и отраслей, новых способов взаимодействия между экономическими субъектами. Внедрение решений, использующих цифровые технологии, помогает существенно сокращать расходы компаний и снижать вероятность появления критических ситуаций. Суть цифровизации в автоматизации процессов - переходе информации в более доступную цифровую среду, где её проще проанализировать, а потом получить точное решение автономно и одновременно, сделать процесс «гибким». Особое внимание в статье обращено на возможности и перспективы использования достижений цифровой экономики в решении вопросов охраны труда и промышленной безопасности.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования цифровых технологий в производственных процессах предприятий традиционных отраслей экономики, проанализировать влияние цифровизации на конкурентоспособность и успешность компаний в настоящее время. Например, применение облачных хранилищ и дистанционной диагностики оборудования должно способствовать возникновению инновационных подходов к организации производственных процессов и расширению потенциала предприятий, а также образованию прогрессивных технологических решений. В целом, применение цифровых автоматизированных технологий позволяет более рационально использовать ресурсы, повышать производительность труда и тем самым увеличивать эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на их реализацию.

Ключевые слова: цифровые решения, цифровизация, бизнес-процессы, методы контроля, минеральные и энергетические ресурсы

JEL codes: L26; L 86; O10

Для цитирования: Балашов, А.М. Вопросы применения цифровых решений на предприятиях традиционных отраслей экономики / А.М. Балашов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С70-78. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

В настоящее время происходит коренная смена технологий производства на крупных промышленных, энергетических и сырьевых предприятиях и появляется острая надобность в изменении стратегических целей развития компании и последующей цифровой трансформации бизнес-процессов. Цифровая экономика— это форма организации экономической деятельности людей, основанная на цифровых и электронных технологиях непосредственно реализуемая через электронную коммерцию, облачные технологии, цифровые платформы и сетевой бизнес [1], системы удаленного контроля и другие цифровые решения. В эпоху перехода к новому технологическому укладу конкурентоспособность и успешность компаний во многих случаях обуславливается широким применением информационных технологий и оперативностью реагирования на процессы и вызовы внешней среды.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования цифровых технологий в производственных процессах предприятий традиционных отраслей экономики, проанализировать

влияние цифровизации на конкурентоспособность и успешность компаний в настоящее время.

Основная часть

Вопросы готовности экономики и общества к цифровизации и внедрению шестого технологического уклада обсуждаются учеными разных стран мира. Так, Л. Гринин, А. Коротаев в своей работе ведут аргументированную дискуссию о переходе к новой эпохе-шестому технологическому укладу, на пороге которого стоит в настоящее время мир [2]. Они подчеркивают, что его очертания начинают формироваться в экономиках наиболее развитых государств и характеризуются нацеленностью на развитие «высоких» технологий. Э. Ансонг, Р. Боатенг рассматривают бизнес-модели цифровых предприятий и не обходят вниманием их непосредственное воздействие на человеческий потенциал предпринимателя и работника в цифровом обществе [3]. С. Харрисон с соавторами рассматривают взаимодействие человека и компьютера [4]. Эту же проблему поднимает коллектив авторов во главе с Т. Эриксоном [5]. Следует отметить, что большим достоинством работы является то, что люди и машины рассматриваются не в отрыве друг от друга, а через развитие взаимоотношений между ними. Исследуя цифровую трансформацию, авторы акцентируют внимание на необходимости сохранения всех основных ценностей человеческой цивилизации, безопасности и конфиденциальности личного пространства человека.

Ю. Роджерс и его соавторы тоже останавливаются на теме взаимоотношений индивида с компьютером в социальном, интеллектуальном и эмоциональном планах. Они подчеркивают, что следует выйти за рамки чисто технических аспектов, и сконцентрироваться на ценностно-этических предпочтениях [6]. Они акцентируют внимание и на том, что современное цифровое поколение предъявляет к технологиям повышенные требования, связывая их с высоким качеством жизни, отмечая при этом, что «высокие» технологии могут быть не только средством общения индивидов, но и помощниками в ведении бизнеса и в повседневной жизни.

В тоже время, на процесс формирования нового технологического уклада в настоящее время оказывают существенное влияние различные эпидемиологические и социально-экономические проблемы мирового сообщества, которые вероятно внесут сложные коррективы в обновление человеческой жизнедеятельности [7]. По мнению представителей Минэкономразвития РФ, место государства в новой экономической реальности будет во многом обуславливаться его способностью качественно и быстро интегрироваться в глобальные процессы, связанные с созданием нового технологического уклада. Цифровизация дает значительные преимущества как двигатель экономического прогресса, помогает выполнять рутинные задачи и принимать решения без участия человека. Поэтому вопросы внедрения цифровых технологий на предприятиях традиционных отраслей в настоящее время являются весьма актуальными [8, 9]. Суть цифровизации в автоматизации процессов - переходе информации в более доступную цифровую среду, где её проще проанализировать, а потом получить точное решение автономно и одновременно, сделать процесс «гибким». То есть с помощью анализа данных точно знать, что хочет получить рынок в конкретный момент, и подстроить под это производство или бизнес [10]. Цифровые технологии – это уже среда существования человека, которая открывает возможности эффективного решения жизненных ситуаций, поиска необходимой информации и ее обработки, использования интерактивных сервисов, позволяют усилить контроль в различных сферах, расширить возможности взаимодействия с приборами и аппаратурой, отслеживать работу техники в режиме реального времени и многие другие функции [11].

Основные инструменты здесь следующие:

- Big Data;
- машинное обучение;
- нейронные сети;
- ИИ (искусственный интеллект);
- человеко-машинные интерфейсы;
- технологии виртуальной реальности;
- технологии дополненной реальности;
- цифровые приложения и платформы
- блокчейн и интернет-вещей
- роботизация и др..

Цифровые технологии постоянно совершенствуются, становятся более массовыми, хотя данные процессы идут в настоящее время весьма неравномерно. Основные достоинства цифровизации:

- Автоматизация процессов - цифровизация позволяет автоматически производить такие операции, как помощь в подборе товара и оформлении заказа, ответы на вопросы клиентов, заполнение документов. Это облегчает работу персонала и снижает потребность организации в большом количестве сотрудников.

- Улучшение клиентского опыта - общение с клиентами выходит на совершенно другой уровень. Увеличивается скорость обработки заявок. Омниканальность дает возможности для «бесшовного» общения с клиентом на любой удобной для него платформе (соцсети, чат-бот, сайт компании, мессенджер). Кроме того, цифровые технологии позволяют собирать максимально подробную информацию о каждом пользователе и использовать ее для персонализации рекламного сообщения. Клиенту будет предложен товар или услуга именно того вида, который с большей вероятностью его заинтересует.

- Совершенствование продукта - цифровизация позволяет дать клиентам принципиально новые товары и услуги или новые способы доступа к ним: маркетплейсы, службы доставки еды, агрегаторы такси, онлайн-банкинг.

- Эффективное управление цепочкой поставок - искусственный интеллект, машинное обучение и предиктивная аналитика помогают прогнозировать спрос и заранее распределять товары и ресурсы.

- Сокращение издержек - цифровая трансформация требует больших вложений, которые окупятся не сразу. Но в долгосрочной перспективе это гораздо более выгодно, чем поддерживать работоспособность устаревших технологий.

- Инвестиции в будущее компании - она улучшает свои позиции на рынке и зарабатывает больше.

- Повышение конкурентоспособности - цифровизация позволяет конкурировать с лидерами рынка.

- Гибкость и устойчивость бизнеса - цифровые инструменты позволяют быстро разрабатывать и выводить на рынок новые продукты, оперативно реагировать на любые изменения внешней среды. Повышается адаптивность к новым реалиям. Компания готова к будущим кризисам.

- Возможности для сотрудничества - компания может работать с клиентами партнерами не только в своем регионе или стране.

- Повышение качества управления бизнесом - руководитель получает доступ к детальной аналитике. У него будет больше времени, чтобы подумать о развитии компании, вместо рутины и решения оперативных задач.

Можно выделить три ключевых подхода к реализации стратегии цифровой трансформации компаний [12]:

1. Трансформация корпоративной стратегии в цифровую стратегию, где цифровизация бизнеса происходит при помощи сквозной интеграции цифровых технологий и инноваций в операционную деятельность, бизнес-процессы и систему управления организацией.

2. Выделение в отдельности от корпоративной стратегии цифровой, которая предполагает создание компанией портфеля инновационных проектов по цифровой трансформации без прямого влияния на характеристику основных бизнес-процессов.

3. Создание в цифровой среде нового бизнеса, где цифровая корпоративная стратегия сочетается с цифровой функциональной стратегией.

В настоящее время только цифровизация позволит адаптироваться современным производствам и городам к многочисленным вызовам изменчивых внешних условий, к усложняющимся социально-экономическим процессам, требующим мгновенных перемен [13]. Само возникновение термина «цифровая экономика» связано с переходом к новой стадии управления во всех отраслях. В тоже время, на процесс формирования нового технологического уклада в настоящее время оказывают

существенное влияние различные эпидемиологические и социально-экономические проблемы мирового сообщества, которые вероятно внесут сложные коррективы в обновление человеческой жизнедеятельности [14].

Сегодня компании стали все больше ориентироваться на современные технологии от бизнес-процессов до покупки товаров. Начиная с периода пандемии значительно расширилась сфера онлайн-экономики, банки обслуживают преимущественно бизнес и население онлайн, существенно сокращается оборот наличных денег, возрастает значимость криптовалюты [11]. За время пандемии многие предприниматели начали осуществлять ускоренную цифровизацию своих бизнес-процессов, а также накапливать крупные объемы данных. Также началось широкое внедрение искусственного интеллекта (ИИ), роботизации, технологий блокчейна и интернета вещей в электронную торговлю. Объектом деятельности все больше становится информация, её поиск и обработка.

В настоящее время все большее значение, как для бизнесменов, так и для пользователей приобретает интернет вещей, под которым понимаются технологические сети взаимодействующих между собой и внешней средой систем и платформ, что ведет к оптимизации бизнес-процессов, улучшению взаимодействия поставщиков и потребителей, повышению эффективности использования ресурсов, снижению издержек. Если до 2020 г. отмечалась относительно невысокая динамика развития интернета вещей, то сегодня он все больше проникает в жизнь индивида. Такие тенденции быстрого развития промышленного и потребительского интернета вещей содействуют трансформации моделей и способов взаимодействия между субъектами и объектами.

В эпоху цифровизации все большую роль играет качество управления бизнесом, которое должно соответствовать требованиям инновационной экономики. Для обеспечения эффективного управления предприниматель должен сформировать целый комплекс управленческих решений по выработке стратегии модернизации своего предприятия. Фирмы пытаются сбалансировать последовательность и стабильность, с одной стороны, и готовность к переменам, с другой. Например, появились страницы компаний в социальных сетях, что позволяет бизнесу свободно общаться с коллегами, а значит и повышает доверие между его членами. Благодаря автоматизации документооборота уменьшаются затраты на рутинную работу, однако, усиливается конкуренция [15].

Цифровые технологии и искусственный интеллект постепенно проникают во все отрасли экономики и производства и становятся залогом экономической безопасности и суверенитета государства в XXI веке [16]. Многие компании совершенствуют свою производственную деятельность благодаря цифровизации производственных процессов, увеличилась производительность труда, происходит оптимизация труда персонала, повысилось качество выпускаемой продукции, открываются широкие возможности для использования энергоэффективных и энергосберегающих технологий. Все это вносит большие изменения в методы работы и процессы управления, а также создает хорошие условия для внедрения инноваций в способы производства и управления на современных предприятиях.

Цифровые технологии начинают широко внедряться в рабочие процессы традиционных отраслей промышленности, и в частности в электроэнергетике. С масштабированием цифровых решений в энергетике возникает возможность применения алгоритмов искусственного интеллекта для прогнозирования выработки и потребления электроэнергии, оптимизации параметров оборудования, отслеживании данных о фактическом энергопотреблении, обработки результатов мониторинга состояния энергетических объектов, управления нагрузкой и т.д. [11]. В настоящее время уже внедряются системы виртуального мониторинга и прогностики состояния генерирующих мощностей, цифровой диспетчеризации энергетических объектов. В городах и регионах сооружаются и вводятся в эксплуатацию цифровые подстанции, внедряются в эксплуатацию системы дистанционного управления оборудованием на магистральных ЛЭП [17].

Таким образом, внедрение цифровых решений позволяет существенно сократить расходы компаний и снизить вероятность появления критических ситуаций и нарушений в электроснабжении.

В частности, технологии предиктивной аналитики позволяют осуществлять постоянный контроль технического состояния оборудования, предусматривать плановое обслуживание, ремонт и ликвидацию отказов тех или иных устройств и объектов. В России цифровая трансформация в электроэнергетике выполняется, в основном, силами Минэнерго и ассоциации «Цифровая энергетика» [18].

Использование цифровых технологий также позволяет успешно решать вопросы промышленной безопасности, которые на сегодняшний день являются весьма актуальными, т.к. промышленная безопасность – это зона повышенной ответственности, поскольку от соблюдения необходимых правил в данной области зависит здоровье и даже жизнь работников опасных производств [19]. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2415 «О проведении эксперимента по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности» Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору организовала проведение эксперимента по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности [20]. Кроме этого, Ростехнадзором энергично продвигается идея «О цифровизации и совершенствовании удаленных методов контроля опасных производственных объектов». При этом, необходимо отметить, что для компаний и предприятий, внедривших систему дистанционного контроля промышленной безопасности, документом предусмотрены положения, направленные на уменьшение административной нагрузки посредством внедрения следующих инициатив [19]:

- отмены плановых проверок;
- отмены режима постоянного государственного надзора;
- отмены обязанности по предоставлению сведений о производственном контроле.

Таким образом, стимулируют компании, внедряющие цифровые решения в целях повышения безопасности ведения работ, в частности путем дистанционного контроля промышленной безопасности.

В то же время большие данные требуют прочной и хорошо отлаженной системы защиты. Информация, а особенно ее большие объемы, которые анализируют компании, имеет высокую цену. Ее утечка может привести к катастрофическим последствиям как для бизнеса, так и для конкретного человека [21]. Поэтому на сегодняшний день необходимо значительное повышение информационной безопасности компаний, но пока многие организации в целях экономии тратят незначительные средства на защиту своих данных, хотя в дальнейшем это может обернуться большими потерями. В частности, на это указывает значительный рост инцидентов информационной безопасности и их неутешительные последствия [22]. Если обратиться к статистике, то при утечке с предприятия уже 20 % информации, составляющих коммерческую тайну, в половине случаев такая организация оказывается банкротом. Девять из 10 предприятий с заблокированной или утраченной информацией на период свыше 10 дней уходят из бизнеса, при этом почти половина из них сразу заявляет о своей недееспособности [22]. В связи с этим, вопросы информационной безопасности тоже приобретают все большую актуальность, а компаниям требуются все большее количество специалистов, способных обеспечить необходимый уровень защиты информации.

Обсуждение

Сравнение между текущим состоянием и требуемой конструкцией режимов производства и управления с многофакторной точки зрения показывает следующее, [23, с. 400]:

1. Производственная эксплуатация и техническое обслуживание будут достаточно безопасны и совместны. Когда весь производственный процесс и стационарные объекты будут автоматизированы интеллектуально, большое количество горных техников будет переведено с производственной площадки в облако. Технические специалисты используют облачную платформу для координации управления производственными системами, обеспечивая внутреннюю безопасность вдали от опасных источников. Это помогает повысить эффективность производства;

2. Решения и анализ основаны на данных. Когда разнородные данные из нескольких источников, охватывающие весь процесс, полностью собраны, анализ больших данных используется для описания, прогнозирования, диагностики и управления производством и управлением. Благодаря анализу потребностей пользователей и обзору отрасли мы можем оперативно реагировать на изменения рынка. Это помогает повысить научную рациональность принятия решений;

3. Организация и управление более эффективны и взаимосвязаны. Когда производственные данные шахты и рабочее состояние отображаются на облачной платформе в режиме реального времени, персонал осуществляет деловое общение и распределение задач в облаке. Организационная структура будет упрощена и упрощена. Инструкции по принятию решений больше не будут передаваться слой за слоем, а будут передаваться напрямую от человека к человеку. Это помогает повысить эффективность управления и эксплуатации;

4. Отраслевые кластеры более открыты и кооперативны. Когда будет создана платформа цифрового сотрудничества, ориентированная на горнодобывающие компании, компании в цепочке поставок и отраслевой цепочке будут осуществлять деловые обмены и сотрудничество через облако. Барьеры между различными компаниями будут разрушены, и вместе будет построена общая экосистема цифровой добычи. Это помогает улучшить использование минеральных и энергетических ресурсов, и тем самым, получить дополнительную прибыль.

В тоже время, необходимо отметить, что широкой цифровизации производственных систем препятствует ряд проблем, связанных с недостаточной квалификацией персонала и недостаточным уровнем автоматизации процессов на многих российских предприятиях [24]. Во-первых, можно отметить, что в условиях применения цифровых технологий необходимо быстро реагировать на изменения внешней среды и принимать грамотные оперативные решения. Во-вторых, внедрение цифровых технологий в деятельность предприятий требует наличия кадров, хорошо владеющих информационными технологиями и обладающих необходимыми навыками. Для удовлетворения спроса на рынке труда в квалифицированных кадрах появились различные онлайн-курсы повышения квалификации и онлайн-программы переподготовки, позволяющие получить соответствующие цифровые компетенции без привязки к конкретному месту обучения. Единственным необходимым условием для прохождения таких курсов является наличие сети Интернет. [25]. В-третьих, необходимо совершенствование законодательной базы и ее адаптация к быстро меняющимся условиям цифровой экономики. В-четвертых, в настоящее время наблюдается значительный дисбаланс между компаниями, готовыми активно внедрять цифровые технологии и теми, кто пока не готов ускорить процесс цифровизации своих предприятий [24]. И хотя в настоящее время около 88% предприятий в той или иной форме инвестируют в цифровые технологии [26], многие отрасли экономики в нашей стране пока отстают в плане применения цифровых технологий.

Заключение

На основании проведенных исследований хотелось бы подчеркнуть, что применение цифровых автоматизированных технологий позволяет более рационально использовать ресурсы, повышать производительность труда и тем самым увеличивать эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на их реализацию. Например, применение облачных хранилищ и дистанционной диагностики оборудования должно способствовать возникновению инновационных подходов организации бизнеса и расширению потенциала предприятий, а также образованию прогрессивных технологических решений. Цифровая экономика как экономика нового технологического уклада уже сейчас играет огромную роль в обеспечении экономического развития, повышении конкурентоспособности отраслей и компаний, а также способствует формированию новых рынков и отраслей, новых способов взаимодействия между экономическими субъектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтиков Е.В., Урюков Н.Ю., Петров И.А., Егорова Т.Н. Цифровая трансформация: экономические последствия, проблемы, перспективы. // Современная наука: прогнозы, факты, тенденции развития. Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. Чебоксары, 2022. С.122-125.

2. Grinin L., Korotayev A. (2015) Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer.

3. Ansong E., Boateng R. (2019) Surviving in the digital era — Business models of digital enterprises in a developing economy. // Digital Policy, Regulation and Governance, 21(2), 164–178. <https://doi.org/10.1108/DPRG-08-2018-0046>

4. Harrison S., Tatar D., Sengers P. (2007) The Three Paradigms of HCI. Proceedings of the 7th ACM Conference on Designing Interactive Systems, New York: ACM Press, pp. 1–18. Available at: <http://people.cs.vt.edu/~srh/Downloads/TheThreeParadigmsofHCI.pdf>

5. Erickson T., McDonald D.W. (2008) HCI Remixed. Reflections on Works That Have Influenced the HCI Community. Boston: MIT Press.

6. Rogers Y., Sharp H., Preece J. (2007) Interaction Design: Beyond Human Computer Interaction (2nd ed.), Hoboken, New Jersey: Wiley.

7. Хаяров Д.Г. Социум в цифровом измерении: настоящее и будущее. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2021. Т.5. С. 66-70.

8. Разработка цифровых автоматизированных систем управления для реализации энергосберегающих технологий. Кондратьева Н.П., Большин Р.Г., Краснолуцкая М.Г., Корепанов И.Я. В сборнике: Актуальные проблемы энергетики АПК. Материалы XIII Национальной научно-практической конференции с международным участием. Саратов, 2022. С. 81-8

9. Современные цифровые средства автоматизации для реализации энергосберегающих электротехнологий в аграрной сфере. Кондратьева Н.П., Большин Р.Г., Краснолуцкая М.Г., Ахатов Р.З., Ваштиев В.К. В сборнике:

Актуальные проблемы науки и техники. Материалы II Международной научно-технической конференции, посвященной 70-летию ИМИ - ижгту и 60-летию СПИ (филиал) ФГБОУ ВО «ИжГТУ имени М.Т.Калашникова». Ижевск, 2022. С. 648-652.

10. Острякова Ю.В., Маслова А.В. Совершенствование технической эксплуатации жилой недвижимости. // Молодые ученые - развитию национальной технологической инициативы (поиск). 2020. №1. С.422-424.

11. Балашов А.М. Использование ИТ-технологий в различных сферах деятельности и формирование новой информационно-цифровой реальности. // Теоретическая экономика. 2022. Т.93. №9. С. 35-41.

12. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стешенко В.И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-kompaniy-strategicheskiy-analiz-factoryvliyaniya-i-modeli> (дата обращения: 03.05.2022).

13. Антонова И.А., Сартаков И.В. Пандемия COVID-19 – ускоритель перехода к цифровизации и «умному производству». // Теоретическая экономика. 2021. № 7. С.39-50.

14. Хаяров Д.Г. Социум в цифровом измерении: настоящее и будущее. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2021. Т.5. С. 66-70.

15. Юдина Т.Н., Балашов А.М. Цифровые преобразования в управлении экономикой и роль в них государственно-частного партнерства. // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С.300-320.

16. Yudina, T.N., Aleshkovski, I.A., Balashov, A.M. (2022). The COVID-19 pandemic as a catalyst

for expansion of digital business. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. ([Bristol, UK], England), vol.741, 147-152.

17. Текслер А.Л. Цифровизация энергетики: от автоматизации процессов к цифровой трансформации отрасли. // Энергетическая политика. 2018. №5. С.3-6.

18. Аветисян А.С., Винокуров В.А. Приоритеты цифрового преобразования в энергетике.// Тенденции развития науки и образования. 2023. №96-9. С.118-120.

19. Белин В.А., Вяткин М.Н., Болотова Ю.Н., Чабан В.С., Ачеева Э.А. Итоги 22-й конференции по горному и взрывному делу и учреждение ежегодного праздника специалистов взрывного дела – «День взрывника». // Горная промышленность. 2022. № 6. С.30-34.

20. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020г. N2415 «О проведении эксперимента по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/77312204/paragraph/1:0> (дата обращения: 28.03.2023).

21. Что такое индустрия 4.0 и что нужно о ней знать. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e740c5b9a79470c22dd13e7> (дата обращения: 2.05.2023).

22. Обиденко А.В., Шабурова А.В. Обоснование необходимости обеспечения информационной безопасности. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2021. Т.6. С.235-239.

23. Разоренова, Е. Ю. Технологии цифровой трансформации горнодобывающей отрасли / Е. Ю. Разоренова // Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2019. С. 398-401.

24. Идигова Л.М., Абуезидов М.Р., Плис С.А. Цифровая экономика как фактор совершенствования формы организации трудовых отношений.// Тенденции развития науки и образования. 2023. №96-4. С.64-66.

25. Хадуева Я.А., Хатаева А.М., Чагаева Ф.А. Основы управления социальным обеспечением населения.// ФГУ Scince, No4, 2020 г.

26. Саидов З.А., Ялмаев Р.А. Влияние цифровых преобразований на экономику и жизнь человека. // ФГУ Scince, No2, 2021 г., с.63-68.

Issues of application of digital solutions at enterprises of traditional branches of the economy

Balashov Alexey Mikhailovich

Candidate of Economics, Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: Ltha1@yandex.ru

Annotation. This article discusses the introduction of digital technologies into production processes at enterprises of traditional industries, in particular in the electric power industry. The very emergence of the term «digital economy» is associated with the transition to a new stage of management in all industries. The digital economy as an economy of a new technological order already plays a huge role in ensuring economic development, increasing the competitiveness of industries and companies, and also contributes to the formation of new markets and industries, new ways of interaction between economic entities. The introduction of solutions using digital technologies helps to significantly reduce the costs of companies and reduce the likelihood of critical situations. The essence of digitalization is the automation of processes - the transfer of information to a more accessible digital environment, where it is easier to analyze it, and then get an accurate solution autonomously and at the same time, make the process «flexible». Special attention in the article is paid to the possibilities and prospects of using the achievements of the digital economy in solving issues of occupational safety and industrial safety.

The purpose of this article is to consider the possibilities of using digital technologies in the production processes of enterprises in traditional sectors of the economy, to analyze the impact of digitalization on the competitiveness and success of companies at the present time. For example, the use of cloud storage and remote diagnostics of equipment should contribute to the emergence of innovative approaches to the organization of production processes and the expansion of the potential of enterprises, as well as the formation of advanced technological solutions. In general, the use of digital automated technologies makes it possible to use resources more efficiently, increase labor productivity and thereby increase business efficiency and earn additional profit, despite significant additional costs for their implementation.

Keywords: digital solutions, digitalization, business processes, control methods, mineral and energy resources

Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования

Медведев Илья Витальевич

младший научный сотрудник лаборатории методологии экономических исследований
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь, Российская Федерация
E-mail: ilya13092@yandex.ru

Аннотация. История СНГ как территории бывших советских республик и как объединения новых независимых государств (далее ННГ) предстает как поиск новых смыслов данного пространства и модели интеграции новых субъектов этого пространства в коренном образом изменившихся экономических и геополитических условиях. Хронология интеграционных процессов постсоветского пространства (далее ПСП) показывает, что новые интеграционные проекты заслоняли собой старые, что привело к проблемам сопряжения интеграционных проектов в контексте их дальнейшего развития. Существующие интеграционные проекты предполагают налаживание координации разработанных странами целей национального развития, однако на пути интеграции неизбежно превагируют национальные интересы, что рождает противоречия, которые проявляются как в естественном историческом тяготении, так и в отстаивании национальных интересов, связанных с защитой обретенного суверенитета.

В ходе исследования было выявлено, что развитие и переход к собственной модели интеграции должно учитывать сильную дифференциацию по уровню экономического развития интегрирующихся стран. Наличие предпосылок к реализации неофункциональной концепции «перелива» в виде создания наднациональных органов хоть и является необходимым условием, однако само наличие наднациональных институтов не является достаточным для углубления интеграции через «перелив». В исследовании рассматриваются причины, по которым не происходит углубления интеграции и затрагиваются проблемы сопряжения интеграционных проектов СНГ и ЕАЭС. Сделан вывод, что дальнейшая интеграция ЕАЭС в меньшей степени соотносится с частной классической линейно-стадиальной моделью Б.Балаши. Условия сильной экономической дифференциации ННГ и политических противоречий, которые играют существенную роль в трансграничной кооперации обуславливают поиск моделей интеграции отличных от ЕС, которые бы отвечали критериям сильной дифференциации участников интеграции с углублением интеграции без наднациональных органов регулирования.

Ключевые слова: Интеграционные проекты, ЕАЭС, СНГ, АСЕАН, национальные интересы, суверенитет, эффект перелива.

JEL codes: F13, F15, F53

Для цитирования: Медведев, И.В. Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования / И.В. Медведев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.79-89. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Интеграция в ЕАЭС: развитие или упрощение.

Неоднозначные результаты реинтеграции ННГ в единое экономическое пространство в рамках СНГ в 2000-х гг. [5] потребовали поиска новых оптимальных путей сотрудничества между ННГ на основе прагматизма и концепции тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества. Одним из примером нового подхода к сотрудничеству является создание Таможенного Союза России, Белоруссии и Казахстана, которому положил начало ЕврАзЭС. Последующее формирование единого таможенного пространства и единой системы мер нетарифного регулирования де-факто ознаменовало создание странами-участницами объединения Таможенного союза.

Преобразование ЕврАзЭС в ЕАЭС, который является более глубокой формой интеграции потребовало создания организационно-правовых инструментов реализации достигнутых договоренностей. Для выделения особенностей интеграционных проектов ПСП в таблице 1 показана система интеграции ЕврАзЭС-ЕАЭС и СНГ, представляющая собой совокупность органов и учреждений, которые, работая согласованно, направляют процесс интеграции и регулируют его функционирование. (таблица 1).

Таблица 1 – Система интеграции интеграции ЕАЭС и СНГ

Система интеграции ЕврАзЭС-ЕАЭС			Система интеграции СНГ	
Органы регулирования ЕврАзЭС	Органы регулирования ЕАЭС	Институты Сообщества (Союза)	Органы регулирования СНГ	Институты Содружества
Межгосударственный совет	Высший Евразийский экономический совет	<ul style="list-style-type: none"> • Евразийский банк развития (ЕАБР); • Центр высоких технологий ЕврАзЭС; 	Совет глав государств СНГ	<ul style="list-style-type: none"> • Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества СНГ
Интеграционный комитет	Евразийская экономическая комиссия, коллегия и департаменты	<ul style="list-style-type: none"> • Антикризисный фонд ЕврАзЭС (Евразийский фонд стабилизации и развития ЕАЭС); • Евразийский Деловой Совет (Деловой совет ЕАЭС) 	Совет глав правительств СНГ; Совет министров иностранных дел СНГ; Совет министров обороны СНГ; Совет министров внутренних дел государств участников СНГ и т.д.	<ul style="list-style-type: none"> • Межгосударственный банк; • Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств (предусмотрена уставом)
Межпарламентская Ассамблея	Евразийский межправительственный совет		Межпарламентская ассамблея СНГ	
Суд ЕврАзЭС	Суд ЕАЭС		Экономический суд СНГ	

Источник: Составлено по [14-17]

Одним из главных отличий системы интеграции ЕврАзЭС-ЕАЭС является закрепление существующих договоренностей с отдельным выделением вопросов торгового, технического и таможенного регулирования, которые были вынесены в компетенцию Евразийской Экономической Комиссии (далее ЕЭК)*. Решения ЕЭК обязательны для исполнения всеми участниками ЕАЭС, что является наиболее характерной чертой наднациональных органов управления. В отличие от СНГ, который затрагивает вопросы сотрудничества в сферах экономики, культуры и безопасности характер интеграции ЕАЭС более узконаправлен и опирается исключительно на сотрудничество по конкретным экономическим вопросам, что позволило заложить фундамент для развития наднациональных органов регулирования. По существу, речь идет о развитии регуляторных функций* интеграционного взаимодействия между странами-участницами и форму интеграции ЕАЭС стоит рассматривать не столько как экономический союз в рамках линейно-стадиальной модели Б.Балаши, сколько термин, обозначающий основное направление (сферу) интеграции.

Важно подчеркнуть, что в обоих случаях произошло доразвитие интеграционных объединений, которое опосредовано двусторонними соглашениями о зоне свободной торговли в рамках ЕАЭС и одного многостороннего соглашения о зоне свободной торговли СНГ. Отдельным пунктом необходимо выделить проблемы сопряжения различных интеграционных проектов, которые становятся более заметны с выделением дублирующих органов (пример: суд ЕврАзЭС* и экономический суд СНГ), что обуславливает наличие противоречий между этими интеграционными проектами.

Противоречия между СНГ и ЕАЭС связаны с попыткой выстраивания интеграции

исключительно в экономической сфере без привлечения уже существующих и функционирующих органов регулирования и институтов Содружества, что связано с уходом от наиболее чувствительных вопросов суверенитета, безопасности и политической стабильности интегрирующихся ННГ. Под воздействием указанных факторов вопросы внеэкономической сферы стали иметь второстепенное значение и фактически находятся вне целеполагания ЕАЭС, что можно наблюдать как на примере имеющихся органов регулирования, так и институтов Сообщества (Союза), которые в своей основе имеют сугубо экономический характер сотрудничества.

Особенностью такого подхода являются упрощение интеграционного проекта, который обусловлен наличием определенных границ интеграции, где стороны могут прийти к консенсусу по передаче части суверенитета прежде всего по техническим вопросам регулирования. Для определения этих границ необходимо уточнить роль и определение наднациональных органов управления в контексте интеграционных процессов ПСП.

Концепция «перелива» в Евразийской интеграции: теория и практика

С позиции западных школ экономической и политической интеграции существует множество подходов к объяснению интеграционного процесса, который в значительной степени опирается на опыт становления и развития Евросоюза. Изначально наднациональный характер интеграции ЕС существенным образом сужает применимость множества теоретических концепций к интеграции на ПСП. Первые попытки выстраивания новых связей заключались в упрощенном подходе к интеграции путем заимствования европейского опыта. В основе такого подхода лежало предположение, что реинтеграция ННГ пойдет быстрее, чем европейская интеграция за счет имеющихся производственных связей между ННГ. Однако первые попытки применения опыта ЕС без его адаптации к реалиям, в которых стремительно происходило экономическое и политическое обособление ННГ имели весьма скромный успех. Указанные проблемы хорошо отражены в тезисе Д.И. Ушкаловой, о том, что история взаимодействия между ННГ выступает в качестве наглядного примера отрицательной иллюстрацией почти всех ведущих теорий экономической и политической интеграции [12, с.157].

В настоящее время использование теоретических подходов для поиска собственной модели интеграции ПСП носит более осмысленный характер, что проявляется в рациональном заимствовании имеющихся разработок дифференцированного межправительственного подхода, открытого регионализма и теоретических наработок неофункционализма, в частности, концепции *spillover* или «перелива». Вместе с этим остается актуальной проблема углубления экономического сотрудничества и вопросы функционирования интеграционных объединений ПСП в контексте возможностей развития наднациональных органов управления и возможности углубления интеграции в рамках функционального и неофункционального подхода, который наиболее характерен для ПСП [7, с.73]. В рамках указанного подхода потребность сотрудничества в отдельных экономических, социальных, технических и культурных сферах могут вызвать эффект цепной реакции. В данном случае, пользуясь категориями Ф. Махлупа [1] «перелив» в значительной степени представляет собой секторальную интеграции с постепенным углублением сотрудничества когда изменения в одной сфере приводят к усложнению регулирования и появлению новых отношений в других сферах интеграции (от регулирования торговли к созданию укрупненных промышленных комплексов к общим политическим институтам), что обуславливает появление наднациональных институтов для координации и ускорения процессов экономической и политической интеграции, что составляет суть концепции.

Наиболее подходящим примером для развертывания тезиса предстает ЕАЭС, который обладает некоторыми признаками наднациональности в отличии от других интеграционных проектов ПСП, для которых характерен межправительственный подход (ЗСТ СНГ, ГУАМ, СГРБ и др.). Важно подчеркнуть, что определение наднационального статуса ЕАЭС носит характер дискурса. Так одни авторы полагают, что ЕАЭС является в большей степени примером межгосударственного

сотрудничества по причине невозможности практической реализации передачи суверенных компетенций наднациональным органам [13]. Другие исследователи прибегают к опыту ЕС и указывают, что передача части суверенитета имеет место и при создании межгосударственных организаций [9, с. 141]. Также некоторые авторы выделяют наднациональные организации особого типа у которой имеется компетенция по вопросам, которые раньше были присущи исключительно государствам, право принимать обязательные для государств, физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией данных государств решения, механизм контроля и т.д. [10, С. 366]. Наряду с этим необходимо выделить, что учреждение отдельных наднациональных органов, предполагающих передачу суверенитета и формирование публичной власти, которая распространится на территории государств – членом Союза прямо противоречит их конституциям.

Обобщив вышесказанное можно сделать вывод, что ЕАЭС является международной межгосударственной организацией, где наднациональные органы регулирования осуществляют свои функции в строго определенных сферах таможенно-тарифного регулирования и торговли. Представляется, что одним из главных конкурентных преимуществ Таможенного Союза в сравнении с другими интеграционными проектами ПСП должна была стать меньшая экономическая дифференциация участников интеграции с четко определенными рамками интеграции в сравнении с попытками реинтегрировать одновременно все ННГ в единое экономическое пространство в рамках СНГ по самому широкому кругу вопросов. В определенной степени это утверждение верно для большой тройки стран ЕАЭС в лице России, Белоруссии и Казахстана (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень ВВП на душу населения по странам ЕАЭС (в долл. США)*

Страны ЕАЭС	2015 г.	2019 г.	2021 г.
Россия	9313,01	11536,25	12194,87
Казахстан	10 510,77	9 812,60	10 373,79
Белоруссия	5967,05	6837,72	7302,26
Армения	3 666,14	4 828,51	4 966,51
Киргизия	1 121,08	1 374,14	1 276,70

Источник: составлено по [26]

На примере ВВП на душу населения можно наблюдать что на начальном этапе функционирования ЕАЭС Россия и Казахстан имели сопоставимые показатели, Белоруссия отставала от России в 1,5 раза и от Казахстана почти в 2 раза. Присоединение Армении и Киргизии значительным образом увеличила дифференциацию (Армения отставала от России в 2,5 раза, Киргизия в 8 раз). В то же время немаловажным фактором дифференциации также выступают особенности экономических моделей стран-участниц ЕАЭС, в части доли государственного сектора, которая в каждом случае существенно отличается. Для примера в сопоставимых экономиках ЕАЭС этот показатель составляет около 50% в России [20] и 15% в Казахстане [19]. Как результат интеграционные процессы ПСП также сталкиваются с препятствиями, когда страна с высокой долей государственного сектора может ограничивать интеграцию в связи с тем, что конкурентные механизмы рынка заменены административным ресурсом и лоббизмом. Хорошей иллюстрацией данного тезиса может выступать попытки интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ), где произошла стагнация практически во всех сферах интеграции, а сама интеграция носит в основном политический характер по отдельным вопросам [11, с. 130].

За рассматриваемый временной период можно наблюдать, что в ЕАЭС не произошло значительного сокращения разрыва между странами. После пандемии COVID-19 в некоторых случаях этот разрыв только вырос, что можно увидеть на примере Киргизии. Иным образом обстоит ситуация с торговлей, которая демонстрирует значительные темпы роста. Так объем взаимной торговли в 2021 году достиг максимума за период функционирования Евразийского экономического союза и составил 72,6 млрд долларов США, что на 31,9% больше, чем в 2020 году, и на 17,8% выше 2019

года [21]. При этом доля взаимной торговли в общем ВВП ЕАЭС остается незначительной в связи со слабой вовлеченностью России в взаимную торговлю ЕАЭС [3, с. 114]. Среди других стран ЕАЭС рост взаимной торговли носит устойчивый характер несмотря на последствия пандемии (в 2015 году взаимная торговля составляла 2,79% от общего ВВП ЕАЭС, а в 2021 этот показатель составил 3,48%). Другим фактором, на который стоит обратить внимание является структура взаимной торговли, которая осталась неизменной за исследуемый период функционирования ЕАЭС (таблица 3).

Таблица 3 – Структура взаимной торговли ЕАЭС по основным разделам ТН ВЭД ЕАЭС (в %)

ТН ВЭД ЕАЭС	Сокращенное наименование	2015 г.	2019 г.	2022 г.*
Раздел I	Живые животные; продукты животного происхождения	6,56	5,92	6,27
Раздел II	Продукты растительного происхождения	2,44	2,72	4,24
Раздел III	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	0,69	0,83	1,27
Раздел IV	Готовые пищевые продукты	5,78	6,17	6,07
Раздел V	Минеральные продукты	33,26	25,63	10,84
Раздел VI	Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	6,60	6,88	2,92
Раздел VII	Пластмассы и изделия из них; каучук, резина и изделия из них	5,09	5,18	-
Раздел VIII	Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них; шорно-седельные изделия и упряжь; дорожные принадлежности, дамские сумки и аналогичные им товары; изделия из кишок животных (кроме волокна из фиброина шелкопряда)	0,18	0,19	0,24
Раздел IX	Древесина и изделия из нее	1,16	1,27	1,51
Раздел X	Масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов	1,32	1,45	1,53
Раздел XI	Текстильные материалы и текстильные изделия	2,61	2,99	3,20
Раздел XII	Обувь, головные уборы	0,83	0,79	0,40
Раздел XIII	Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	1,73	1,64	0,96
Раздел XV	Недрагоценные металлы и изделия из них	10,72	12,80	15,50
Раздел XVI	Машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование	9,72	10,98	4,35
Раздел XVII	Средства наземного транспорта, летательные аппараты, плавучие средства и относящиеся к транспорту устройства и оборудование	6,05	7,77	0,85
Раздел XVIII	Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; часы всех	0,88	1,17	0,79

ТН ВЭД ЕАЭС	Сокращенное наименование	2015 г.	2019 г.	2022 г.*
	видов; музыкальные инструменты; их части и принадлежности			
Раздел XX	Разные промышленные товары	1,84	1,96	1,93
Раздел XXI	Произведения искусства, предметы коллекционирования и антиквариат	0,00	0,00	0,00

Источник: составлено по [25]

Преобладание агропромышленного (Белоруссия и Армения) и сырьевого сектора (Россия и Казахстан) во взаимной торговле подтверждает тезис о том, что «сравнительно небольшие объемы взаимной торговли ЕАЭС обусловлены примитивизацией производства, произошедшей в странах после распада СССР, и рыночной трансформацией, вызвавшими сжатием материальной базы взаимной торговли» [4, с.22]. В результате развитие и углубление сотрудничества в наукоемких сферах в рамках ЕАЭС сталкивается с разнонаправленностью интересов, где приоритеты российских сырьевых и несырьевых наукоемких компаний находятся вне зоны евразийской интеграции и региона СНГ хотя для остальных стран ЕАЭС (Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) Россия остается приоритетным партнером в сфере инвестиций, науки, технологий и промышленного производства [22].

Подытожив вышесказанное можно сделать вывод, что ход интеграции в ЕАЭС частично соотносится с теоретической концепцией «перелива», где существует объективная востребованность органов технического регулирования. В пользу этого тезиса можно привести данные, указанные в отчете Евразийского банка развития об осведомленности бизнеса в отношении деятельности наднациональных органов ЕАЭС, который колеблется в районе 60-70% (Высший Евразийский экономический совет, ЕЭК и ЕАБР), Деловой совет 42%, Суд ЕАЭС 33% [22]. Если подходить к вопросу через «перелив», то появление таких наднациональных органов как суд ЕАЭС могло стать отправной точкой для охвата других сфер общественной жизни, в частности, политической, однако практика показала, что основные интеграционные изменения локализовались в сферах таможенно-тарифного регулирования и торговли. Наглядным примером является суд ЕАЭС, который носит формальный характер наднационального института, что отражено в его функциях и механизмах исполнения решений. Указанная особенность проявляется в зависимости суда ЕАЭС от Высшего Евразийского экономического совета, что можно увидеть при сравнении с судом ЕС, который может обязать государство принять определенные меры для исполнения решения, а также наложить на государство-участника штраф. В то же время Суд ЕАЭС может принимать меры принуждения только содействия Высшего совета [6, с.11].

Различия в экономических моделях, однотипность экономик ЕАЭС и вопросы сохранения достигнутого суверенитета являются основными препятствиями, которые не позволяют реализовать «перелив» в его классическом варианте с последовательным охватом всех сфер интеграции.

Возможные пути развития интеграции ЕАЭС.

Попытки заимствования европейского опыта создания наднациональных структур показывают, что само наличие наднациональных органов слабо соотносится с углублением интеграции. Сильная дифференциация участников интеграции, разные экономические модели ННГ, проблемы сопряжения интеграционных проектов и другие внеэкономические факторы требуют поиска собственной модели интеграции отличной от попыток создания несовершенной копии Евросоюза. Проблема устойчивости наднациональных институтов [8] применительно к постсоветской интеграции требует изучения наиболее перспективных интеграционных проектов, которые схожи по ряду критериев. В аналитическом отчете ЕЭК посвященным индикаторам интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН,

МЕРКОСУР и ЮАТС за 2020 год АСЕАН занимает второе место после Евросоюза в части сводного индекса глубины интеграции [24]. Несмотря на то, что в сравнении с ЕАЭС в АСЕАН наименее существенна степень институционализации (19,29% в АСЕАН и 30,6% в ЕАЭС) при этом наблюдается более интенсивное взаимодействие между субъектами реального сектора экономики в ключевых секторах и основных рынках (20,22% и 31,00% в АСЕАН и 17,07% и 15,87% в ЕАЭС). Это актуализирует необходимость отдельного исследования модели интеграции АСЕАН с выделением специфики и тех механизмов, которые могут быть адаптированы к постсоветской интеграции.

Следует подчеркнуть, что в отличие от ЕАЭС, который создавался с оглядкой на классическую линейно-стадиальную модель Б.Балаша АСЕАН не соответствует принятым западным моделям европейской интеграции хотя и имеет интеграционное ядро в лице Индонезии [2, с.47].

В качестве ключевых особенностей, заслуживающих внимания являются используемые подходы к углублению интеграции при сильно выраженной дифференциации участников интеграционного объединения. В частности, необходимо выделить отсутствие наднациональных органов регулирования интеграции. В АСЕАН решения принимаются консенсусом на основе встреч глав государств и правительств, координирующим органом являются ежегодные совещания министров иностранных дел (СМИД). Текущее руководство осуществляется Постоянным комитетом под председательством министра иностранных дел страны-учредительницы очередного СМИД. Особенностью углубления интеграции в АСЕАН является использование механизма «АСЕАН минус икс», где «икс» подразумевает, что один или несколько участников АСЕАН могут воздержаться от участия в том или ином виде экономической активности при этом другие участники могут достичь соглашения, не дожидаясь одобрения АСЕАН в полном составе. В дальнейшем воздержавшиеся участники могут позже присоединиться к соглашению. Также для АСЕАН характерен менее формализованный подход к ведению переговоров, который описывается как ASEAN way и заключается в процессе регионального сотрудничества на основе консенсуса и непринужденного формата ведения переговоров [23]. Большое значение уделяется сотрудничеству в рамках всестороннего регионального экономического партнерства (ЗСТ+) и межблокового сотрудничества, что особенно актуально для ЕАЭС в части обмена опытом развития и адаптации интеграционных механизмов.

Заключение

Вышеперечисленные факторы требуют исследования регуляторной функции различных интеграционных проектов, объяснения специфики того или иного интеграционного проекта в контексте интересов, иницирующих его государств. В полной мере это касается интеграционных проектов, реализуемых на постсоветском пространстве и их взаимодействия как между собой, так и с третьими межгосударственными региональными структурами. Поиск собственной модели кооперации без наднациональных органов управления существенным образом обусловлен локализацией основных интеграционных изменений в сферах таможенного тарифного регулирования торговли на базе ЕЭК, функционирование других наднациональных институтов в большей степени носит формальный характер.

Таким образом основным выводом является то, что на современном этапе дальнейшее развитие евразийской интеграции состоит в экономическом сотрудничестве без наднациональных органов управления. Вместе с этим большую роль в развитии евразийской интеграции продолжит играть СНГ, через который проходят наиболее перспективные международные транспортные и энергетические коридоры, что обеспечивает взаимодополняемость интеграционных проектов постсоветского пространства. Нужно подчеркнуть, что несмотря на имеющиеся противоречия СНГ необходимо рассматривать как исходный стартовый институт связывания и структурирования Евразийского экономического пространства, имеющий длительные традиции функционирования единого народнохозяйственного комплекса [5, с. 225]. По этой причине нахождение собственной модели интеграции ПСП в значительной степени зависит от взаимодействия между различными интеграционными проектами (СНГ, ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и др.). Переход от конкуренции к

сотрудничеству без попыток форсирования интеграции делают допустимыми применение разноскоростных и разноуровневых моделей интеграционного взаимодействия между ННГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Machlup F. 1977. A History of Thought on Economic Integration. Palgrave Macmillan UK. 323 p.
2. Багдасарян К.М. Сравнительный анализ моделей интеграционных процессов ЕАЭС, АСЕАН и ВРЭП, и перспективы их сотрудничества // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 4 (72). С. 43-54.
3. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019 (а). №4. С.110-126.
4. Вардомский Л.Б. Институты или проекты: евразийская интеграция нуждается в переменах // Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения. 2019 (б). №3. С.21-22.
5. Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: ИПР РАН, 2022 - 240 с.
6. Иксанов И.С., Косырев И.Ю. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности суда евразийского экономического союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №5. С. 6-12.
7. Ланцов С.А. Теоретические концепции международной интеграции и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. – 2013. – №2. – С. 65-74.
8. Медведев И.В. Институциональные основания интеграция национальных экономик: проблема устойчивости наднациональных институтов // Общество и экономика. 2022. №6. – С.73-85.
9. Мишальченко Ю.В. Современные международно-правовые и экономические проблемы интеграции государств-членов Европейского Союза // Российский ежегодник международного права 1998 - 1999. С.-Пб.: Россия - Нева, 1999. С. 140-157.
10. Мысливский П.П. Признаки определение понятия «наднациональная международная организация» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №6-1. С. 352-355.
11. Пирогов А.И., Растимешина Т.В. Союзное государство России и Беларуси: кризис или крушение надежд? // Экономические и социально-гуманитарные исследования №1 (29) 2021. С. 126-131.
12. Ушкалова Д.И. К вопросу о применимости существующих теорий экономической интеграции к взаимодействию России со странами «Пояса Соседства» // Вестник ИЭ РАН. 2013. №5. С. 150-160.
13. Шишков Ю.В. Кризис Евразии: выводы для архитекторов ЕвразЭС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 13–22.
14. «Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества» (ред. от 06.10.2007, с изм. от 10.10.2014) [СПС Консультант] (дата обращения 22.04.2023);
15. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [СПС Консультант] (дата обращения 22.04.2023);
16. ЕАБР: Институты ЕАЭС [электронный ресурс] Режим доступа: https://eabr.org/upload/data/EDB_Centre_2017_Monograph_Chapter_3_1.pdf;
17. Устав Содружества Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [электронный ресурс] Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/187#text> (дата обращения 07.05.2022)
18. Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества от 3 марта 2004 г. (с изменениями, внесенными Протоколом от 17 января 2011 г.) [электронный ресурс] режим доступа: http://sudsng.org/download_files/statdocs/agreement_cis_evr.pdf (дата обращения 01.05.2022)
19. Доклад министерства национальной экономики РК за 2021 год [электронный ресурс] Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru> (дата обращения 22.04.2023).
20. Госсектор экономики: инерция или эффективность? [электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.csr.ru/ru/research/gossektor-ekonomiki-inertiya-ili-effektivnost/> (дата обращения 10.05.2023).

21. Взаимная торговля в ЕАЭС достигла рекордных 72,6 млрд долларов США в 2021 году [электронный ресурс] Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/> (дата обращения 22.04.2023)

22. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР 2022 // Евразийский банк развития [электронный ресурс] Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/special-reports/integratsionnyy-biznes-barometr-eabr-2022/> (дата обращения 22.04.2023).

23. ASEAN Aims [электронный ресурс] Режим доступа: <https://asean.org/what-we-do/> (дата обращения 05.05.2023).

24. Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС // ЕЭК [электронный ресурс] Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka--rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf> (дата обращения 22.04.2023)

25. Статистика внешней и взаимной торговли ЕАЭС [электронный ресурс] Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/tradestat/ (дата обращения 22.04.2023)

26. Статистика ВВП на душу населения по странам // Всемирный банк [электронный ресурс] Режим доступа: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> (дата обращения 22.04.2023)

Eurasian integration: issues of supranational regulation

Medvedev Ilya Vitalievich

Junior Researcher

Tver State University, Tver, Russian Federation

E-mail: ilya13092@yandex.ru

Annotation. The history of the CIS as a territory of the former Soviet republics and as an association of new independent states appears as a search for new meanings of this space and a model for integrating new subjects of this space in a radically changed economic and geopolitical conditions. The chronology of the integration processes in the post-Soviet space shows that new integration projects overshadowed the old ones, which led to problems of matching integration projects in the context of their further development. Existing integration projects involve the establishment of coordination of national development goals developed by countries; however, national interests inevitably prevail on the path of integration, which gives rise to contradictions that manifest themselves both in natural historical gravity and in defending national interests related to the protection of the acquired sovereignty. In the course of the study, it was revealed that the development and transition to its own model of integration should take into account the strong differentiation in terms of the level of economic development of the integrating countries. The presence of prerequisites for the implementation of the neo-functional concept of “spillover” in the form of the creation of supranational bodies, although it is a necessary condition, the very existence of supranational institutions is not sufficient to deepen integration through the “spillover”. The study examines the reasons why there is no deepening of integration and touches upon the problems of conjugation of the integration projects of the CIS and the EAEU. It is concluded that the further integration of the EAEU to a lesser extent correlates with B. Balashi’s particular classical linear-stage model. The conditions of strong economic differentiation of new independent states and political contradictions that play a significant role in cross-border cooperation determine the search for integration models other than the EU, which would meet the criteria for strong differentiation of integration participants with deepening integration without supranational regulatory bodies.

Keywords: Integration projects, EAEU, CIS, ASEAN, national interests, sovereignty, spillover effect.

Эволюция специальных экономических зон в мировой экономике

Карачев Игорь Андреевич

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: karachev2011@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний день в мире насчитывается почти 5 700 специальных экономических зон, из которых более 1 000 зон были созданы за последние десять лет. Стремительный рост числа специальных экономических зон стал частью новой волны промышленной политики и ответом на растущую конкуренцию за доступные международные инвестиции. При этом экономические и политические цели зон варьируются по странам. В одних странах роль зон заключается в предоставлении тарифных льгот и в снижении административного бремени таможенных процедур, чтобы поддержать сложные трансграничные цепочки поставок. В других странах основной целью зональной политики является диверсификация и модернизация отраслей промышленности за счет привлечения прямых иностранных инвестиций. Специализация тех или иных зон зависит от исторического контекста их формирования. В статье автором выделены основные этапы эволюции специальных экономических зон, представлена их характеристика, а также выявлены структурные и типологические особенности зон на каждом из этапов. Первый этап связан с развитием торговых зон, преимущества которых состояли в снижении таможенных барьеров для экспортно-импортной деятельности. Вторым этапом связан с развитием промышленных зон, которые стимулировали создание новых производств в своих границах. В рамках третьего этапа свое развитие получили технико-внедренческие зоны, преференциальный режим которых был сфокусирован на создании высоких технологий и их коммерциализации. Для четвертого этапа характерно развитие трансграничных зон, природа которых находилась на стыке двух концепций: собственно зональной и концепции региональной экономической интеграции.

Ключевые слова: Испециальная экономическая зона; типологическая эволюция; торговая зона; промышленно-производственная зона; сервисная зона; технико-внедренческая зона; комплексная зона; трансграничная зона

JEL codes: B15; F02; F21

Для цитирования: Карачев, И.А. Эволюция специальных экономических зон в мировой экономике / И.А. Карачев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.90-102. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Эволюционное развитие различных поколений специальных экономических зон (далее – СЭЗ) может рассматриваться в контексте внешних и внутренних факторов [1]. Внешние факторы, включая ключевые события мировой экономики и политики, а также достижения научно-технического прогресса, характеризуют среду, в которой появляются и функционируют СЭЗ, и выступают основой для классификации эволюционных этапов зонального развития. Внутренние факторы, в числе которых цели создания, специализация, местонахождение, особенности преференциального режима, модели управления зон, а также их развитие и сочетание в различные периоды времени, определяют структурную и типологическую эволюцию СЭЗ [2]. Развитие и сочетание внешних факторов приводит к изменению внутренних факторов, оказывая влияние на зональную специализацию; в свою очередь изменение специализации способствует типологической трансформации и появлению новых типов СЭЗ.

Методы и данные

В качестве методологической базы в статье были применены как общенаучные методы: исторический метод, системный анализ, обобщение, классификация; так и специальные методы: кейс-метод – для установления особенностей программ создания СЭЗ в различных странах; а также сравнительный анализ – для выявления отличительных особенностей каждого этапа эволюционного

развития СЭЗ.

Результаты

На протяжении периода времени, в течение которого организованные общества участвовали во внешней торговле, существовала потребность в охраняемых территориях в портах и в стратегически важных местах вдоль торговых маршрутов, где могли быть осуществлены хранение и обмен товаров. Эти районы становились первыми свободными зонами, на территории которых обращение товаров происходило без местных запретов, а также без взимания налогов и пошлин. Как показало исследование, следует выделять четыре основных этапа в эволюционном развитии СЭЗ [3, с. 71–72]. Каждый этап при этом связан с преобладающей ролью определенного типа СЭЗ.

Этап I (до 1950-х гг.) – торговые СЭЗ.

Старейшей и наиболее известной формой СЭЗ является торговая зона, или зона свободной торговли. В целях получения прямых и косвенных экономических выгод торговые зоны располагались в географически очерченном районе, обычно вблизи морского порта, аэропорта или другого транспортного узла, но были отделены от прилегающей части национальной территории ограждениями или иными барьерами. На территориях торговых зон действовал режим свободной торговли с остальным миром, и были разрешены следующие виды экономической деятельности: торговля, хранение, переработка и производство (в отдельных случаях) [4]. Примерами торговых зон являлись свободные порты Гонконг и Сингапур; свободные города Гамбург, Бремен и Дуйсбург; зоны свободной торговли Колон (Панама), Барселона, Генуя, Икике (Чили); свободные таможенные зоны Бари и Рим, Буэнос-Айрес; зоны свободного транзита или зоны перевалочной торговли Сантос (Бразилия) и Калькутта (Индия).

Этап I: первый период (конец XVI – начало XVIII вв.) – свободные города и порты Европы.

В начале XVI в. международной торговле в значительной степени способствовало развитие капиталистической ремесленной промышленности и судоходства. Свободные города и порты возникли сначала на средиземноморском побережье, а затем распространились к Северному и Балтийскому морям [2]. Они использовались в качестве инструмента поощрения «свободной торговли» как внутри средиземноморского региона, так и с другими регионами мира (например, с Азией). Типичными свободными городами и свободными портами в XVII в. были Неаполь, Венеция и Триест в Италии, Порту в Португалии, Дюнкерк во Франции, Копенгаген в Дании, Гамбург, Бремен, Гданьск и Кенигсберг в Германии того времени. До начала XVIII в. существовали два основных типа СЭЗ, а именно свободные города и организованные на их основе свободные порты; они были распространены только в Европе вдоль Средиземного, Северного и Балтийского морей.

Этап I: второй период (середина XVIII в. – до 1950-х гг.) – производственная трансформация торговых зон.

Первая промышленная революция (1760 – 1840 гг.) способствовала установлению капиталистического способа производства и развитию капиталистического товарного хозяйства. Свободные города, порты и зоны свободной торговли того времени являлись постоянными спутниками этого процесса постепенной ликвидации феодального сепаратизма через расширение торговых связей [1]. Европейская колониальная экспансия в значительной степени, по крайней мере до середины XVIII в., основывалась на предоставлении хартий и привилегий. Большинство ранних колониальных империй Великобритании, Голландии, Испании и Франции были созданы и функционировали в рамках этой системы. В пределах части территории колонии определенная компания имела монополию на торговлю. В целях сосредоточения торговли и ресурсов в богатых отдаленных районах колониальных территорий в стратегических пунктах на побережье и в устьях судоходных рек создавались торговые посты. В период XVIII – XIX вв. свободные порты были созданы в Европе, на Карибских островах, а затем в Азии и Африке, например, Гибралтар (в 1705 г.) в

Европе, Сингапур (в 1819 г.), Гонконг (в 1841 г.) и Аден (в 1853 г.) в Азии и Джибути (в 1859 г.) в Африке. К 1900 г. зоны Карибского бассейна исчезли вследствие развития прямой торговли между Европой и Латинской Америкой. Превалировать стали азиатские зоны.

Вторая промышленная революция (конец XIX в. – 1920-е гг.) способствовала преобразованию СЭЗ из свободных городов в свободные порты и зоны свободной торговли [2]. Гамбург – свободный город и свободный порт Ганзейской лиги с XIV в. – сыграл доминирующую роль в этой трансформации. В XIX в. свободный статус Гамбурга был поставлен под сомнение созданием «Германского таможенного союза» под руководством Пруссии. В 1888 г. город стал частью таможенного союза. Однако интересы свободной торговли и перевалки грузов в Гамбурге были настолько сильны, что большая часть порта была огорожена от города и объявлена свободным портом вне «Германского таможенного союза». В соответствии с соглашением, достигнутым между Гамбургом и новой Германией, в рамках свободного порта существовала практически неограниченная свобода импорта, экспорта, транзита, складирования, сортировки, а также сборки и производства (для целей реэкспорта и транзита). Таким образом, Гамбург был преобразован из свободного города в полностью свободный порт. При этом режим «свободного порта» в Гамбурге предполагал распространение привилегий как на торговую, так и на производственную деятельность.

Производство полностью вошло в сферу деятельности зон свободной торговли только в XX в. Испанские зоны свободной торговли были одними из первых, создавших условия для развития промышленного производства. В начале 1920-х гг. в зоне, действующей в порту Кадис, находился один из первых заводов Ford Motors в Европе. Принятый в 1934 г. в США Закон о внешнеторговых зонах был ответом на протекционистскую политику, введенную в 1930 г., что само по себе было реакцией на Великую депрессию. Этот закон был направлен на стимулирование международной торговли путем создания среды, обеспечивающей более благоприятные условия и более низкие операционные издержки. Однако производственные операции в рамках внешнеторговых зон США были запрещены до 1950 г. Эти ранние производственные программы в зонах свободной торговли имели ограниченный охват и требовали специального разрешения от правительства [4]. Основное внимание в зонах свободной торговли по-прежнему уделялось торговле.

Важным шагом в направлении разрешения осуществления производственной деятельности в рамках таких зон стало внедрение ориентированных на экспорт программ индустриализации в развивающихся странах и их постепенное увязывание с другим важным явлением – промышленным комплексом или индустриальной зоной [5]. Операция Бутстрап 1948 г. в Содружестве Пуэрто-Рико стала ключевым моментом в развитии СЭЗ. Целью программы было привлечение американских фирм к созданию производственных мощностей для обслуживания рынка материковой части США. Эта ориентированная на экспорт стратегия была направлена на обеспечение занятости и постепенный отказ от монокультурной плантационной структуры экономики Пуэрто-Рико. Центральная предпосылка программы заключалась в том, что фирмам материковой части в секторах, сталкивающихся с ростом стоимости рабочей силы, потребуется альтернативное место размещения в целях оптимизации затрат. Программа состояла из трех основных компонентов [2]. Во-первых, ее система стимулов основывалась, главным образом, на налоговых льготах; для американских компаний остров фактически являлся свободной зоной, поскольку он был частью таможенной территории США и поэтому оборот товаров с материком не облагался импортными или экспортными пошлинами. Во-вторых, Департамент развития страны сосредоточился на поощрении капиталовложений в США, ежегодно инвестируя в этот процесс 10 миллионов долларов США и открывая представительства. В-третьих, Промышленная девелоперская компания Пуэрто-Рико финансировала строительство модульных промышленных зданий для предоставления в аренду инвесторам.

К основным характеристикам первого этапа становления СЭЗ можно отнести следующие.

– Свободные города, свободные порты и зоны свободной торговли первоначально возникли на территориях вблизи Средиземного, Северного и Балтийского морей, а затем распространились в

Азии, Африке и Америке до Второй мировой войны. К 1900 г. во всем мире существовало 11 свободных портов и зон свободной торговли (из них 7 – в Европе и 4 – в Азии), а к 1940-м гг. в 26 странах их количество возросло до 75.

– Традиционные торговые СЭЗ, постепенно трансформируясь из свободных городов в свободные порты и зоны свободной торговли, создавались либо на территории всего порта, либо его части вблизи международного маршрута. При организации таких зон преследовались исключительно коммерческие цели.

– Помимо свободной финансовой политики (свободный обмен и использование иностранной валюты), свободного движения капитала и средств, свободных инвестиций (снижение барьеров в отношении инвестиций в промышленный сектор) и относительно свободной кадровой политики, в торговых СЭЗ создавался режим наибольших свобод в отношении импорта и экспорта.

– Ведущими видами экономической деятельности в торговых СЭЗ являлись торговля и связанные услуги, такие как услуги по доставке и ремонту. Товары могли храниться, переупаковываться, экспонироваться, собираться, сортироваться и подвергаться первичной обработке на территории таких зон.

Этап II (начало 1950-х гг. – до 1980-х гг.) – промышленно-производственные и сервисные СЭЗ.

Значительные изменения в мировой экономике и мировой политике, а также в развитии мировой науки и техники произошли после Второй мировой войны и оказали решающее влияние на эволюцию СЭЗ. Для данного этапа характерно создание многочисленных новых типов СЭЗ, а также трансформация зон свободной торговли.

Этап II: первый период (1950 – 1959 гг.) – трансформация свободных портов и зон свободной торговли в зоны экспортной переработки.

В послевоенные годы многие страны начали восстанавливать свободные порты и зоны свободной торговли. Например, Генуя, Гамбург, Роттердам, Сингапур и Гонконг были перестроены и вновь стали международными перевалочными и торговыми центрами. Характерной особенностью данного периода было также создание в наименее развитых странах Латинской Америки новых свободных зон: Панама – зона свободной торговли в городе Колон (1950 г.; на территории зоны были разрешены торговля и некоторые виды обрабатывающих производств); Чили – свободная зона «Алика»; Бразилия – зона свободной торговли «Манас» (1957 г.). свободные зоны и свободные порты восстанавливались также на Карибских и Бермудских островах.

Несмотря на то, что Гонконг как свободный город и комплексная СЭЗ являлся центром торговли с давних времен, его роль только как перевалочного пункта подверглась серьезным изменениям в период 1950 – 1969 гг. Начиная с середины 1950-х гг. после Корейской войны и подрыва торговых отношений с Китаем, Гонконг восстановил и расширил свои основные функции как свободной зоны [6]. Помимо торговли и услуг, Гонконг также начал развивать обрабатывающие виды деятельности. К 1955 г. текстильная и швейная промышленность стали ведущими отраслями административного района, хотя по-прежнему важное значение придавалось судостроению и ремонту судов. В течение 1950-х гг. число работников, занятых в прядении, ткачестве и отделке, как и в целом в швейной промышленности Гонконга, удвоилось. В 1955 г. продукция текстильной и швейной промышленности, произведенная внутри специального административного района, составляла в стоимостном выражении примерно 60 процентов экспорта гонконгских товаров. С 1970-х гг. ведущими секторами экономики Гонконга стали торговля, обрабатывающая промышленность, финансы, туризм и недвижимость.

Адаптация концепции СЭЗ к переориентации импортоориентированных отраслей экономики в экспортоориентированные представляет собой относительно более легкий путь по сравнению с альтернативными механизмами для обеспечения беспрепятственного импорта. Первая зона экспортной переработки [7] была создана в аэропорту Шэннон в Ирландии в 1959 г. в то время, когда в политике индустриализации Ирландии произошел переход от политики замещения импорта к политике стимулирования экспорта. Подход к созданию свободной зоны Шэннон был оригинальным,

поскольку он объединил атрибуты зоны свободной торговли и промышленного парка в единый, интегрированный инструмент развития инвестиций, промышленности и торговли. Шэннон стала представлять собой типичную зону экспортной переработки, выступив образцом для многих аналогичных зон, появившихся во всем мире в последующие десятилетия. Пакет мер поддержки в рамках свободной зоны Шеннон включал в себя следующие элементы: дифференцированный таможенный режим; режим стимулирования инвестиций; специальные вспомогательные функции для облегчения выполнения административных задач в области инвестиций и кадровой политики; готовая промышленная инфраструктура; расположение вблизи крупного транспортного узла. В результате был создан промышленный анклав, который обменивался капиталом, сырьевыми товарами и рабочей силой с окружающей экономикой [8].

Этап II: второй период (1960-е – 1970-е гг.) – становление промышленно-производственных и сервисных СЭЗ.

Промышленно-производственные СЭЗ представляли собой дальнейшую модификацию концепции торговых зон. Такие зоны стали выполнять как производственные, так и торговые функции. Данный тип СЭЗ был распространен в наименее развитых странах, их характерными чертами выступали: выгодное местоположение (порты), хорошо развитая промышленная база и низкая стоимость рабочей силы. Внедрение различных вариантов модели зоны Шеннон на протяжении 1960-х – 1970-х гг. позволяет проследить функциональную эволюцию в зональном развитии от традиционных зон свободной торговли к зонам с преобладающей ориентацией на экспортное производство. К типичным примерам такого рода зон можно отнести зоны экспортной переработки и свободные промышленные зоны в Восточной и Юго-Восточной Азии, производственно-ориентированные внешнеторговые зоны в Соединенных Штатах, Макиладорас в Мексике, а также зоны свободного предпринимательства в Соединенном Королевстве.

Мексиканская программа создания макиладор с ее масштабной ориентацией на региональное развитие была одним из ключевых моментов в эволюции СЭЗ. Ее главной целью было компенсировать завершение в 1964 г. американской программы Брасеро, без которой Мексика столкнулась с проблемой острой нехватки рабочих мест. В крупных приграничных городах безработица достигала 50 процентов. Новая программа предоставила американским компаниям доступ к большому пулу дешевых трудовых ресурсов. Данная схема требовала принятия специального законодательства, позволяющего американским фирмам осуществлять инвестиции и работать вдоль границы. Обе страны внесли изменения в законодательство в целях содействия осуществлению новой программы [2]:

- в Мексике первоначальные меры допускали беспошлинный ввоз сырья, компонентов и оборудования при условии, что готовая продукция экспортировалась, а ввезенные мощности оставались в Мексике в качестве залога. Эти операции были разрешены только в пределах полосы шириной 20 км в частных промышленных парках в рамках Национальной пограничной программы, доля иностранного капитала в которых не могла превышать 49 процентов;

- в Соединенных Штатах разделы 806.30 и 807 Таможенного закона (1956 г. и 1963 г., соответственно) предусматривали, что импортные товары, содержащие производимые в США компоненты, будут облагаться пошлинами только на стоимость производимых компонентов и добавленную стоимость за рубежом.

Первоначально программа макиладор оказала ограниченное влияние на безработицу, хотя на более чем 200 предприятиях было занято 30 000 работников [1]. Тем не менее, мексиканское правительство приняло ряд законодательных актов в начале 1970-х гг., и количество заводов выросло до 455 в 1974 г., а число занятых – до 76 000. Сегодня эти цифры увеличились более чем в десять раз. Эта программа привела к подписанию Североамериканского закона о свободной торговле 1994 г. (НАФТА).

С середины 1960-х гг. императив роста во все расширяющемся и развивающемся мире привел

к принятию масштабных обязательств в отношении индустриализации, главным образом, за счет импортозамещающих стратегий и промышленных стратегий «большого толчка». Однако в этом общем контексте возникли значительные вариации моделей развития. Для достижения различных целей политики были созданы зоны экспортной переработки, хотя в целом использовались одни и те же структурные характеристики. Тайвань-Китай и Индия запустили свои первые зоны экспортной переработки в 1965 г., в Каошиунг и Кандла, соответственно. Тайвань-Китай создал зону Нанце в 1969 г. и зону Тайчжун в 1971 г. Индия создала зону Сантакруз в 1973 г. Южная Корея открыла свою первую зону Масан в 1971 г. Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур и Шри-Ланка – все запустили программу создания зон в этот период. К началу 1980-х гг. зоны экспортной переработки были неотъемлемой частью торговой и промышленной политики во всех регионах мира.

Помимо зон экспортной переработки, в развитых и наименее развитых странах создавались новые типы СЭЗ. Например, в Шри-Ланке в 1960-е гг. были созданы «зоны поощрения инвестиций». В Нью-Йорке расположены свободная банковская зона и зона свободного страхования. Свободные туристические зоны существуют в Восточной Европе и Азии. Старые европейские курорты и многие современные города, особенно в зонах отдыха, являются свободными игровыми зонами. Таким образом, появились СЭЗ, предназначенные для сферы услуг. Создание сервисной СЭЗ [4] означает, что в целях сохранения исторического конкурентного преимущества или содействия развитию отдаленных районов и, кроме того, достижения экономических выгод, выбирается район с удобными коммуникациями в региональном экономическом центре или в отдаленном регионе, в границах которого применяется специальная экономическая, административная политика и проводится дерегулирование, что не допускается в других районах страны, и осуществляются специальные виды экономической деятельности, такие как: финансы, страхование, туризм и другие подобные услуги. В соответствии с видами экономической деятельности сервисные зоны могут быть подразделены на свободные банковские зоны (Бахрейн, Панама, Люксембург, Каймановы острова и Багамские Острова), зоны свободного страхования (Нью-Йорк и Лондон), зоны свободного туризма (Макао, Монако, Амстердам, Гамбург, Невада и Атлантик-Сити).

К основным характеристикам второго этапа становления СЭЗ можно отнести следующие.

– Общее число зон экспортной переработки в наименее развитых странах резко возросло с 11 в 1970 г. до 96 в 1981 г. Специальные зоны распространились от Европы до Азии, Соединенных Штатов, Латинской Америки и Африки, от развитых до наименее развитых стран. Созданные на основе свободных портов и свободных торговых зон зоны экспортной переработки развивались очень успешно в мире, особенно в Азии и Америке. Как развитые, так и наименее развитые страны создавали специальные зоны в этот период. Типичными примерами являются Южная Корея, Сингапур, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты.

– Торговые СЭЗ продолжали развиваться, и постоянно появлялись новые типы зон. Помимо производственных и сервисных зон, в этот период появились и развивались некоторые новые типы торговых зон, такие как комплексные (зона свободной торговли Манаус в Бразилии) и научно-ориентированные зоны (Стэнфордский исследовательский парк в США).

– Зоны экспортной переработки 1960-х – 1980-х гг. представляют собой функциональную эволюцию в зональном развитии от торговых до производственных зон. Свободные порты и зоны свободной торговли постепенно уступали свое место промышленно-производственным зонам. Трансформация началась в связи с тем, что в Гонконге серьезное развитие получила обрабатывающая промышленность, а в США в 1950 г. была внесена «поправка» в Закон о внешнеторговых зонах 1934 г. Это позволило наладить производство в зонах свободной торговли и завершилось созданием зон экспортной переработки Шеннон (Ирландия) и Гаосюн (Тайвань).

– В этот период появились первые сервисные зоны. В отличие от торговых СЭЗ сервисные зоны географически строго не разграничены и не отделены от прилегающей территории страны барьерами. Такие зоны располагались не только в региональных экономических центрах, таких как

большой город, но и в экономически отсталых регионах с живописным ландшафтом и необходимыми коммуникациями, в прибрежных районах или во внутренних районах страны. В сервисных зонах административные привилегии, как правило, касаются конкретного типа услуг: финансы, страхование, туризм и др. Целью сервисной зоны является восстановление жизнеспособности некоторых старых экономических центров или содействие развитию некоторых экономически отсталых регионов.

Этап III (начало 1980-х гг.) – технико-внедренческие и комплексные СЭЗ.

Высокотехнологичная промышленность характеризуется высоким уровнем прибыли, конкуренции, риска, а также большими инвестициями. Как правило, данная отрасль связана с новыми информационными технологиями, биологическими материалами, новыми способами использования энергии, космического пространства и океана. В целях содействия индустриализации и коммерциализации высоких технологий и обеспечения научно-технического и экономического развития в городских центрах или на окраинах городов вблизи научно-исследовательских институтов и университетов стали создаваться новые зоны. В этих зонах был введен преференциальный режим, функционально интегрированы исследовательский, образовательный и производственный секторы, а знания, технологии, квалифицированный персонал и капитал имели высокую концентрацию. Такие зоны получили название технико-внедренческих, или высокотехнологичных СЭЗ [9, с. 41]. В соответствии с функциями и видами экономической деятельности такие зоны могут быть разделены на научные парки (СП) (Стэнфордский исследовательский парк), научно-технологические парки (Синьчжу в Тайване), наукограды или технополисы (Цукуба в Японии и София-Антиполис во Франции) и высокотехнологичные промышленные зоны (Силиконовая долина в США).

С 1950-х гг. несколько развитых стран (США, Советский Союз и Япония) уделяли больше внимания новой и высокотехнологичной промышленности и создали научно-исследовательские парки и научные города в доказательство своего научно-технического превосходства. Существующие свободные зоны были преобразованы в зоны с более совершенными функциональными и пространственными характеристиками. Развитие технико-внедренческих зон происходило сначала спонтанно в 1950-х гг., затем с 1960-х гг. – в плановом порядке. Со времени создания первого научного парка – Стэнфордского исследовательского парка – в Калифорнии в 1951 г. и первого наукограда в Советском Союзе в 1957 г., их количество заметно увеличивалось в развитых странах. До 1990-х гг. США создали более 70 научных парков, в том числе «Исследовательский треугольник» между шоссе 128, Бостоном и Северной Каролиной [2]. В конце 1960-х гг. Япония претворила в жизнь концепцию «технополисов» с целью распространения инновационной промышленности в анклавах по всей стране. В период 1983 – 1984 гг. были созданы научно-исследовательские центры «Кремниевый остров Кюсю» и наукоград «Цукуба». Создание технико-внедренческих зон также поощрялось в Европе: технополис София-Антиполис в Ницце (Франция, 1969 г.), Кембриджский научный парк (Великобритания, середина 1970-х гг.), научный парк Ульм–Даймлер–Бенц (Германия, 1980-е гг.). На основе модели зон экспортной переработки научно-технологические парки получили свое развитие и в наименее развитых странах: научный парк Синьчжу (Тайвань), научные парки в Сингапуре и материковом Китае.

В течение этого периода некоторые существующие зоны экспортной переработки превратились в капиталоемкие и технологически емкие модели, например, зоны Шеннон, Гаосюн, Масан и Кентридж. С одной стороны, модель зон экспортной переработки по-прежнему широко использовалась в наименее развитых странах (например, зоны экономического и технологического развития Китая); с другой стороны, была возрождена концепция свободных портов, поскольку в Соединенном Королевстве, например, в 1982 г. было создано более шести свободных портов, а в Китае была создана первая специализированная свободная таможенная зона Шэньчжэнь.

Для третьего этапа эволюции СЭЗ было характерно появление такого зонального типа, как комплексные зоны. Указанные зоны были созданы на основе торговых, промышленно-производственных, сервисных и технико-внедренческих зон. Комплексная зона представляет

собой более крупный географически очерченный район, для которого характерны: особый преференциальный режим, многофункциональные и комплексные цели, сложная промышленная и пространственная структура мульти-зон. Типичными примерами являются комплексные зоны свободной торговли (зона Манаус в Бразилии), комплексные порты (Гонконг, Сингапур и Багамские Острова), широкие экономические зоны (Шэньчжэнь в Китае) и крупные свободные пограничные зоны (Тихуана и Мохикали в Мексике).

Новый виток развития получила концепция зон экспортной переработки путем принятия и адаптации первоначальной концепции странами с централизованно плановой экономикой. Этот процесс начался с создания специальных зон в Китае. Ни одна другая программа СЭЗ не имела такого влияния на национальном и международном уровнях, как китайская программа [10]. Ее разработка стала ключевым моментом в развитии современной модели СЭЗ. Первые зоны были созданы в 1978 г. в качестве эксперимента контролируемой реструктуризации всей экономики путем внедрения модели капитализма и иностранных инвестиций после более чем 30 лет экономической и политической изоляции. Первоначально зоны были созданы в прибрежных районах страны: три в провинции Гуандун и одна в провинции Фуцзянь. В 1980-х и 1990-х гг. число экономических зон заметно возросло, они стали создаваться в районах и городах центральной части страны. Сегодня в Китае действуют зоны различных типов, размеров, специализаций и отраслевых концентраций: коммерческие зоны, промышленные зоны, технологические зоны и т.д. Китай служит эталоном для использования СЭЗ в качестве инструмента экономического роста и расширяет свою модель в глобальном масштабе за счет инвестиций в «зоны экономического сотрудничества» по всему миру.

К основным характеристикам третьего этапа становления СЭЗ можно отнести следующие.

– В 1980 г. в 30 наименее развитых странах действовало около 88 зон экспортной переработки. Что касается регионального распределения, то в 1980 г. 80 процентов таких зон функционировало в Азии, Карибском бассейне и Латинской Америке. К тому времени около 20 процентов зон было создано в Африке и на Ближнем Востоке. К 1980-м гг. в мире насчитывалось около 600 научно-технологических парков. Существовали также другие типы СЭЗ, такие как комплексные зоны в Китае и Восточной Европе. Число внешнеторговых зон в Соединенных Штатах возросло с 7 в 1970 г. до 118 к 1986 г.

– СЭЗ эволюционировали от торговых, промышленно-производственных и сервисных зон к высокотехнологичным и комплексным зонам. Типичными примерами являются технико-внедренческие зоны в развитых странах и комплексные зоны в Китае и Восточной Европе.

– СЭЗ достигли своего «золотого века» в Азии и США и затем распространились с этих двух континентов в Европу и Австралию. Политика создания высокотехнологичных зон в Соединенных Штатах способствовала их развитию в Западной Европе. Китайские СЭЗ оказали непосредственное влияние на создание зон в Восточной Европе.

– Преференциальная политика технико-внедренческих СЭЗ ориентирована на высокие технологии. При этом в целом режим осуществления предпринимательской деятельности в высокотехнологичных зонах аналогичен режиму зон экспортной переработки. Основными секторами в пределах зон являются высокотехнологичные исследования, образование, производство и торговля.

Этап IV (1990-е гг.) – трансграничные СЭЗ.

Классические СЭЗ способствовали поэтапному развитию процессов экономической интеграции путем углубления экономических связей между внутренней (в рамках зоны) и мировой экономикой. Четвертая промышленная революция способствовала дальнейшему развитию зон во всем мире, включая трансграничные СЭЗ.

Концепция трансграничной СЭЗ как зоны, существующей на стыке двух концепций: собственно зональной и концепции региональной экономической интеграции – постепенно принимается экономистами и географами [11]. Она подразумевает следующие основные черты: две или более страны или территории выбирают специальный трансграничный район, в котором структура управления

высокого уровня обеспечивает координацию и организационные механизмы; местные органы власти и крупные предприятия несут основную ответственность за экономическое сотрудничество и развитие; на основе рыночной экономики зона пользуется преференциальной экономической политикой и финансовыми субсидиями, предоставляемыми различными уровнями управления и организациями, и обеспечивает сложную инфраструктуру для достижения долгосрочных макроэкономических и политических целей.

Трансграничные СЭЗ как переходный тип зон представляют собой функциональное расширение и развитие экономических зон и демонстрируют некоторые характеристики региональной экономической интеграции [1]. Трансграничное расположение между двумя или более странами и территориями является новым элементом модели размещения СЭЗ. Подобно моделям комплексных СЭЗ и региональной экономической интеграции, трансграничная зона может включать различные виды СЭЗ, такие, как зоны свободной торговли, зоны экспортной переработки и научные промышленные парки; а также полный спектр видов экономической деятельности: от использования ресурсов, торговли, производства и переработки до туризма и охраны окружающей среды.

В силу своей короткой истории и того, что они находятся на начальной стадии своего развития, трансграничные специальные зоны имеют различные названия, такие, как субрегиональная экономическая зона, трансграничная зона экономического сотрудничества, треугольник роста и трансграничная зона роста. Типичными примерами являются «трансграничные зоны экономического сотрудничества» (Еврорегион Маас-Рейн) и «трансграничный треугольник роста» (Особая экономическая зона «Золотой треугольник» вдоль реки Меконг, где встречаются Лаос, Мьянма и Таиланд [12]).

К основным характеристикам четвертого этапа становления СЭЗ можно отнести следующие.

– До 1990-х гг. в 90 странах и регионах мира насчитывалось до 900 СЭЗ различных типов. Активная политика по созданию зон была характерна для наименее развитых стран, однако начиная с 1990-х гг. число новых комплексных специальных зон, а также зон экспортной переработки сократилось. Только в Китае до середины 1990-х гг. были созданы две классические комплексные СЭЗ (новые зоны Путон и Сучжоу), 53 высокотехнологичные зоны и 13 зон экспортной переработки внутри указанных технико-внедренческих зон.

– С момента возникновения в 1976 г. в Европейском экономическом сообществе первых официальных трансграничных СЭЗ, они развивались в направлении экономического сотрудничества и интеграции внутри зоны, между зонами и регионами вокруг них, и с 1990-х гг. их число увеличилось. Большинство трансграничных регионов, в которых были созданы трансграничные зоны экономического сотрудничества в ЕС и трансграничные треугольники роста в Азии, обладают потенциальными и стратегическими преимуществами, однако они также являются регионами с более низкой степенью региональной экономической интеграции, регионального экономического сотрудничества и более низкими экономическими и технологическими возможностями.

Заключение

С точки зрения моделей развития СЭЗ в разных регионах мира можно выделить следующие особенности их эволюционного развития.

Во-первых, первоначально СЭЗ разрабатывались в качестве дополнений к протекционистским экономическим стратегиям, направленным на замещение импорта. Обычно слабая результативность этих стратегий привела к тому, что такие страны, как Бразилия, Индия, Кения, Малайзия и Маврикий, создали анклав для иностранной деятельности. Ожидалось, что СЭЗ будут использовать избыток рабочей силы, не блокируя при этом внутренние инвестиции в производство. Страны, применявшие эту стратегию, первоначально были заинтересованы только в статических экономических преимуществах этого инструмента [13; 14].

Во-вторых, в ряде азиатских стран СЭЗ были разработаны, главным образом, для того чтобы

служить катализатором перехода от экспорта, ориентированного на внутренние или традиционные поставки, к экспорту товаров новых отраслей. Эта ориентированная на экспорт модель роста привела к появлению новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Южная Корея и Тайвань-Китай) [15].

В-третьих, наиболее радикальным применением концепции СЭЗ стал подход Китая. В условиях невозможности обеспечить опережающее экономическое развитие страны с 1979 г. стала проводиться государственная политика контролируемого капитализма в командной экономике. Основным инструментом указанной политики выступали СЭЗ.

В-четвертых, изменения в международном политико-экономическом порядке в 1980-х гг. положили конец внутренним стратегиям 1950-х, 1960-х и 1970-х гг. Экономическая либерализация привела к свертыванию протекционистской политики той эпохи. По мере снятия торговых и инвестиционных барьеров предполагалась постепенная утрата СЭЗ своего значения. Однако число СЭЗ в мире продолжало резко возрастать, и к настоящему времени СЭЗ превратились в один из ключевых элементов торговой, инвестиционной, промышленной и инновационной политик стран [16].

По мере эволюции появляются многие новые типы СЭЗ и инновационные программы развития зон. В некоторых из них основное внимание уделяется новым отраслям, таким как высокие технологии, финансовые услуги и туризм, выходящим за рамки производственной деятельности традиционных СЭЗ, характеризующейся существенной торговой составляющей и высокой трудоемкостью. Другие зоны нацелены на улучшение экологических показателей, коммерциализацию науки, региональное развитие или возрождение городов. Несмотря на появление новых типов зон, связанных с природными ресурсами, ориентированных на внутренние рынки или задуманных в качестве инкубаторов для стартапов, большинство СЭЗ, по сути, остаются частью предлагаемого странами конкурентного пакета мер по поощрению инвестиций наряду с другими формами их стимулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meng, G. The Theory and Practice of Free Economic Zones: A Case Study of Tianjin, People's Republic of China / G. Meng. – Ruprecht-Karls University of Heidelberg, 2003. – Текст : электронный. – URL: <https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/3244/1/fez-meng.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Farole, T. Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions / T. Farole, G. Akinci. – Washington, DC: World Bank, 2011. – Текст : электронный. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2341> (дата обращения: 09.04.2023).
3. Карачев, И. А. Теоретические вопросы анализа специальных экономических зон в контексте взаимодействия государства и бизнеса / Е. В. Сапир, И. А. Карачев // Теоретическая экономика. – 2020. – № 6 (66). – С. 64–74. – ISSN 2221-3260.
4. Akinci, G. Special Economic Zone: Performance, Lessons Learned, and Implication for Zone Development / G. Akinci, J. Crittle. – Foreign Investment Advisory Service (FIAS) occasional paper Washington, DC: World Bank, 2008. – Текст : электронный. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/Special-economic-zone-performance-lessons-learned-and-implication-for-zone-development> (дата обращения: 21.04.2023).
5. Leveraging a New Generation of Industrial Parks and Zones for Inclusive and Sustainable Development: Strategic Framework // United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), 2018. – Текст : электронный. – URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2019-12/UNIDO_Strategic%20Framework_WEB.pdf (дата обращения: 20.05.2023).
6. Cheng, T. From Special Economic Zones to Greater Special Economic Region – Hong Kong Special Administrative Region as a Model for Legal Infrastructure Design / T. Cheng // Transnational Corporations. – 2019. – Vol. 26. – № 3. – P. 63–87. – Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.18356/759ea4c6-en> (дата обращения: 13.05.2023).
7. Enhancing the Contribution of Export Processing Zones to the Sustainable Development Goals // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), 2015. – Текст : электронный. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/webdiaepcb2015d5_en.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
8. Export Processing Zones // World Bank, 1992. – Текст : электронный. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/400411468766543358/pdf/multi-page.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).
9. Карачев, И. А. Мировой опыт создания и функционирования специальных экономических зон / Е. В. Сапир, И. А. Карачев // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (186). – С. 38–46. – ISSN 1993-0453
10. Experiences and Best Practices of Industrial Park Development in the People's Republic of China // United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), 2020. – Текст : электронный. – URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-11/EN_Experiences_and_Best_Practices_of_Industrial_Park_Development_in_China.pdf (дата обращения: 14.04.2023)
11. Lord, M. J. Special Border Economic Zone (SBEZ) in the Indonesia-Malaysia-Thailand Growth Triangle (IMT-GT) / M. J. Lord, P. Tangtrongjita // Asian Development Bank (ADB), 2014. – Текст : электронный. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/related/41573/scoping-study-sbez-imt-gt.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).
12. Aggarwal, A. Special Economic Zones in the Indonesia–Malaysia–Thailand Growth Triangle Opportunities for Collaboration / A. Aggarwal // Asian Development Bank (ADB), 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/772536/special-economic-zones-imt-growth-triangle.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).
13. Dube, C. Special Economic Zones in Southern Africa: Is Success Influenced by Design Attributes? / C. Dube, W. Matsika, G. Chiwunze // United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER), 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Working-paper/PDF/wp2020-61.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).
14. Farole, T. Special Economic Zones in Africa: Comparing Performance and Learning from Global

Experience / T. Farole. – Washington, DC: World Bank, 2011. – Текст : электронный. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2268> (дата обращения: 09.04.2023).

15. Handbook on Policies, Promotion, and the Facilitation of Foreign Direct Investment for Sustainable Development in Asia and the Pacific // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/knowledge-products/FDI%20Handbook%202022%3D2.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).

16. Bräutigam, D. «Going Global in Groups»: Structural Transformation and China's Special Economic Zones Overseas / D. Bräutigam, X. Tang // World Development. – 2014. – № 63. – P. 78–91. – Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.10.010> (дата обращения: 19.04.2023).

Evolution of special economic zones in the world economy

Karachev Igor Andreevich

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: karachev2011@yandex.ru

Annotation. Today, there are almost 5,700 special economic zones in the world, of which more than 1,000 have been established in the last 10 years. The rapid growth of special economic zones was part of a new wave of industrial policy and a response to the growing competition for affordable international investment. The economic and political objectives of the zones vary from country to country. In some countries, the role of zones is to provide tariff concessions and reduce the administrative burden of customs procedures to support complex cross-border supply chains. In other countries, the main objective of zonal policy is to diversify and modernize industries by attracting foreign direct investment. The specialization of particular zones depends on their historical context. The article marks out the main stages of evolution of special economic zones, presents their characteristics, and also identifies structural and typological features of zones at each stage. The first stage relates to the development of trade zones, which have had the advantage of reducing customs barriers to export and import activities. The second stage relates to the development of industrial zones that have stimulated the creation of new productions within their borders. In the third stage there were developed technology zones with preferential treatment focused on high technology creation and commercialization. The fourth stage is characterized by the development of cross-border zones, the nature of which was at the intersection of two concepts: the zonal and the regional economic integration.

Keywords: special economic zone; typological evolution; trade zone; industrial production zone; service zone; high-technology zone; integrated zone; cross-border zone.

Спилловер-эффекты интеграции: исследование канала межрегиональной торговли на пространстве ЕАЭС

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Аннотация. Интеграционные процессы генерируют т.н. «спилловер-эффекты», оказывающие влияние на благосостояние населения стран, участвующих в интеграционных процессах. Россия как крупнейшая экономика ЕАЭС выступает в качестве главного генератора экономических импульсов/«шоков» для остальных стран-членов экономического объединения. Отсутствие реальных драйверов роста, зависимость доходов федерального бюджета от сырьевого экспорта, системные диспропорции национального хозяйства, высокая инфляция и волатильность курса национальной валюты, а также другие негативные процессы, привели не только к ухудшению ряда макроэкономических показателей российской экономики, но и нанесли серьезный удар по другим странам-членам ЕАЭС, которые были вынуждены столкнуться с вызовами роста внутренних цен, сжатия объемов взаимного товарооборота, угрозой вторичных санкций, обострения конкуренции с российскими товаропроизводителями и притоком релокантов. Цель исследования – верифицировать ряд предсказаний модели П. Кругмана на примере функционирования ЕАЭС. Гипотезы исследования – темпы роста товарооборота в рамках ЕАЭС будут уступать динамике развития региональных экономик государств-членов интеграционного объединения; темпы роста внешней торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами будут опережать динамику развития мировой экономики. Для проверки выдвинутых в работе гипотез использовался корреляционный анализ. В результате проведенного исследования, выдвинутые в работе гипотезы в целом не получили однозначного подтверждения по данным, характеризующим экономику стран-членов ЕАЭС в долгосрочном временном интервале. Анализ данных показал наличие прямой статистически значимой связи между динамикой товарооборота взаимной торговли в рамках ЕАЭС и динамикой ВВП для трех стран-участниц интеграционного объединения; отсутствие корреляции между динамикой внешней торговли стран ЕАЭС и динамикой мирового ВВП.

Ключевые слова: межрегиональная и международная торговля, спилловер-эффекты, корреляционный анализ, ВВП, ЕАЭС

JEL codes: F15, O14

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Влияние шоков монетарной политики на неравенство доходов населения в России / С.В. Шкиотов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С.147-157. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) как новейшее межрегиональное интеграционное объединение сталкивается не только с институциональными проблемами роста (противодействию национальных элит, унификации норм и стандартов, специфической модели разрешения экономических споров), но и вызовами, обусловленными перенастройкой глобальных цепочек добавленной стоимости в условиях посткоронавирусной экономики и беспрецедентного санкционного противостояния России со странами Запада. Подобно воде в сообщающихся сосудах экономические процессы и явления перетекают из одной экономики интеграционного объединения в другую, оказывая влияние на благосостояние жителей этих стран. В этом контексте Россия как крупнейшая экономика ЕАЭС выступает в качестве главного генератора экономических импульсов/«шоков» для остальных стран-членов экономического объединения. Цепное распространение импульсов/«шоков» от одной экономике к другой, получило в экономической литературе название «спилловер-эффектов» [см.

например: 1]. Именно поэтому, отсутствие реальных драйверов роста, зависимость доходов федерального бюджета от сырьевого экспорта, системные диспропорции национального хозяйства, высокая инфляция и волатильность курса национальной валюты, а также другие негативные процессы, привели не только к ухудшению ряда макроэкономических показателей российской экономики, но и нанесли серьезный удар по другим странам-членам ЕАЭС, которые были вынуждены столкнуться с вызовами роста внутренних цен, сжатия объемов взаимного товарооборота, угрозой вторичных санкций, обострения конкуренции с российскими товаропроизводителями и притоком релокантов.

Можно выделить несколько каналов трансмиссии спилловер-эффектов на пространстве ЕАЭС: канал перетока трудовых ресурсов; канал перетока капитала; инфляционный канал; валютный канал; канал межрегиональной торговли; канал трансфера технологий.

В данной статье более подробно остановимся на канале внутриотраслевой торговли на пространстве ЕАЭС. В этом смысле особый интерес представляет статья лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана «Межрегиональная и международная торговля: разные причины, разные тренды», в которой выдвигается тезис о том, что причины, лежащие в основе международной и межрегиональной торговли принципиально разные. В частности, Кругман делает предсказание относительно развития этих двух принципиально разных видов торговли: межрегиональная торговля будет стагнировать вслед за низкими темпами развития региональных экономик, международная – расти темпами, опережающими развитие мировой экономики [2].

Цель исследования – верифицировать ряд предсказаний модели П. Кругмана на примере функционирования ЕАЭС.

Ход исследования: на первом этапе исследования сравним темпы роста товарооборота в рамках ЕАЭС и темпы роста ВВП стран ЕАЭС; темпы роста товарооборота внешней торговли стран ЕАЭС и темпы роста мировой экономики; на втором – с помощью регрессионного анализа выявим существует ли статистически значимая связь между динамикой товарооборота в рамках ЕАЭС и темпами роста ВВП стран ЕАЭС, динамикой товарооборота внешней торговли стран ЕАЭС и темпами роста мировой экономики.

Подобное исследование уже проводилось в 2017 и 2019 годах [3, 4]. Тогда полученные результаты не позволили получить однозначный ответ в отношении выдвинутых в работе гипотез. Отчасти это объяснялось коротким сроком функционирования интеграционного объединения – начальной стадией процесса интеграции в рамках ЕАЭС, отчасти ограничениями самой модели, использованием корреляционного анализа. Накопленная за эти годы макроэкономическая статистика по ЕАЭС, а также глобальные шоки 2020-21 г. (пандемия коронавируса) и 2022 г. (начало СВО и новой волны санкций), – все это дает возможность по-новому взглянуть на динамику развития интеграционного объединения, и в, конечном счете, будет способствовать приращению научного знания.

Методы

В исследовании выдвигаются две гипотезы:

- темпы роста товарооборота в рамках ЕАЭС будут уступать динамике развития региональных экономик государств-членов интеграционного объединения;
- темпы роста внешней торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами будут опережать динамику развития мировой экономики.

1. Анализируемые в работе данные представлены в сводной таблице 1.

2. Выборка: 5 стран-членов ЕАЭС.

3. Исследуемый интервал: долгосрочный, 12-летний временной интервал (2011-22 гг.).

4. Методы исследования: для проверки выдвинутой гипотезы используется корреляционный анализ. Для верификации связи между исследуемыми показателями использовался корреляционный анализ (уровень значимости 5%), данные обрабатывались в программном пакете «Statistica» от компании StatSoft.

Таблица 1 – Макроэкономические данные по странам ЕАЭС, 2011-22 гг. [5-6]

Годы	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Внешнеторговый оборот внешней торговли, млн долл.	907 231,2	934 586,0	932 960,8	868 696,6	579 382,5	509 372,7	634 193,8	753 525,4	735 775,9	624 627,4	846 358,2	n/a
Внешнеторговый оборот взаимной торговли, млн долл.	63 100,9	67 856,4	64 520,0	58 510,9	45 615,6	42 960,3	54 711,6	60 261,5	61 632,5	55 053,9	73 089,7	n/a
Темпы роста ВВП Армении, %	4,6	7,2	3,3	3,6	3,1	0,2	7,5	5,2	7,5	-7,1	5,6	12,6
Темпы роста ВВП Белоруссии, %	5,3	1,6	1,0	1,7	-3,8	-2,5	2,5	3,1	1,4	-0,67	2,4	-4,6
Темпы роста ВВП Казахстана, %	7,4	4,8	5,9	4,2	1,2	1,1	4,1	4,1	4,5	-2,5	4,3	3,2
Темпы роста ВВП Киргизии, %	5,9	-0,08	10,9	4,02	3,8	4,3	4,7	3,7	4,6	-8,3	6,1	7,02
Темпы роста ВВП РФ, %	4,3	4,02	1,7	0,73	-1,9	0,19	1,8	2,8	2,1	-2,6	5,6	-2,06
Темпы роста Мировой экономики, %	3,3	2,7	2,8	3,1	3,1	2,8	3,4	3,3	2,6	-3,1	6,0	3,1

Источник: приведено по данным Евразийской экономической комиссии ; Всемирного Банка , 2011-2022.

Результаты

Рисунки 1 и 2 позволяют сравнить темпы роста товарооборота в рамках ЕАЭС и темпы роста ВВП стран ЕАЭС; темпы роста товарооборота внешней торговли стран ЕАЭС и темпы роста мировой экономики.

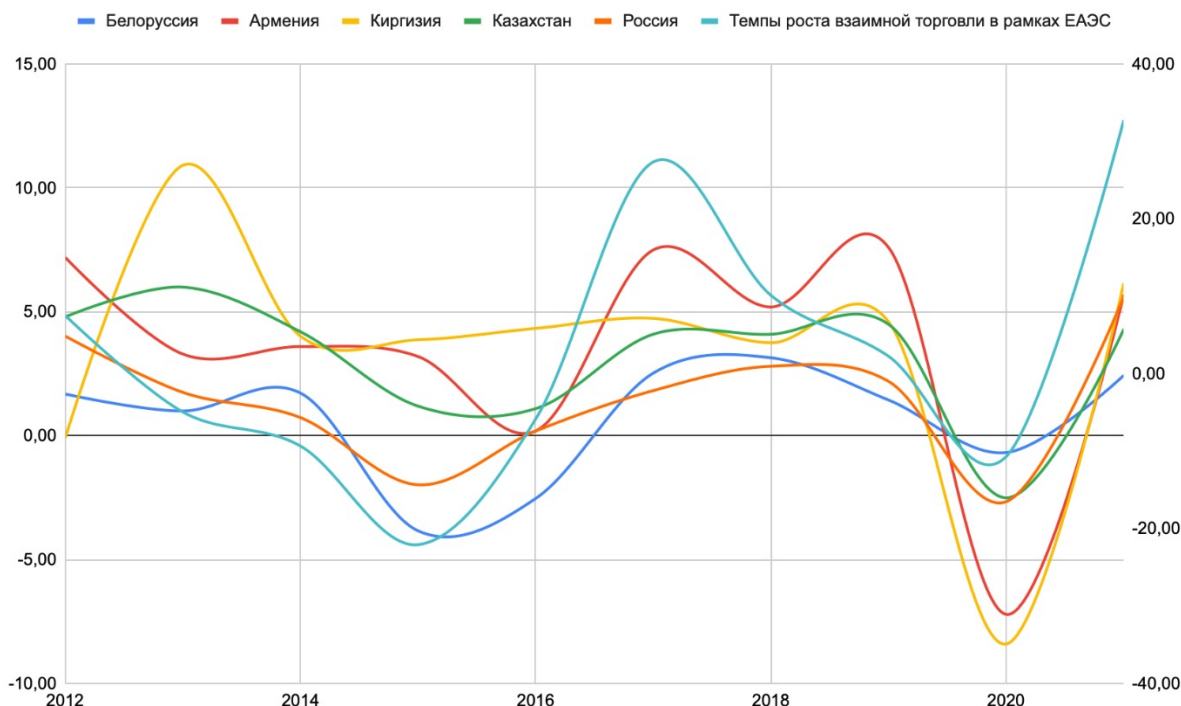

Рисунок 1. Динамика ВВП стран ЕАЭС и взаимной торговли в странах ЕАЭС, 2011-22 гг., в %

Источник: по данным Евразийской экономической комиссии; Всемирного Банка, 2011-2022.

Рисунок 2. Динамика ВВП мировой экономики и внешней торговли с третьими странами, 2011-22 гг., в %

Источник: по данным Евразийской экономической комиссии; Всемирного Банка, 2011-2022.

Далее, с помощью корреляционного анализа выявим существует ли статистически значимая связь между динамикой товарооборота в рамках ЕАЭС и темпами роста ВВП стран ЕАЭС, динамикой товарооборота внешней торговли стран ЕАЭС и темпами роста мировой экономики.

Визуальный анализ данных представлен на рисунке 3 и 4.

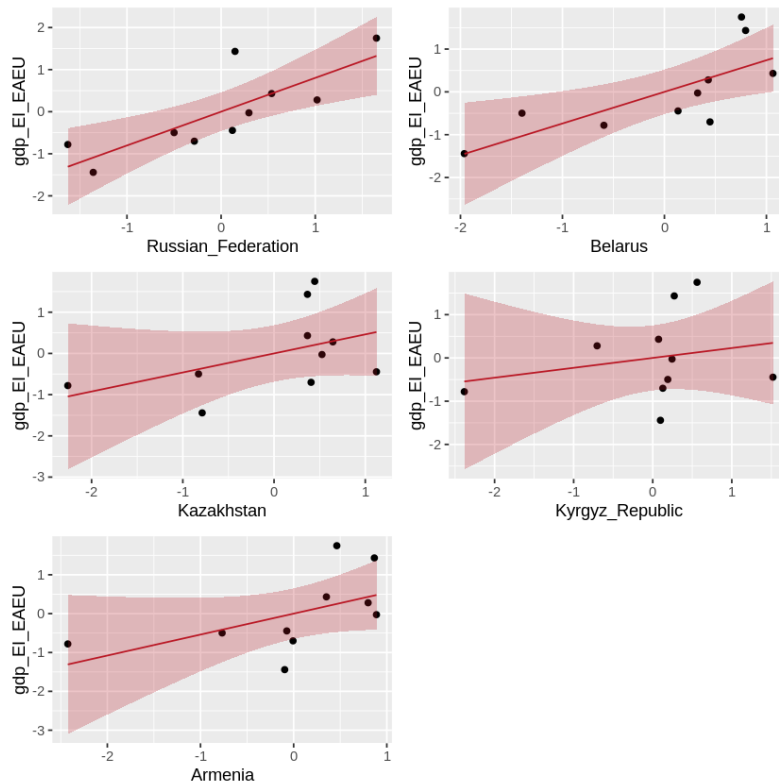

Рисунок 3. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом взаимной торговли и темпами роста ВВП стран ЕАЭС, 2011-22 гг.

Источник: построено автором

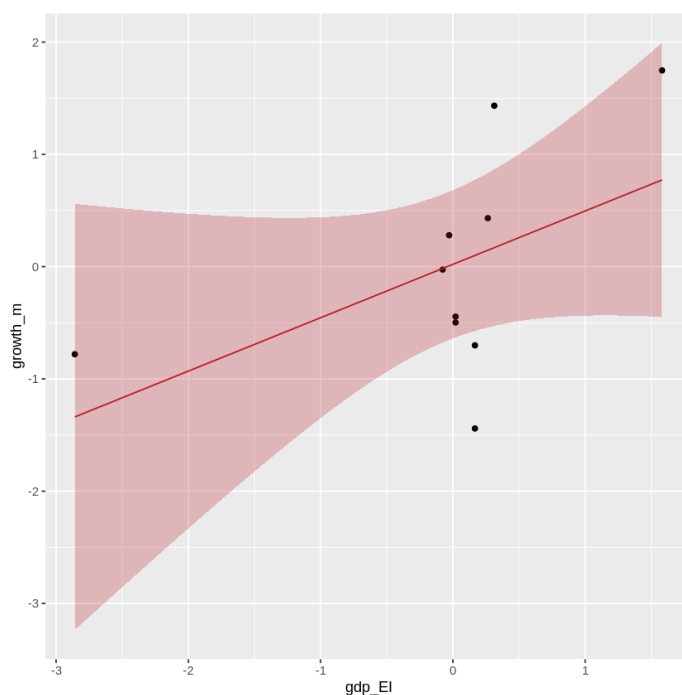

Рисунок 4. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом внешней торговли стран ЕАЭС и темпами роста мировой экономики, 2011-22 гг.

Источник: построено автором

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа

Темпы роста ВВП	Темпы роста взаимной торговли в рамках ЕАЭС	Темпы роста внешней торговли ЕАЭС
России	0.8031536 p-value = 0.005141	X
Белоруссии	0.7386844 p-value = 0.01467	
Казахстана	Корреляция отсутствует	
Армении	0.5393097 p-value = 0.1000	
Киргизии	Корреляция отсутствует	
Мировой экономики		

Источник: построено автором

Заключение

1. Темпы роста товарооборота внутри интеграционного объединения и с третьими странами показывают разнонаправленную динамику. До 2013 г. и внешняя и внутренняя торговля в рамках ЕАЭС/ТС РБК показывала положительную динамику со взрывными темпами роста в 2011 году, затем начинается резкое снижение товарооборота с рекордным падением в 2015 году, а с 2017 г. вновь наблюдается рост товарооборота как взаимной, так и внешней торговли. Подобная динамика товарооборота обусловлена сочетанием эндогенных и экзогенных факторов: рост товарооборота в первые два года функционирования ТС РБК объясняется эффектом низкой базы и краткосрочными положительными эффектами интеграции, сыгравшими роль акселератора. Период 2013-16 гг. отражает влияние существенного ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры: падение цен на мировых сырьевых площадках; последствия мирового финансового кризиса, а позднее, – фактор событий на Украине и Крыму, антироссийские санкции и резкое обесценение национальных валют государств-членов

ЕАЭС. Впрочем, не стоит забывать и о замедлении темпов роста экономик государств-членов ЕАЭС/ТС РБК, и прежде всего России, на долю которой приходится более 80% товарооборота. Заметная положительная динамика товарооборота 2017-18 гг. обусловлена действием адаптационных механизмов, постепенной подстройкой хозяйственных механизмов к внешнеэкономическим шокам. С началом пандемии коронавируса и последовавшим глобальным локдауном, темпы как взаимной, так и внешней торговли резко сократились в 2020 году, хотя уже в следующем году начинается фаза быстрого восстановительного роста темпов товарооборота.

2. Простое сопоставление темпов роста товарооборота в рамках ЕАЭС и темпов роста ВВП стран ЕАЭС; темпов роста товарооборота внешней торговли стран ЕАЭС и темпов роста мировой экономики не позволяет однозначно верифицировать предсказание модели П. Кругмана. С одной стороны, динамика товарооборота внешней и взаимной торговли стран ЕАЭС/ТС РБК в отдельные годы измеряется двухзначными цифрами, на фоне гораздо более скромной динамики ВВП исследуемых экономик. С другой – сама эта динамика разнонаправлена.

3. Результаты корреляционного анализа так же не позволяют дать однозначный ответ в отношении выдвинутых в работе гипотез: можно констатировать наличие прямой статистически значимой связи между динамикой товарооборота взаимной торговли в рамках ЕАЭС и динамикой ВВП для трех стран-участниц интеграционного объединения, за исключением Киргизии и Казахстана. Вместе с тем, отсутствие корреляции между динамикой внешней торговли стран ЕАЭС и динамикой мирового ВВП может свидетельствовать как о переориентации товарооборота на внутренние потребности ЕАЭС, так и о незначительной роли нового интеграционного объединения в мировом экономическом пространстве.

Необходимо понимать, что к полученным результатам исследования следует относиться осторожно, поскольку он всегда зависит от объема выборки и других ограничений модели.

Ограничения исследования:

- начальная стадия процесса интеграции на пространстве ЕАЭС;
- недостаточная выборка данных и слишком короткий интервал исследования;
- выбросы данных, искажающие общую картину под влиянием пандемии коронавируса и последующего локдауна в 2019 и 2020 годах; экономических санкций против России с 2014 года; начало СВО в 2022 году;

- сильные различия в динамике экономического развития в странах-членах ЕАЭС, волатильности курса национальных валют и стоимости сырьевых товаров на биржевых площадках (что также приводит к проблеме выброса данных);

- возможно, применение корреляционного анализа для решения поставленной в исследовании задачи было не оптимальным (происходит апробация и поиск адекватной исследовательским задачам методики исследования).

Надеюсь, что полученные данные, решаемые в работе задачи, активизируют новую волну прикладных исследований, связанных с оценкой функционирования ЕАЭС в условиях санкционного противостояния со странами Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, Д.О. (2014). Определение значимых каналов перетока кризисных явлений в РФ из других стран. Научные труды Вольного экономического общества России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-znachimyh-kanalov-peretoka-krizisnyh-yavleniy-v-rf-iz-drugih-stran> (дата обращения: 01.08.2023)
2. Krugman, P. (2015). Interregional and international trade: Different causes, different trends? In *Regional Science Matters: Studies Dedicated to Walter Isard* (pp. 27–34). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-07305-7_3
3. Шкиотов, С.В. (2017). Динамика товарооборота в ЕАЭС: верификация модели межрегиональной торговли П. Кругмана. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 7(1), 156-158
4. Маркин, М.И. и др. (2019). Оценка влияния интеграционных процессов на конкурентоспособность стран-участниц ЕАЭС: Монография. Ярославль: Издат. дом ЯГТУ.
5. Евразийская экономическая комиссия. Статистика внешней и взаимной торговли товарами. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 01.08.2023)
6. World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 01.08.2023)

Spillover effects of integration: a study of the channel of interregional trade in the EAEU

Shkiotov Sergei Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation.
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Annotation. Integration processes generate so-called «spillover effects» that affect the welfare of the population of the countries involved in integration processes. Russia, as the largest economy of the EAEU, acts as the main generator of economic impulses/»shocks» for the other member countries of the economic association. The lack of real growth drivers, the dependence of federal budget revenues on commodity exports, systemic disproportions of the national economy, high inflation and volatility of the national currency exchange rate, as well as other negative processes, have led not only to the deterioration of a number of macroeconomic indicators of the Russian economy, but also dealt a serious blow to other EAEU member countries, which were forced to face the challenges of rising domestic prices, shrinking volumes of mutual trade turnover, the threat of secondary sanctions, and intensified competition. The aim of the study is to verify a number of predictions of P. Krugman's model on the example of the EAEU functioning. Hypotheses of the study – the growth rate of trade turnover within the EAEU will be inferior to the dynamics of the regional economies of the member states of the integration association; the growth rate of foreign trade of EAEU member states with third countries will outpace the dynamics of the world economy. Correlation analysis was used to test the hypotheses put forward in the paper. As a result of the study, the hypotheses put forward in the paper were not unambiguously confirmed by the data characterizing the economy of the EAEU member states in the long-term time interval. The data analysis showed a direct statistically significant relationship between the dynamics of mutual trade turnover within the EAEU and the dynamics of GDP for the three member countries of the integration association; there is no correlation between the dynamics of foreign trade of the EAEU countries and the dynamics of global GDP.

Keywords: interregional and international trade, spillover effects, correlation analysis, GDP, EAEU

Перспективы создания бренда регионов Донецкой и Луганской Народных Республик в составе Российской Федерации

Муравьева Дарья Сергеевна

Студент

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jainlain11@gmail.com

Аннотация. Нематериальные активы и, в частности, бренды играют ключевую роль в современной экономике. Регионам также необходимо формировать свои бренды, чтобы обеспечивать свою привлекательность для инвесторов, работников, туристов и населения. Особое значение эта задача имеет для новых регионов Российской Федерации, значительно пострадавших от боевых действий.

В данной статье поставлена задача разработки рекомендаций по формированию региональных брендов для Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в составе Российской Федерации. Рассматриваются особенности Донбасского региона, которые могут быть использованы для создания регионального бренда. Выполнен обзор трансформации имиджа Донбасса в советский и пост-советский период истории.

Показано, что традиционное восприятие Донбасса как региона угледобычи является малоперспективным для построения бренда. Мы рекомендуем использовать ассоциации, связанные с индустриальным образом Донбасса, его южным расположением, а также его ролью для ценностей «Русского мира».

Ключевые слова: бренд региона, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Донбасс

JEL codes: M30, M38, O18

Для цитирования: Муравьева, Д.С. Перспективы создания бренда регионов Донецкой и Луганской Народных Республик в составе Российской Федерации // Д.С. Муравьева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №9. - С111-120. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2023)

Введение

Донецкая и Луганская Народные Республики (часто объединяемые под общей аббревиатурой ЛДНР) были провозглашены в Донецкой и Луганской областях Украины в 2014 г. после того, как значительная часть населения этих регионов отказалась признать итоги произошедшего в Киеве в феврале 2014 г. государственного переворота. Провозглашение этих республик привело к началу гражданской войны на Украине и к попыткам новых украинских властей ликвидировать самостоятельность этих регионов военными методами. Для защиты ЛДНР в феврале 2022 г. Россия начала специальную военную операцию, одним из результатов которой стало вхождение этих республик в состав Российской Федерации. В настоящее время, хотя боевые действия далеки от завершения, перед Россией стоит задача восстановления ЛДНР, включения их в единую экономическую систему Российской Федерации и создание достойных условий жизни для населения [3, 13, 18].

Необходимо отметить, что сейчас принимается ряд мер, направленных на восстановление экономики ЛДНР, сильно пострадавшей от боевых действий. Наиболее ярким примером, вероятно, является активное жилищное строительство в Мариуполе, которое позволит устранить последствия боев в этом городе и обеспечит население жильем. Тем не менее, эти мероприятия ориентированы прежде всего на материальную составляющую экономики, тогда как в современных условиях большое значение имеет нематериальный капитал [11]. Во многом именно от него зависит привлекательность региона для инвесторов, работников, туристов и т. д.

Рассматривать в современном мире потенциал развития региона, не определив и не разработав его бренд – идея изначально провальная. Без бренда региона будет весьма сложно привлекать какие-либо инвестиции в регион, создавать условия для формирования человеческого капитала и продвигать региональные продукты [2, 4, 7]. По этой причине специалисты по региональному маркетингу и региональные власти уделяют большое внимание созданию и продвижению брендов регионов [9, 14, 17].

В данном исследовании мы попытаемся сформулировать рекомендации по созданию регионального бренда ЛДНР в составе Российской Федерации, а также описать проблемы, с которыми может быть связано продвижение такого бренда.

Методы исследования

При выполнении исследования мы использовали метод несистематизированного анализа источников. Информационной базой для исследования послужили публикации по проблемам регионального брендинга, размещенные в базе РИНЦ, исследования по истории и экономике Донбасса, а также новостные публикации, относящиеся к данному региону и характеризующие его имидж с точки зрения различных групп.

Кроме того, мы использовали общенаучный метод анализа и синтеза. Для представления результатов исследования был применен табличный метод.

Донбасс: краткая характеристика

Ключевой характеристикой Донбасса является его высокий уровень технологической, промышленного, научного и образовательного развития, сложившийся в данном регионе до 2014 г., и в определенной степени сохранившийся до настоящего времени [26].

Даже несмотря на военные действия, ведущиеся с 2014 года [1], на территории региона свою деятельность осуществляют более двух десятков высших учебных заведений и практически 200 учреждений среднего профессионального образования (СПО). Все эти образовательные учреждения уже перешли в подчинение федеральным ведомствам, а на апрель 2023 года более 4,7 тысяч преподавателей Донбасса уже повысили свою квалификацию для перехода на российские стандарты [6]. При этом проводятся мероприятия, направленные на сохранение и рост научного и образовательного потенциала региона. В частности, позитивным фактором является то, что Русско-Китайский Центр гуманитарного сотрудничества разрабатывает проекты по созданию филиалов китайских университетов, общего научного центра и технопарков, которые могут стать инвестиционно-привлекательными центрами образования ЛДНР [5].

Безусловно, после событий 2014 года на Донбассе наблюдался значительный отток квалифицированного населения, однако, стоит отметить, что на данный момент властями региона ведется информационная политика, призывающая абитуриентов и будущих аспирантов делать выбор в пользу местных ВУЗов и учреждений СПО, предлагая студентам различные льготы и гарантированное трудоустройство по окончании обучения.

Еще одним фактором, который может быть положен в основу регионального бренда ЛДНР, может стать высокий уровень промышленного развития региона. На начало 2014 года от 20 до 25% ВВП Украины совокупно составляли Донецкая и Луганская области, а также на них приходилось 30% реализованной продукции государства [8]. Основным направлением региона является металлургия – на ДНР приходится 58%, а на ЛНР 65% [15]. Также, Минпромторг РФ предоставил данные о том, какие направления сейчас являются самыми перспективными для развития Донбасса - машиностроение, легкая, фармацевтическая и химическая отрасли промышленности (эти же отрасли имеют ключевое значение для инновационного развития национальной экономики нашей страны в целом). Министерство промышленности и торговли России, по официальным заявлениям ведомства, ведет работу на промышленных предприятиях ЛДНР, в том числе и обеспечением сырьем, технологиями и необходимым оборудованием [15]. Если данные проекты будут успешно реализованы, Донбасс

ожидает новый расцвет промышленного развития и создание большого количества рабочих мест. С учетом усилий по развитию образования в ЛДНР, это позволит выстроить связи между сферой образования и промышленным производством на основе кластерной модели управления экономикой региона и обеспечить выпускников вузов рабочими местами в пределах данных субъектов федерации.

Отметим, что традиционно бренд региона ассоциируется с его привлекательностью для туристов. Однако ЛДНР обладают сравнительно низким туристическим потенциалом в силу особенностей местоположения [25, 26]. Хотя ДНР имеет выход к морю, однако туристическая инфраструктура слаборазвита, и ее создание также потребует значительных инвестиций. В рамках продвижения регионального бренда туристическая составляющая, по нашему мнению, будет иметь вспомогательное значение.

Интересно отметить, что руководство ЛДНР понимает необходимость формирования и продвижения региональных брендов и предпринимает соответствующие усилия (в частности, путем запуска маркировки «Сделано в ДНР» для продвижения товаров локального производства [29]). Однако пока эти мероприятия носят преимущественно точечный характер.

Образ Донбасса в разные периоды истории

Ранее формированию бренда Донбасса внимания не уделялось, однако этот регион в различные периоды своей истории обладал устойчивым имиджем в СССР и на пост-советском пространстве. Ниже мы рассмотрим динамику этого имиджа.

Таблица 1 – Динамика имиджа Донбасса в различные периоды его истории

Период	Особенности имиджа Донбасса
1945-1991 гг. (нахождение Донбасса в составе Украинской ССР в составе СССР)	<ul style="list-style-type: none"> - Шахтерский, индустриальный регион («регион шахтерской славы»; см. советский документальный фильм 1979 г. «Донецк – шахтерская столица», доступен на видеохостинге Youtube https://www.youtube.com/watch?v=aMUxХрА95JE); - Память о Великой Отечественной войне (Донбасс был местом ожесточенных боев между Красной армией и войсками фашистской Германии (https://pamyat-naroda.ru/ops/osvobozhdenie-donbassa/), именно на Донбассе действовала подпольная организация «Молодая гвардия»); - Память о революционном прошлом Донбасса (стачечное движение до 1917 г., бои времен Гражданской войны) [32]
1991-2014 гг. (нахождение Донбасса в составе независимой Украины)	<ul style="list-style-type: none"> - Рабочий регион с устаревшей, низкоэффективной и вредной для экологии промышленностью; - Низкий уровень культуры населения [35]; - Родина донецких преступных группировок; - Регион базирования донецкой олигархической группы [33]; - Пророссийский регион, противящийся построению украинской идентичности и сохраняющий русский язык; - Регион, противящийся европейскому выбору Украины
2014-2022 гг. (период неопределенного политического положения)	<ul style="list-style-type: none"> - Регион, ведущий борьбу против украинского национализма за ценности «Русского мира» [34]; - Регион с неблагоприятной экономической ситуацией (из-за остановки производств); - Регион с низким качеством жизни (из-за разрушенной инфраструктуры и блокирования Украиной поставок базовых ресурсов, в частности, перекрытия водоснабжения);

Период	Особенности имиджа Донбасса
	<ul style="list-style-type: none"> - Милитаризованный регион с непрозрачной и недостаточно эффективной системой управления; - Криминализованный регион; - Регион с низким уровнем безопасности из-за ведущихся боевых действий

Источник: составлено втором

Как показывает табл. 1., если в период 1945-1991 гг. имидж Донбасса соответствовал ценностям той страны, в составе которой находился данный регион, и, более того, играл важную роль для поддержки этих ценностей, то после распада СССР ситуация резко изменилась: в составе независимой Украины с Донбассом (с точки зрения официальных украинских ценностей) связаны преимущественно негативные ассоциации. После 2014 г., когда население ЛДНР явно заявило о своем неприятии нового националистического режима, пришедшего к власти в Киеве, и о своей ориентации на Россию, ситуация с имиджем региона снова изменилась. Имидж Донбасса стал неоднозначным: с одной стороны, в глазах России ЛДНР стал тем регионом, где идет борьба за ценности «Русского мира», и именно население ЛДНР с оружием в руках отстаивает эти ценности. С другой стороны, объективные экономические, социальные, политические и юридические проблемы, возникшие в данном регионе после провозглашения независимости, препятствуют его однозначно положительному восприятию в России.

Проблемы формирования регионального бренда Донбасса

При разработке бренда региона необходимо принимать во внимание не только те факторы, которые способствуют формированию ценности данного бренда, но и характеристики, которые могут снижать его ценность. Очевидно, что такими отрицательными факторами являются (см. табл. 1):

- сильный ущерб, причиненный экономике Донбасса боевыми действиями, который значительно усложняет ведение бизнеса и ухудшают качество жизни, и в результате создают непривлекательный образ региона. Устранение этого ущерба требует значительных инвестиций и не может быть реализовано в короткие сроки;

- на Донбассе продолжают вестись боевые действия (более того, часть ЛДНР все еще временно оккупирована Вооруженными Силами Украины), что существенно повышает риски для всех заинтересованных сторон;

- специфический менталитет населения данного региона, которое до 2014 г. жило в составе другого государства (что не могло не повлиять на формирование характерных моделей поведения), а затем пребывало в условиях непрерывных боевых действий, что также ведет к возникновению региональных поведенческих и ценностных особенностей. Эта специфика менталитета может усложнять взаимодействие местного населения, представителей бизнеса и региональных администраций с инвесторами, туристами и потенциальными сотрудниками из других областей Российской Федерации;

- неопределенность правового статуса данного региона. Несмотря на то, что, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Донецкая и Луганская Народные Республики являются частью нашей страны, добровольное вхождение этих республик в состав Российской Федерации не было признано большей частью мирового сообщества. Это создает большие риски для бизнеса, желающего инвестировать в данные регионы, поскольку он может стать объектом санкций со стороны США и их союзников. Фактически это означает, что инвесторами в данный регион могут выступать только государственные компании, а также компании, уже находящиеся под санкциями. Однако необходимо отметить, что, поскольку практически все крупнейшие компании нашей страны уже находятся под санкциями, и часть из них уже приняла стратегическое решение инвестировать в непризнанные регионы (что подтверждает выход «Сбера» в Крым), значение этого фактора несколько

снижается;

- промышленная специализация региона стала одной из причин формирования отрицательного образа его населения как низкоквалифицированных и малообразованных рабочих, не разделяющих современные ценности и склонных к криминальному поведению [35]. Хотя такой образ создавался в первую очередь во время пребывания региона в составе Украины (когда подчеркивалось, что Донбасс является пророссийским и препятствует как построению собственной украинской идентичности, так и декларируемому европейскому выбору Украины, в частности, уже после провозглашения ЛДНР в украинских средствах массовой информации стало популярным уничижительно описывать Донецк и Луганск как Донбассе и Луганду <https://www.svoboda.org/a/25450144.html>), он достаточно активно транслировался и в российских средствах массовой информации, в т. ч. и после 2014 г. Это также может вести к определенной настроенности в отношении сотрудничества с ЛДНР, в т. ч. и со стороны российского бизнеса.

Перспективные направления формирования регионального бренда Донбасса в составе Российской Федерации

Формирование бренда региона должно использовать сильные стороны новых субъектов региона и минимизировать негативное влияние слабых сторон [27, 28].

Это позволяет говорить о том, что в качестве основы для формирования регионального бренда в первую очередь может быть использован традиционный имидж Донбасса как промышленного и технологичного региона. При этом к нему может быть добавлен образ региона, имеющего большое значение для концепции Русского Мира (поскольку именно в нем сейчас идут боевые действия, цель которых – защита суверенитета и национальных ценностей нашей страны).

Отметим, что использовать угольную специализацию региона для создания бренда, на наш взгляд, нецелесообразно. Уголь как энергетический ресурс связан с предыдущими технологическими укладами, и зачастую ассоциируется с большим ущербом окружающей среды и с депрессивной региональной экономикой (примером может быть Кузбасс), в отличие от нефти и газа, которые способствуют созданию привлекательного образа региона (как это имеет место в Ханты-Мансийском автономном округе).

Более перспективным вариантом, по нашему мнению, является использование образа Донбасса как промышленного региона, в котором выстроены полные производственные цепочки от добычи сырья до выпуска конечной продукции. Важным следствием из этой рекомендации является недопустимость деиндустриализации Донбасса (несмотря на большой ущерб, причиненный промышленной инфраструктуре в ходе боевых действий). Напротив, необходимо сохранять существующие производства, проводить их техническое перевооружение и встраивать в российские производственные цепочки. В этом случае региональный бренд Донбасса может быть частично сходен с брендами таких регионов, как Свердловская и Челябинская области. Дифференцирующими признаками бренда Донбасса будут:

- более благоприятное месторасположение (теплый климат, близость моря и т. д.), предполагающее, при восстановлении инфраструктуры, большой комфорт проживания. При активном использовании этого дифференцирующего фактора можно говорить об условном позиционировании Донбасса как «азовского Урала»;

- события, связанные с гражданской войной на Украине в 2014-2022 гг. и со специальной военной операцией (начавшейся в феврале 2022 г.). Можно вспомнить, что вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. стало мощным фактором, объединившим людей самых разных убеждений и создавшим у них чувство гордости за свою страну. Аналогично, боевые действия в регионе следует рассматривать не только как причину экономического кризиса и разрушения локальной инфраструктуры, но и как возможность создать основу для нового национального консенсуса. Сотрудничество с регионом и инвестиции в него при таком подходе будут позиционироваться как усилия по возрождению экономического и политического значения России

в целом. Иными словами, регион может стать своеобразным символом возрождения нашей страны и ее единства, что способно значительно усилить региональный бренд и создать точку притяжения для работников, предпринимателей и инвесторов, желающих внести вклад в будущее процветание России. Некоторым аналогом такого подхода из нашего недавнего исторического прошлого может быть феномен «комсомольскихстроек» (отметим, что экономический и организационный инструментарий советских времен в трансформированном виде активно используется в настоящее время [10, 19, 20, 22, 23], включая и региональный брендинг – здесь можно указать на почетное звание «Город трудовой доблести», учрежденное в 2020 г. [21]).

К этому приложится и образ типичного жителя ДНР и ЛНР – работающий шахтер или заводчанин, ежедневно занимающийся тяжелым трудом, чтобы обеспечить работу региональной промышленности и готовый отстаивать свои взгляды и свою землю с оружием в руках.

Интересно отметить, что война и причиненный ею ущерб региону с точки зрения брендинга может рассматриваться с двух сторон:

- скорейшее устранение этого ущерба и демонстрация того, что боевые действия не уничтожили традиционные преимущества региона, с фактическим исключением военных событий из бренда региона. Примером такого подхода может быть Сербия, где длительные войны после распада Югославии не занимают значимого места в бренде страны (хотя следы разрушений еще остались), и акцент делается на традиционных преимуществах (сербская кухня, богатая история и т. д.);

- встраивание военных событий (и последствий войны) в систему идентичности регионального бренда. Именно такую модель, как было показано выше, мы рекомендуем для Донбасса, поскольку боевые действия, начавшиеся в 2014 г., имеют ключевое значение не только для идентичности ЛДНР, но и для идентичности России в целом.

Заключение

Несмотря на очевидную необходимость восстановления нормальной жизни в новых субъектах Российской Федерации (строительство инфраструктуры, создание жилого фонда, развитие производств для создания рабочих мест и т. д.), необходимо уделять внимание и формированию регионального бренда. Только при наличии привлекательного регионального бренда усилия по развитию региона будут осуществляться не единолично государством, и не на основе явного или неявного принуждения, а по добровольной инициативе предпринимателей, работников и инвесторов. Создание такого бренда требует тщательного анализа сильных и слабых сторон региона и перспектив его развития, разработки государственной программы по проведению соответствующих мероприятий и формирования модели взаимодействия всех стейкхолдеров регионального бренда.

В текущей экономической ситуации Донбасс не сможет самостоятельно выстроить свой бренд без государственной поддержки. Эта поддержка должна заключаться не только в продвижении имиджа Донбасса, но и в реализации мероприятий, призванных укрепить материальную основу этого имиджа (в частности, сохранении индустриальной ориентации региональной экономики за счет предоставления преференций инвесторам, использования механизма государственно-частного партнерства [13, 16] и т. д.).

Однако в случае успешной реализации такой программы Донбасс сможет достичь высокого уровня экономического развития и стать привлекательным и комфортным регионом для проживания, самореализации и ведения бизнеса. Если же региональный бренд сформировать не удастся, велика вероятность того, что инвестиции в восстановление региона окажутся напрасными – после прекращения государственной поддержки частный бизнес не пожелает инвестировать в создание и развитие локальных производств, а население предпочтет переезжать в другие, более благополучные регионы. По этой причине создание и продвижение регионального бренда ЛДНР в составе Российской Федерации является важной и актуальной задачей, и предложенные нами предварительные рекомендации могут быть использованы в качестве основы для выявления наиболее перспективных направлений создания такого бренда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hutchinson, B. What are the Ukraine 'separatist' regions at the crux of the Russian invasion / B. Hutchinson, P. Reeve. – Текст: электронный // ABC News Internet Ventures. – 2022. – URL: <https://abcnews.go.com/International/ukraine-separatist-regions-crux-russian-invasion/story?id=83084803> (Дата обращения 16.03.2023).
2. Адт, А. В. Бренд региона. Как и зачем создавать бренд региона, сколько это стоит и чем брендинг региона отличается от классического продуктового брендинга / А. В. Адт. – Текст: электронный // БрендМагия с Алиной Адт : сайт. - URL: <https://alinaadt.ru/brandingterritorii> (Дата обращения: 16.03.2023).
3. Белов, В. И. Сравнительная характеристика качества жизни населения в современной России: проблемы и пути решения / В. И. Белов, Т. В. Степанова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10(118). – С. 126-132. – DOI 10.22394/1726-1139-2018-10-126-132. – EDN YNFXQT.
4. Белоусов, В. М. Бренд региона как аспект его экономической идентичности / В. М. Белоусов, Н. З. Губнелова // Крымский научный вестник. – 2016. - № 6(12). – С. 1-15.
5. В ДНР проработают возможность открытия филиалов китайских университетов. – Текст: электронный // Донецкое агентство новостей : [сайт]. – URL : <https://dan-news.ru/world/v-dnr-prorabatajut-vozmozhnost-otkrytija-filialov-kitajskih-universitetov/>. – Дата публикации: 18 марта 2023.
6. Вузы ДНР полностью перейдут на образовательные стандарты РФ с сентября 2023 года. – Текст: электронный // Донецкое агентство новостей : [сайт]. – URL : <https://dan-news.ru/obshchestvo/vuzy-dnr-polnostju-perejdut-na-obrazovatelnye-standarty-rf-s-sentjabrja-2023/> – Дата публикации: 7 января 2023.
7. Демидов, И. И. Бренд региона как знак качества / И. И. Демидов. - Текст: электронный // Коммерсант, 30.06.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2758361> (Дата обращения: 16.03.2023).
8. Как устроена экономика Донбасса. – Текст: электронный // Российская газета : [электронная газета]. – URL : <https://rg.ru/amp/2022/02/22/kak-ustroena-ekonomika-donbassa.html>. – Дата публикации: 22 февраля 2022.
9. Корчагина, Е. В. Анализ бренда территории Северного Байкала на основе модели С. Анхольта / Е. В. Корчагина, Р. А. Шигнанова // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019 : Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 587-590. – EDN XCQZDR.
10. Котляров, И. Д. Место внутреннего краудсорсинга в системе инструментов привлечения персонала для решения нерутинных задач / И. Д. Котляров // Менеджмент сегодня. – 2016. – № 1. – С. 54-59. – EDN VLJRFL.
11. Котляров, И. Д. Накопление нематериального капитала: новая эра в развитии капитализма / И. Д. Котляров // Социальная реальность виртуального пространства : материалы IV Международной научной конференции, Иркутск, 26 сентября 2022 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. – С. 363-366. – EDN XAYVDU.
12. Курбанов, А. Х. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы / А. Х. Курбанов, В. И. Пахомов, В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 4(88). – С. 29-37. – EDN SMXGJB.
13. Курбанов, А. Х. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений / А. Х. Курбанов, В. А. Плотников // В мире научных открытий. – 2013. – № 4(40). – С. 33-47. – EDN PXILZR.
14. Макаров, П. Ю. Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций / П. Ю. Макаров, М. В. Соколова, А. Е. Илларионов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 1. – С. 66-88. – DOI 10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88. – EDN QRGZEG.

15. Минпромторг назвал перспективные для развития отрасли в ДНР и ЛНР. – Текст: электронный // Известия : [электронная газета]. – URL : <https://iz.ru/1405229/2022-10-04/minpromtorg-nazval-perspektivnye-dlia-razvitiia-otrasli-v-dnr-i-lnr> – Дата публикации: 4 октября 2022.
16. Митяшин, Г. Ю. Применение концепции совокупной стоимости владения к анализу жизненного цикла спортивного сооружения / Г. Ю. Митяшин, Е. В. Стельмашенок // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 4(117). – С. 747-751. – DOI 10.34925/EIP.2020.117.4.162. – EDN GTYUSC.
17. Палий, Н. С. Стратегические компоненты развития регионального туризма / Н. С. Палий // Проблемы развития индустрии туризма : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чита, 29 октября 2021 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 44-48. – EDN NSHINB.
18. Пирогова, О. Е. Исследование проблем повышения благосостояния граждан Российской Федерации / О. Е. Пирогова, М. Л. Макаревич // Международный научный журнал. – 2019. – № 3. – С. 14-20. – DOI 10.34286/1995-4638-2019-67-3-14-20. – EDN QXXUPO.
19. Плещенко, В. И. К вопросу об актуальности феномена трудовой династии на предприятии в условиях перехода к индустрии 4.0 / В. И. Плещенко // Менеджмент сегодня. – 2018. – № 3. – С. 172-179. – EDN XZITHN.
20. Плещенко, В. И. Межвременное сравнение отдельных организационно-экономических механизмов: прототипы и современность / В. И. Плещенко // Стратегии бизнеса. – 2020. – Т. 8, № 11. – С. 282-290. – DOI 10.17747/2311-7184-2020-11-282-290. – EDN ILYJDG.
21. Плещенко, В. И. Металлургические города трудовой доблести: историческая память и новые возможности / В. И. Плещенко // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. – 2020. – Т. 76, № 8. – С. 775-779. – DOI 10.32339/0135-5910-2020-8-775-779. – EDN BQNKXS.
22. Плещенко, В. И. Реактуализация феноменов СССР в условиях перехода к Индустрии 4.0 / В. И. Плещенко // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1(55). – С. 128-139. – EDN WCCZKP.
23. Плещенко, В. И. Социально-экономические феномены прошлого в условиях перехода к экономике знаний / В. И. Плещенко // Век глобализации. – 2018. – № 1(25). – С. 124-130. – DOI 10.30884/vglob/2018.01.12. – EDN VYQJHN.
24. Сафарова, Л. А. Бренд региона как инструмент стратегического развития / Л. А. Сафарова // Российское предпринимательство. – 2010. – № 5. – С. 135-141.
25. Шепилова, В. Г. Внутренний туризм: состояние и перспективы развития в Донецкой Народной Республике / В. Г. Шепилова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2022. – № 10(64). – С. 299-300. – EDN EKSFLE.
26. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения : Научный доклад / Под научной редакцией А.В. Половяна, Р.Н. Лепы, Н.В. Шемякиной. – Донецк : Институт экономических исследований, 2021. – 360 с. – EDN IQEENI.
27. Яненко, М. Б. Анализ инструментов управления идентичностью брендов / М. Б. Яненко // Наука и бизнес: пути развития. – 2017. – № 2(68). – С. 60-63. – EDN YKMGVL.
28. Яненко, М. Б. Формирование идентичности бренда / М. Б. Яненко // Практический маркетинг. – 2016. – № 12-1(238-1). – С. 113-116. – EDN XDNHKK.
29. Проект «Сделано в ДНР» охватил 90 процентов предприятий торговли по всей Республике – Минпромторг // Донецкое агентство новостей, 06.02.2018. Доступно онлайн по адресу: <https://dan-news.ru/ekonomika/proekt-sdelano-v-dnr-oxvatil-90-procentov-predpriyatij-torgovli-po-vsej-respublike-minpromtorg/> Проверено 15.05.2023.
30. Гайва Е., Карабут Т., Маркелов Р. Какие товары могут поставлять в Россию ДНР и ЛНР // Российская газета, 22.02.2022. Доступно онлайн по адресу: <https://rg.ru/2022/02/22/kakie-tovary-mogut-postavliat-v-rossiiu-dnr-i-lnr.html>. Проверено 15.05.2022
31. Шишка Е. А. Гражданская война в Донбассе. 1917-1920. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. –

305 с.

32.Потолов С. И. Рождение великана. Страницы летописи и борьбы рабочих Донбасса. Донецк: Издательство «Донбас», 1972. – 248 с.

33.Груздев, В. Е. Иерархия элитных сообществ современной Украины: ресурсный потенциал и политическое влияние / В. Е. Груздев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 3(39). – С. 110-113. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-3-110-113. – EDN XEROBG.

34.Халдей А. Донбасс – русский мир на украинской территории? // Regnum, 27.08.2019. Доступно онлайн по адресу: <https://regnum.ru/news/polit/2700860.html> Проверено 17.05.2023.

35.Корнилов В. Почему «истинные арийцы» ненавидят жителей Донбасса // РИА «Новости», 09.03.2022. Доступно онлайн по адресу: <https://ria.ru/20220309/donbass-1777169350.html> Проверено 17.05.2023.

Prospects for creating a brand of the regions of the Donetsk and Lugansk People's Republics within the Russian Federation

Muravyeva Darya Sergeevna

student

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University ,St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: jainlain11@gmail.com

Annotation. Intangible assets, including brands, play a key role in the modern economy. Regions also have to create their brands in order to insure their attractiveness for investors, employees, tourists and local population. This task is particularly important for new regions of Russian Federation that heavily suffered due to military activities.

The goal of the present paper is to work out recommendation for creation of regional brand for Donetsk People's Republic and Lugansk People's Republic within Russian Federation. Specific features of Donbass regions that can be used as a basis for regional brand are analyzed. A description of the transformation of the image of Donbass during the Soviet and post-Soviet period is given. It is demonstrated that the traditional view of Donbass as coal region should not be chosen as a basis for brand creation. We recommend to use associations related to the industrial image of Donbass, its southern location and its role for the values of the "Russian World".

Keywords: brand of the region, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Donbass.

Ю.А. Гагарин – это символ начала Космической Эры в развитии человечества

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: subal1937@yandex.ru

Аннотация. Данная работа представляет собой оценку героического подвига Ю.А. Гагарина как объективного закономерного итога развития всей российской и советской цивилизации. Эта оценка определяется автором с позиции развиваемой им теории ноосферизма. В этом русле дается и научная характеристика роли указанного подвига в дальнейшем развитии человечества

Ключевые слова: героический подвиг Ю.А. Гагарина; развитие российской и советской цивилизации; ноосферная концепция А.И. Субетто; роль подвига Ю.А. Гагарина в дальнейшем развитии человечества

JEL codes: A13; A14; B40; B41

*«Когда то, еще в детстве, прочитал слова В.П.Чкалова:
«Если быть, то быть первым». Вот я и стараюсь им быть и буду до конца»
Ю. Гагарин*

- 1 -

12 апреля 1961 года Юрий Алексеевич Гагарин стал космонавтом СССР №1, Героем Советского Союза, первым человеком за всю историю человечества, кто, благодаря успехам советской космонавтики, советского ракетостроения, гению Главного Конструктора Сергея Павловича Королева, на космическом аппарате облетел вокруг Земли и успешно приземлился на родную землю. Этим полетом началась Космическая Эра, космическая история человечества, начался Ноосферно-Космический Прорыв в Будущее. И начался он в СССР – России, в стране, которая первой совершила Социалистический Прорыв человечества в начале XX-го века, в 1917 году.

Он прожил короткую, но очень яркую жизнь. Родился 9 марта 1934 года в деревне Клушино Гжатского района Смоленской области и погиб 29 марта 1968 года, во время выполнения тренировочного полета на истребителе МиГ-15 вместе с инструктором, командиром авиаполка, Героем Советского Союза полковником Владимиром Серегиным, когда самолет, по неизвестным причинам (гипотез много), вошел в штопор и врезался в землю.

Ю.А.Гагарин прожил 34 года, но каких! Раннее детство, проведенное в деревне Клушино, вместе с братьями и сестрами во главе с великой матерью Анной Тимофеевной. На детство выпало самое тяжелое испытание – Великая Отечественная война, оккупация немецко-фашистскими захватчиками. «Пресекая жизнь людскую, фашизм никого не щадил. И вечная ему за то ненависть, беспредельное непрощение. Да, война могла унести Юру, и леденеет сердце при мысли об этом». – так писал в удивительном по духовно-творческому накалу эссе «Сын России» писатель Альберт Лиханов.

И далее он так продолжил свою мысль:

«Но судьба хранит своих избранных. Вместе с братьями и сестрами щипал мальчуган в оборванной одежде первые травинки по весне, чтобы суп сварить. Плакал бессильно и в ненависти сжимал кулаки, когда фашисты угоняли в неволю брата и сестру, и казалось в отчаянии, они никогда не вернуться. Зоя и Валентин, шагающие по улице под прицелом беспощадных винтовочных дул. Жил в землянке во дворе собственного же дома, а в доме гоготали враги. Нет ничего печальней,

когда страдают дети. Но когда дети страдают вместе со всей страной – печаль эта рождает великую силу. Ненависть, гнев и воля взрослых пускают корни в детях, рождает надежное продолжение непокоренности» .

Автор этого очерка моложе Юрия Гагарина на 3 года, также относится к поколению детей войны, которое выросло достойным своих отцов – воинов Великой Отечественной войны, воинов-победителей, которое подхватило эту эстафету непокоренности и понесло дальше, в будущее, творя и создавая великую космическую державу – СССР. Автор подтверждает это глубокое по мысли наблюдение писателя.

После 6-го класса Гагарин, как его не уговаривали, оставляет школу и уезжает учиться в ремесленном училище, чтобы обрести мужскую специальность литейщика. «Ремесленное окончил отлично, послали в Саратов, в индустриальный техникум – все по той же литейной специальности. Записался в аэроклуб» . Об этом выборе он так потом сказал: «Чтобы стать крылатым, нужно стремление к полету». Аэроклуб и стал началом его профессионального подъема к своей космической миссии. Военное летное училище в Оренбурге – то училище, в котором когда-то учился Валерий Чкалов. Летчик-истребитель. Военное офицерское братство и крылатое счастье. «Авиация крылата не зря. Она крылата как счастье. Люди встречаются друг друга... К крылатой профессии прибавилось счастье. Такое же солнечное. Ведь самолет, прорываясь сквозь облака, всегда выходит к солнцу. Всегда. Жизнь – другая штука, но она похожа на полет. И тогда сквозь любые тучи проглянет солнце. Главное – набрать высоту. В небе. В сердце. Ее звали Валентиной» .

И Валентина, жена будущего космонавта, ведь тогда она еще не знала его будущей судьбы, оказалась достойной подругой жизни, пронесла верность своему избраннику через всю жизнь.

Служба летчика-истребителя. Назначение на Север. А в это время отечественная ракетная техника, благодаря самоотверженной работе многотысячных коллективов ученых, конструкторов, рабочих, военных строителей, завоевывала одну вершину успехов и прогресса за другой. 4 октября 1957 года был запущен первый спутник Земли и русское слово «спутник» зазвучало на языках всех народов Земли. И Гагарин берет лист бумаги и пишет рапорт о своем зачислении в космонавты. По этому поводу А.Алиханов размышляет так: «Над Землей летали спутники. В космос их выбросили ракеты. Подобные тем, что придумывал Циолковский. В спутниках лают собаки. Значит... Какая такая власть заставила его взять лист бумаги и ручку, сесть за стол и написать рапорт. Кому – понятно, но о чем?.. Можно догадываться, предполагать – да, можно. Но точно никто ни о чем не знает. И в это неизвестное – рапорт. С просьбой конкретной и четкой. Ведь это армия, а не фантастический роман. Его вела власть души и сердца, помноженная на желание и молодость. Пока он только рвался в новое дело. Полет на ракете отличался от авиации. Но туда, в это волшебное-странное дело, должны прийти летчики. Он послал рапорт, его вызвали на новую работу... Испытания на невиданных тренажерах. Освоение новых разделов наук. Медицинские исследования. Прыжки с парашютом. Судьба точно провела жирную линию. То, что было раньше, – важные, но только лишь предпосылки к будущему. А будущее требует сверхсерьезного отношения, учебы, поиска. Все начиналось в ту пору. Первые ученики и первые учителя. Новые курсы лекций. Новые способы испытаний. Они жили, работали, тренировались, вовсе не думая об истории. А она неслышным шагом входила в их жизнь. В жизнь страны. И мира» .

Как это было? В январе 1960 года. Центр подготовки космонавтов возглавил полковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов.

Он формировал первую группу космонавтов. Приказом Главкома ВВС маршала Вершинина от 7 марта 1960 года на должности слушателей-космонавтов Центра подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС были назначены: Иван Аникеев, Валерий Быковский, Борис Волинов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов и Григорий Шонин. Затем число членов отряда было доведено до 20-ти членов.

С самого начала, при активном участии Сергея Павловича Королева, был взят курс на

универсальную научно-исследовательскую, летную, физическую подготовку с максимальным учетом самого широкого спектра неожиданных нештатных ситуаций. В космос должен был отправиться универсальный человек, и не только в смысле профессионального универсализма, но в первую очередь – духовно-нравственного, мировоззренческого универсализма, потому что космонавт – это тот человек, который встречается в широком смысле с универсализмом Космоса.

Спорт, физкультура, часовые зарядки на открытом воздухе в любую погоду, игровые занятия, сменяющиеся спортивной гимнастикой, прыжки с парашютом в любую погоду, тренировки в барокамере и т.д., и т.п. Парашютную подготовку осуществлял рекордсмен мира по парашютным прыжкам Николай Константинович Никитин. Он поставил задачу: уровень парашютной подготовки каждого из космонавтов за 20 дней должен стать таким, чтобы каждый из них стал инструктором парашютной подготовки. И вот что главное – он добился выполнения этой фантастической задачи.

Но полет Гагарина, который случился менее чем через год 12 апреля 1961 года, готовился всей страной. В этом полете как в «фокусе» отразился космический прорыв всей великой социалистической страны, в нем отразились все достижения отечественной науки, техники, конструкторской и проектной мысли, достижения во всех областях промышленности и строительства, труд рабочих, военных строителей, строивших космодромы и ракетные базы, воинский труд офицеров и солдат становящегося нового рода войск – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Интересно, что автор – слушатель Ленинградской Краснознаменной Военно-Воздушной инженерной академии им. А.В.Можайского, специализировавшийся в инженерной области базирования морской авиации, впервые в СССР, с марта по август 1959 года работал над дипломом по разработке проекта ракетной базы (с посадкой на определенной местности в СССР) для ракеты – аналога американской ракеты «Атлас», с детальной разработкой защищенного командного пункта управления. А потом, так судьба распорядилась, что после выпуска попал на строительство космодрома «Плесецк», на строительство стартового комплекса, подобного тому на космодроме Байконур, с которого «взлетел» в «небо», чтобы покорить Космос, Юрий Алексеевич Гагарин. И отдал 10 лет службы и воинского труда космодрому «Плесецк».

Альберт Лиханов так красочно описал вот этот процесс, который привел к знаменательному старту и гагаринскому возгласу по радиосвязи «Поехали!» .

«Это походило на два рукава одной реки. Они двигались навстречу друг другу, зная о том, что надо слиться. Отряд летчиков готовился к неожиданному. К неожиданному готовился отряд конструкторов. А еще инженеры, рабочие. Не один инженер и не один рабочий. У них уже был опыт. Мощные ракеты навешивали над планетой яркие звездочки спутников, но одно дело спутники, даже самые надежные и совершенные. Другое дело – человек. Отлаживались, становясь все лучше, ракеты. Готовились люди. Две реки стремились друг к другу, чтобы соединиться. А сдвигал реки человек. У него были помощники и друзья, много помощников и друзей. Но был еще он сам. Человек мощного ума, великой воли, огромного интеллекта, колоссальных знаний. Но прежде всего громадного таланта. При жизни его имя берегла тайна, немногие знали, кто есть кто в деле, которое затевалось. Человек по имени Главный Конструктор сдвигал две реки, чтобы слить в одно целое, в один избранный день, который потом называли великим».

И этот день наступил – день 12 апреля 1961 года, ставший днем начала Космической Эры человечества. Гагарина выбрал Сергей Павлович Королев.

По А. Лиханову это происходило так:

«Настал день выбора. Каждый достоин, каждый готов. А когда все равны среди равных, решает как будто несущественное. Одна деталь. Подробность, которой суждено облечься песнями. Припомнив все мыслимые достоинства, Главный увидел улыбку нашего героя. Открытую, как душа народа, добрую, как его слава, мягкую, как его песня. Этот летчик улыбался так, как никто не мог. Никто не умел. Эта улыбка сулила удачу. Точно утверждая улыбку героя, Главный поставил подпись «Королев».

Добавлю только, что улыбка, как и радость, есть эмоция, отражающая освоение будущего (через творчество, через свои деяния) и соответственно есть один из важнейших факторов устойчивости психики человека-творца.

Гагарин взлетел в Космос. Впервые в истории человечества. Взлетел в неизвестность, со множеством факторов риска, «работающих» на то, чтобы оттуда живым не вернуться, а может быть и не вернуться вообще. Взлетел первым из всех людей на Земле, как живущих, так и живших. И вернулся на Землю с Победой.

И снова передаю слово А. Лиханову :

«Космос нужен разуму, которым мы обладаем. Космос важен разуму, значит, нам. Разуму должно вырваться за пределы Земли. Тише, тише, люди, вот она, поступь истории. Затаите дыхание. И запомните день. Двенадцатое апреля. Шестьдесят первый год. Двадцатый век. Он проснулся. Он надел скафандр. Сел вместе с дублером в автобус. Сошел с него и двинулся к Главному, не справившись лишь с одним – с улыбкой. Он сказал товарищам: «Один за всех, и все за одного!». А когда двадцать миллионов лошадиных сил тронули его корабль, крикнул: «Поехали!». Человек преступил таинственное. Прорвал оболочку стратосферы, вырвался в космос. Затаите дыхание, люди. Мир ловит голос Москвы. Ее особо важное сообщение. Человек в космосе. И не просто человек. Его имя Юрий. Фамилия – Гагарин. Тише, люди, тише. Вслушайтесь в рокочущий голос минувших эпох. Вглядитесь в патину прошлого мира. Смотрите! За плечом нашего героя скорбь князя Игоря, мужество ратников Дмитрия Донского, задумчивый лик Михайлы Ломоносова и смеющиеся глаза нетленного Пушкина. За его плечом – Циолковский, Чкалов, тронутые голодом лица ленинградцев, выстоявших блокаду, и славная гвардия героев труда. История вступила в свои права, отливая каждый шаг и каждое мгновение, каждое слово и каждый поступок в вечный материал бессмертия» (выдел. мною, С.А.).

- 2 -

Первый полет Ю.А.Гагарина вокруг Земли, за пределами стратосферы, возвестил о начале Ноосферно-Космического Прорыва человечества, который предвидели К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский, А.Л.Чижевский, и который начался со старта с территории первой страны социализма на Земле – СССР – России, как бы подводя итог ноосферно-космическому поиску всей Эпохи Русского Возрождения.

Понимал ли Юрий Гагарин значение этого полета в пространстве смысла своей жизни? Понимал. Он писал: «Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты».

Понимал ли Юрий Гагарин, что это именно успех советской страны, что это заслуга коллективного гения советского народа? Понимал. Он так по этому поводу и высказался:

«Наш народ своим гением, своим героическим трудом создал самый прекрасный в мире космический корабль «Восток» и его очень умное, очень надежное оборудование. От старта и до самого приземления у меня не было никакого сомнения в успешном исходе космического полета. Мне хочется от души поблагодарить наших ученых, инженеров, техников, всех советских рабочих, создавших такой корабль, на котором можно уверенно постигать тайны космического пространства. Позвольте также мне поблагодарить всех товарищей и весь коллектив, подготовивший меня к космическому полету. Я убежден, что все мои друзья – летчики-космонавты, готовы также в любое время совершить полет вокруг нашей планеты. Можно с уверенностью сказать, что мы на наших космических кораблях будем летать и по более дальним маршрутам. Я безмерно рад, что моя любимая Отчизна первой в мире совершила этот полет, первой в мире проникла в Космос. Первый самолет, первый спутник, первый космический корабль и первый космический полет – вот этапы большого пути моей Родины к овладению тайнами природы».

Юрий Алексеевич Гагарин – это символ Космического Прорыва первой в мире страны социализма – СССР в XX веке, который стал закономерным продолжением Русского Прорыва человечества к социализму в 1917 году – продолжением Великой Русской Социалистической

Революции! Не понимать этого – значит не понимать Величия Свершенного Советской Эпохой в XX веке!

«Все великое творимо народом, – справедливо замечает Альберт Лиханов. – Даже созданное одним – мыслителем, ученым, поэтом, – в конце концов, сотворенное народом. Пушкин – один. Был и будет. Но сам он – вершина народной духовности. Как Ломоносов. [Как Гагарин]. Народ творит людей. Народ творит бури. Сродни волне, сметающей на своем пути гниль, весенней грозе, омывающей раннюю зелень, молнии, разрывающей тьму, – пронеслась над Россией революция. Сравнения неточны. Волна и гроза стихийны. Буря народная направлена в точное русло, поток снес плотину. У русской революции чудесная особенннка. Сметая, она созидала. Разрушая, строила. Широки крылья мечты. А еще шире – крылья реальности. То там, то тут, то в одном, то в другом месте даже для глаз невидимо становилась жизнью, правдой, делом. Сын крестьян, поколениями неграмотных, стал инженером. Дочь рабочих, племен униженных и оскорбленных, стала летчицей. Бывшее чьим-то стало общим. Как удивительный цветок, расцветала, сияла ярким светом народная сила, народная воля, народный почин, народный энтузиазм. Являлось доселе не виданное, слыхом не слыханное: государством правил народ, исчезла бедность, каждый был равен другому, и каждый отвечал за страну. Время рождало новые понятия. Время рождало новых людей, новую мораль, новое сознание. Революция, сотворенная народом, стала его достоянием, его честью, его совестью. Можно сказать: [Гагарин] рожден бурей!» (выдел. мною; там, где я использовал выражение «[Гагарин]», у А.Лиханова стоит местоимение «он»; С.А.) .

Ю.А.Гагарин, его космический подвиг, как и космический подвиг К.Э.Циолковского и С.П.Королева, приведший к полету первого человека в Космос, рожден Великой Октябрьской социалистической революцией, творчеством труда как в науке, в образовании, в культуре, так и рабочих и крестьян, ставшего властью над общественным капиталом. К.Э.Циолковский, скромный учитель, преподаватель математики, геометрии и физики, исследователь воздухоплавания и ракетного движения, превратился в величайшего ученого-гения, Титана Эпохи Русского Возрождения, увязавшего необходимость «наступления разумного и умеренного общественного устройства на Земле» с космическим прорывом человечества, когда «техника будущего даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей солнечной системе» .

- 3 -

Поставим вопрос: «Случаен ли Прорыв человечества в Космос, в Космическую Эру, символом которых стал Ю.А.Гагарин, именно с России – СССР?».

Ответ – не случаен, а закономерен.

Почему?

Ответ на второй вопрос многомерен.

Первое

Первым основанием этого Прорыва служит Эпоха Русского Возрождения (XVIII – XXI вв.), включающего в себя три цикла своего развития:

- Петровско-Ломоносовский («романтический») цикл (~ 1710 ÷ 1820гг.);
- Пушкинский («универсалистский») цикл (~1810 – 1820гг. ÷ 1910 – 1920гг.);
- Вернадскианский («ноосферно-космический») цикл (~1910 – 1920гг. ÷ ?).

Философско-культуроведческая новация под именем «Эпоха Русского Возрождения» введена мною в 2003 – 2005гг. и попытка ее более-менее фундаментальной аргументации была выполнена в первом томе задуманной монографической серии «Эпоха Русского Возрождения» в 2008 году.

«Петровско-Ломоносовский цикл» – так назван автором первый цикл Эпохи Русского Возрождения в честь императива Петра I, как великого русского реформатора и великого русского мыслителя, стоящего у начала основания русской академической науки и русского университетского образования.

М.В.Ломоносов – «фокус» первого цикла. Он предстает перед отечественной и всемирной историей не только как универсальный гений русской науки, заявившей о себе миру так мощно и полно, но и как первооткрыватель русской истории (противостоящей норманнской версии Г.Ф.Миллера), как русский поэт и живописец, создатель первой русской грамматики, создатель технологий горного дела, инициатор ряда экспедиций в Сибирь и на Север, первооткрыватель производства русского фарфора и т.д. В его творчестве, с одной стороны, проявлен символ возрожденческого русского пафоса петровско-елизаветинско-екатерининской эпохи, а, с другой стороны, раскрылась интегративно-космическая, синтетическая форма самовыражения XVIII века как века подъема Русского Возрождения, несущего в себе смысл возрождения русского духовного гения, его раскрепощения для новой волны исторического творчества. Этот «романтический» цикл украшают такие имена русских творцов – гениев Русского Возрождения, как И.Т.Посошков, Г.Р.Державин, А.В.Суворов, А.Н.Радищев, Е.Р. Дашкова-Воронцова, А.Т. Болотов, Ф.Ф.Ушаков и другие.

«Пушкинский цикл» Эпохи Русского Возрождения назван автором в честь А.С.Пушкина, не только великого русского поэта, «солнца» русской поэзии, но и не менее великого русского мыслителя, историка, словесника, личности космопланетарного, если воспользоваться категорией ноосферы В.И.Вернадского, появившейся уже в начале XX века, – ноосферного, масштаба. Именно в 1834 году гениальный русский провидец и писатель Н.В.Гоголь увидел в Пушкине идеал русского человека, который будет достигнут через 200 лет. Отмечу сразу же, что Ю.А.Гагарин, первый покоритель Космоса, стал таким воплощением идеала русского человека, воплощением пушкинской гармоничности, солнечной радости и красоты.

В своей знаменитой речи, при открытии памятника Пушкину в Москве, Ф.М.Достоевский подчеркнул: Пушкин – наиболее яркое воплощение личности русской души, души русского народа, состоящей в той всемирной отзывчивости и склонности к всепримирению, под знаком которой прошло, по Достоевскому, все 200-летие, начиная с петровской реформы.

«Пушкинский цикл» несет на себе печать универсализма пушкинского гения и поэтому автор назвал его еще и универсалистским. Данный цикл представлен такими великими творцами и исследователями, титанами Русского Возрождения, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М.Ю. Лермонтов, Н.Ф. Федоров, Д.И. Менделеев, А.Н. Энгельгардт, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, В.В. Докучаев, К.Н. Леонтьев, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Н.Я. Данилевский, А.Ф. Можайский, К.П. Победоносцев, Н.Е. Жуковский, А.П. Чехов, А.М. Бутлеров, И.И. Срезневский, И.М. Сеченов, В.С. Соловьев, К.А. Тимирязев, А.С. Попов, С.О. Макаров и др. Уже «пушкинский цикл» заложил основы универсально-космического мировидения, которые наиболее ярко представлены в философии общего дела Н.Ф. Федорова, а затем нашли свое развитие в космической философии хозяйства С.Н.Булгакова, в учении о биосфере и ноосфере В.И.Вернадского, в научно-космической школе мироведения Н.А. Морозова, в основах теоретической космонавтики, заложенных творчеством К.Э. Циолковского.

Третий цикл Эпохи Русского Возрождения – вернадскианский – был назван автором так в честь величайшего всемирно-исторического гения Владимира Ивановича Вернадского, «Ломоносова XX века», создателя учения о биосфере и ноосфере, ученого-энциклопедиста, Титана Эпохи Русского Возрождения.

Вернадскианский цикл – вершина ноосферной и космической устремленности всей Эпохи Русского Возрождения, расцвет русской и советской науки и культуры, успехов в развитии авиакосмических технологий и техники, апофеозом которых стал ракетно-космический прорыв советской державы, запустившей первой в истории человечества спутник Земли 4 октября 1957 года и на космическом орбитальном аппарате первого человека в лице Юрия Алексеевича Гагарина 12 апреля 1961 года.

Вернадскианский цикл представлен такими Титанами Эпохи Русского Возрождения как В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.М. Горький, А.Л. Чижевский, С.П.Королев, И.В. Курчатов, М.В.

Келдыш, Н.К. и Е.И. Рерихи, Н.Г. Холодный, И.А. Ефремов, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Л.Н. Гумилев, В.Н. Тимофеев-Ресовский, Б.Л. Личков, О.Ю. Шмидт, Н.И. и С.И. Вавиловы, И.М. Губкин, В.А. Обручев, И.П. Павлов, Н.А. Морозов, Л.С. Берг, А.И. Берг, А.Н. Северцев, Б.Е. Патон, Р.В. Козлов, В.А. Ковда, А.Л. Яншин, Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев, Ю.М. Осипов, В.Т. Пуляев, А.А. Зиновьев, К.Я. Кондратьев, Н.Д. Кондратьев, П.Г. Кузнецов, Н.А. Козырев, А.Ф. Лосев, А.А. Любищев, М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, А.Н. Туполев, П.Л. Капица, В.М. Бехтерев, А.А. Любищев, В.Л. Комаров, М.А. Шолохов, В.В. Маяковский, Л.М. Леонов, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, М.П. Щетинин, А. Твардовский, Ф.И. Гиренок, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Фурсов и другие.

Эпоха Русского Возрождения – особое явление всемирно-исторической логики развития культуры человечества, в определенном смысле отрицающее ценностные основания Эпохи Западно-Европейского Возрождения.

Эпоха Западно-Европейского Возрождения, если к ней отнести XVIII век, как век Просвещения, охватывает исторический период с XIV века по начало XIX века. Ее «стержень» – устремление к индивидуалистической, буржуазной свободе, т.е. свободе капитала, прославление физической телесности человека, «прометеевский» дух покорения природы ради обогащения человека. Ее естественным результатом стал западноевропейский и англоамериканский капитализм, переросший в XX веке в глобальный империализм, пытающийся превратить все население Земли, за пределами «метрополии» («золотого миллиарда»), и территорию их проживания, в свою экономическую колонию.

Данному ценностному архетипу западноевропейского - англоамериканского капитализма или империализма дал оценку А.Дж.Тойнби: «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять... можно заключить, что человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. В то же время совершенно очевидна насущная единственная альтернатива миру – самоуничтожение, к чему подталкивает человечество гонка ядерных вооружений, невосполнимое истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды».

Начало XXI века фактически знаменует собой, процессами развивающейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, – окончательное исчерпание потенциала развития, заложенного Эпохой Западно-Европейского Возрождения. Капитализму, эгоцентризму строя мировой капиталократии подписала Экологический Приговор сама Ее Величество Природа, т.е. сам Космос.

Эпоха Русского Возрождения по своему ценностному архетипу – другая, она выстраивается на космическом альтруизме, на ответственности человека за все, что он творит на Земле, она обращена к красоте «космической телесности» человека, к коллективизму, общинности, соборности, к любви не только к ближнему, но и дальнему, к кооперации и содружеству.

Гавриил Романович Державин в знаменитом стихотворении «Бог» так представил «Бога» и «Человека»:

«Бог»:

«О ты, пространством бесконечный,
Живой в движенье вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем Бог!»

«Человек»:

«Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог»

Космичность человека – это не просто фиксация космического измерения человека, его Разума, но и одновременно означает его космическую, ноосферную ответственность в своем творчестве, в своем труде на Земле. Эпоха Русского Возрождения в своем космо-ноосферном «векторе» рефлексии взыскует к космо-ноосферной ответственности человека и через эту ответственность – к очеловечиванию человека, к раскрытию его поистине космического и ноосферного призвания.

Совпадение 3-го, «вернадскианского» или «ноосферно-космического», цикла Эпохи Русского Возрождения в XX веке с советской, социалистической эпохой и с Космическим Прорывом СССР – России, символом которого стал прекрасный облик, с прекрасной открытой улыбкой, Юрия Алексеевича Гагарина, есть не случайность, а закономерность, кроющаяся в самих основаниях бытия российской цивилизации и русского народа, в самой космо-ноосферной направленности всей Эпохи Русского Возрождения, а если глубже взглянуть – то всей логики движения оснований русской истории и российской цивилизации.

- 4 -

Второе

Вторым основанием этого Прорыва и явления миру этого чуда в лице первого русского и советского одновременно космонавта Юрия Алексеевича Гагарина является советская эпоха, советская цивилизация в лице СССР, творческое торжество раскрепощенного от гнета капитала труда простых людей – представителей всех народов и национальностей, союз которых превратился в единую историческую и социалистическую общность одновременно – советский народ.

В «Слове о советском человеке» – разделе монографии «Слово о русском народе и русском человеке» (2013) автор писал :

«Советский человек – это высшая форма развития русского человека и всех представителей народов и национальностей, проживавших на территории СССР...

Советский человек!.. – Это явление нового человека миру, которого история человечества не знала, человека – альтруиста, человека раскрепощенного труда, человека, для которого творящая социальная несправедливость в любом уголке Земного Шара становилась личным делом, личной болью, человека, впервые в истории человечества, сознательно созидавшего свое будущее и будущее будущих поколений советских людей».

По поводу оглушительного космического успеха СССР, связанного с полетом Гагарина, Президент США тогда сказал: «русские победили нас в соревновании за Космос за школьной партой».

Эта высокая эффективность советского общества и советской экономики базировалась не только на высоком уровне организации единого народного хозяйства, планирования и управления социально-экономическим развитием, но и на социалистической по основаниям человеческой революции, благодаря которой появился особый феномен человеческого качества – советский человек.

В лице Гагарина первым в Космос прорвался советский, социалистический человек, для которого общественное, народное, наше, общее даже выше, чем мое. И этот космический прорыв советского человека уже олицетворял собой одновременное новое качество самой наступающей исторической эпохи, соединяющей социализм с космосом. И этот синтез социализма с космосом и есть та «Ноосфера

Будущего», т.е. новое Качество Биосферы, в котором человеческий Разум поднимается на высоту космической Ответственности за Будущего всего Живого на Земле.

- 5 -

Третье

Третье основание – это Русский Космизм. Иными словами, Прорыв человечества в Космос, в Космическую Эру именно с России – СССР, был подготовленным Русским Космизмом, как особым течением научно-культурной, философской и православно-духовной мысли в русской культуре и в целом – в Эпохе Русского Возрождения.

Русский Космизм, как русская космическая философия, уходит своими корнями в глубину веков истории, и в определенном смысле так же древен, как древен в своих корнях русский язык. А поэтому можно утверждать, что, с одной стороны, Русский Космизм – один из источников Эпохи Русского Возрождения и ее Космического Прорыва, а, с другой стороны, важнейшая составляющая содержательного наполнения Эпохи Русского Возрождения, наиболее полно себя проявившая в «вернадскианском цикле», в творчестве К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, С.П. Королева, в практической советской космонавтике XX века и начала XXI века.

Г.С. Батищев подчеркивал, при анализе феномена Русского Космизма, что он, Русский Космизм, стал «провозвестником новой парадигмы в культуре» – парадигмы «гармонически – полифонической, междусубъектной», в том числе провозвестником «конца человеческого антропоцентризма, включая и коллективный общечеловеческий своецентризм и геоцентризм» [14, с. 232].

Русский Космизм – это творчество многих Титанов Эпохи Русского Возрождения, таких как Ломоносов, Державин, Пушкин, Достоевский, Толстой, Н.Ф. Федоров, Н.А. Кибальчич, К.Э. Циолковский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, Ф. Цандер, Н.И. Рынин, Н.А. Морозов, С.П. Королев, Н.Н. Моисеев и другие.

В. Чивилихин в романе-эссе «Память» поставил вопрос:

«Почему все же – Каразина, Кибальчича, Федоровых, Циолковского, Цандера, Кондратюка дала Россия, а не какая-либо другая страна, более развитая в социальном, экономическом, научном отношениях?». И на основе своего исследования отвечает, что русская мысль в этой области научного поиска и обобщения, обращенной своим взором в Космос, за пределы Земли развивалась «с опережением». «Почему это происходило? Оставляя простор для самостоятельных размышлений читателя, думаю о психологическом складе и талантливости нашего народа, лучшие представители которого всегда искали истину, как бы глубоко она ни пряталась, как бы велики ни были препоны на пути к ней и каких бы жертв этот поиск не требовал... Может отгадка таится именно в нашей тяжелой и неповторимой тысячелетней истории, которая, как гигантский айсберг, вынесла в XIX – XX веках на поверхность этот феномен мировой культуры, – сияющее цветение материи в виде мыслей, чувств и деяний великих писателей, ученых композиторов, живописцев, борцов за общественное благо?».

Недавно в газете «Завтра» была опубликована беседа философов Вячеслава Данилова и Фёдора Гиренка под названием «Мыслить по-русски». На вопрос В. Данилова «Что сегодня означает «мыслить иначе»? Фёдор Иванович Гиренок ответил так: «Это значит мыслить по-русски, то есть наяву погружаться в сновидения... Когда мы стали сами смотреть на мир своими глазами, мы получили русскую литературу, русскую музыку, живопись, театр... Мыслить по-русски – значит так соединить воображение и язык, чтобы в нем, в соединении оставались следы нами прочитанных книг, прослушанных сказок, увиденных снов, мыслей, которые нам дороги, картин, которые нас вдохновляют» .

Русское мышление – космическое мышление, несущее на себе «печать» большого «пространства-времени» (хронотопа) бытия России как евразийской, самой холодной (с самой высокой энергостоимостью воспроизводства жизни общества) цивилизации. Воскликание Юрия Гагарина во время старта ракеты с космодрома Байконур «Поехали!» отразила эту глубинную связь души русского человека, его культуры с этим огромным пространством-временем его бытия.

Русский Космизм заложил в том числе, не только теоретические, философские, мировоззренческие, духовно-нравственные основы русской – советской космонавтики, но и ее технические (технологические) основы.

В «Слове о русском народе и русском человеке» автор писал :

«Это был великий Русский Космический Прорыв XX века. У его истоков – творчество таких космистов, каковыми были А.Ф. Можайский, Н.Е. Жуковский, С.А. Чаплыгин, Н.А. Кибальчич, К.Э. Циолковский, Ф.А. Цандер, Ю.В. Кондратюк, С.П. Королев, Г.Н. Гамов, А.Л.Чижевский и др. Через прорыв в русском воздухоплавании и в развитии теории динамики движения ракет, и в самом ракетостроении, – к космическому прорыву. Советская орбитальная система «Мир», не имеющая аналогов в мире, станция «Фобс» для исследования Марса и его спутника, универсальная ракетно-космическая транспортная система «Энергия» (первый успешный запуск был произведен 15 мая 1987 года; и которая по многим техническим решениям – двигательной установке, уникальной системе автоматического управления, которая впервые в мире обеспечила автоматическую посадку «Бурана», не имевшая аналогов в мире), и другие космотехнические достижения... – достаточно ярко отражают восходящий космический гений русского народа, корни которого уходят в глубину космической философии и космического миропонимания России».

Юрий Алексеевич Гагарин – это символ апофеоза космического гения русского народа и всего советского народа в XX веке. И появившись однажды, именно как символ высшей формы проявления космической устремленности гения русского народа и всей Эпохи Русского Возрождения, он уже не померкнет никогда, пока будет живо человечество, а, наоборот, превращается в некий своеобразный «пржектор» на «носу корабля человеческой истории», освещающий будущий путь космических и ноосферных свершений России и всего человечества не только в веке XXI-ом, но и в последующих веках III-го тысячелетия с Рождества Христова.

- 6 -

Каков смысл XXI века?

И в чем состоит символическое значение Ю.А. Гагарина, если иметь в виду смысл XXI века?

В 2010 году автор посвятил «смысловедению» целую монографию, разделы которой были опубликованы вначале в монографии «Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке» (2010). Затем она уже была опубликована в 2012 году под названием «Ноосферное смысловедение».

В ней автор писал:

«Смысл – это осознание того, что отображает человек в себе, в своем интеллекте, разуме»; «Поиск смысла – это поиск смысла жизни самого человека, который никогда не прекращается, пока длится его история... «Смысл» как понятие вбирает в себя результат познания мира, и результат его ценностного освоения, т.е. освоения мира через призму пользы, значения тех или иных объектов и процессов для жизни человека, его трудов и творчества... Осознать смысл – значит понять. А понимание – основа общения не только между людьми, но и между человечеством и Миром».

На рубеже 80-х – 90-х годов XX века произошел, по оценке автора, переход глобального экологического кризиса, который, по ряду оценок, начался в 60-х годах XX века, в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

И главная причина этого события кроется в капитализме, в рыночно-капиталистической форме хозяйствования, в строе мировой финансовой капиталократии, который носит характер глобального империализма.

Дэвид Кортен назвал последнюю стадию в развитии империализма, которую автор определил как «глобальный империализм», «экономической глобализацией», подчеркивая, что она формирует «дисгармоническое общество, которое на каждом шагу порождает патологическое поведение: насилие, чрезмерную конкуренцию, самоубийства, наркоманию, алчность и разрушение окружающей среды... Трехсторонний кризис углубляющейся нищеты, экологического разрушения и социального распада есть проявление дисфункции (мое замечание: капиталистической дисфункции!!!, С.А.) общества» .

Следует обратить внимание на символическое совпадение: прорыв человечества в лице знаменитого полета Ю.А.Гагарина в Космос с территории СССР – первой социалистической страны в мире в 1961 году – и одновременно начало в это же время глобального экологического кризиса по причине антиэкологического содержания всей мировой системы империализма, которой в XX веке стал противостоять социализм.

В чем состоит смысл этого символического совпадения?

В том, что единственный путь у человечества, выводящий из экологического тупика Истории, – это социализм, но социализм нового качества в моей оценке – Ноосферный (духовный, экологический) социализм. И одновременно именно он несет в себе будущую космическую миссию человечества, «гены» становления космической эры в развитии всего человечества как земной цивилизации. Именно гагаринский взлет человечества в Космос стал своеобразной «точкой отсчета» этой космической эры. Мы, люди, этого еще не осознали, а «часы» космической эры уже «заведены», и они уже начали отбивать такт космической, и одновременно – ноосферно-социалистической, истории.

Космическая эра, подчеркну еще раз, и капитализм, тем более в стадии глобального империализма, – вещи несовместные!

Рыночно-капиталистический человек породил первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы на Земле. Разве Космос может принять такого человека как своего со-творца? Нет.

А.П.Федотов этот трагический итог для рыночно-капиталистической цивилизации сформулировал в виде третьей аксиомы своей «Глобалистики» под названием «О гибели космических цивилизаций» :

«Любая космическая цивилизация, Земная или внеземная, оставленная на стихийное, неуправляемое развитие, растрчивает свою творческую энергию на бессмысленную борьбу внутри «общества» за планетное господство и материальное богатство, выходит за «антропогенные» пределы своей планеты и погибает на ранней стадии своего развития».

В «Ноосферизме» в 2001 году автор отмечал :

«Тенденция «Истории капитала» к становлению «Капитала-Бога» есть тенденция движения к капиталистической смерти человечества. «Капитал-Бог» как абсолютная капиталовласть (в своей интенции) над миром человечества («большие деньги» управляют «историей» по Соросу), как власть «капиталоденег» над жизнью людей есть не только Антибог в смысле отрицания «богов людей», но и есть Антижизнь, Античеловек. «Капитал-Бог» есть фетишная форма тенденции в развитии капитала не только к освобождению от труда («фиктивный» или «спекулятивный капитал», «деньги над деньгами», рост безработицы, безработица как спутник капитализм), но и к освобождению от человека вообще. Дух Капитала – античеловечен. Ему нужен только «мертвый», «денежный» человек, освободившийся под давлением сверхстрасти к сверхбогатству, к капиталистическому господству над миром (подобно «скупому рыцарю» А.С.Пушкина) от нравственных, духовных, социальных ценностей (что и подтверждает в своей рефлексии Дж.Сорос)... Капиталократия усиливает антиэкологическую сущность капитализма. Она не способна решать экологическую проблему человечества принципиально. Принцип Большого Эколога-Антропоного Дополнения в пространстве капиталократии приобретает форму закона экологического самоуничтожения капиталистического человечества». Этот мой закон экологического самоуничтожения человечества третья аксиома А.П.Федотова только подтверждает.

Можно сформулировать тезис: глобальный империализм, и стоящий за ним строй мировой финансовой капиталократии, породил Глобальную Человеческую Катастрофу, «зеркалом» которой и стала первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. Капиталогенная духовная смерть человека может рассматриваться как «сигнал-предиктор» о приближающейся настоящей экологической гибели человечества, процесс которой уже начался в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

В XXI веке, на фоне первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, одним из источников которой стало рыночно-капиталистическое расчеловечивание человека, перешедшее в Глобальную Человеческую Катастрофу, вопрос стоит о ноосферной человеческой революции, включающей в себя ноосферную духовную революцию, как основу реализации императива ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке, и на его основе – продолжения Ноосферно-Космического Прорыва человечества, у источников которого вечно будут стоять величественные фигуры Владимира Ивановича Вернадского, Константина Эдуардовича Циолковского, Сергея Павловича Королёва и Юрия Алексеевича Гагарина.

В.И. Ленин подчеркивал:

«...бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть мертвое, раз навсегда застывшее, тогда как на самом деле только с социализмом начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем и всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» .

Юрий Алексеевич Гагарин в своих заметках как бы продолжает эту мысль великого социалистического гения:

«По улице, широкой и красивой, шумно идут веселые девушки и юноши, одетые в форменные костюмы ремесленников. Не так давно и я принадлежал к их задорному, охваченному романтикой подвигов племени. Ни у кого из них нет Золотых Звезд Героев, орденов, лауреатских медалей. Но у них всё впереди, все дороги жизни с их благами и радостями, завоеванные нашими дедами и отцами, открыты им. Это для них – молодых хозяев страны, призванных покорять пространства, и время, и космос. Родина открыла самые лучшие школы и стадионы, построила лучший в мире Московский университет».

Именно советский социализм в СССР подтвердил правоту этой мысли Ленина и раскрыл творческий потенциал русского народа и других народов России, объединившихся в единую общность – советский народ, двинул вперед все области социально-экономического развития, в том числе стал основой космического творчества и созидания нашей отечественной космической индустрии.

Юрия Алексеевича Гагарина – символ и выражение этого космического подвига социалистического труда советского народа и происходящей социалистической человеческой революции, которую так красочно описал писатель Альберт Лиханов: «Сын крестьян... стал инженером. Дочь рабочих... стала летчицей. Бывшее чьим-то стало общим».

Ноосферная человеческая революция – это то, что требует сама Эволюция Космоса от человека XXI века, это и есть «роды» действительного человека и действительного Разума, т.е. такого человека и такого Разума, которые поднимаются на высоту ноосферной – космической ответственности за всё, что он творит на Земле и в Космосе.

В заданном пространстве действующего императива выживаемости – выхода из первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы и соответственно ноосферной человеческой революции Юрий Алексеевич Гагарин есть пример такого действительного ноосферного человека, к которому взывает Эволюция Космоса, которого ждет великое Общее Дело человечества будущего освоения космических пространств Вселенной, в которой мы появились как её в потенции Разум!

В своих «заповедях», оставленных потомкам, Гагарин писал:

«Во-первых, я бы хотел, чтобы дети были, как и весь советский народ, активными борцами за мир. Во-вторых, надо, чтобы они выросли людьми честными, самоотверженными, горячо любящими Родину. И, в-третьих, пусть они будут хорошими коммунистами» .

Быть коммунистом в XXI веке – это и означает быть ноосферным человеком, быть представителем авангарда Ноосферно-Космического Прорыва человечества, потому что коммунизм как наука синтезирует в себе все науки, чтобы обеспечить ту социоприродную-ноосферную гармонию, которую ждет от человечества как биосферного разума Земля и вся Вселенная.

В «Миссии коммунизма в XXI веке» (2012) автор писал:

«Россия призвана стать духовным водителем человечества на пути Ноосферного прорыва.

Научный Коммунизм XXI века, вбирая в себя весь опыт истории коммунистического идеала, предстает как ноосферный коммунизм. В литературной форме его описал И.А.Ефремов в романе «Час быка» еще в начале 70-х годов XX века, незадолго до своей смерти.

Миссия коммунизма и коммунистов в XXI веке – спасти человечество от экологической гибели. Ленинский императив, обращенный к коммунистам, обретает свой новый гуманистический смысл.

Быть коммунистом XXI века – это означает быть гуманистом XXI века, всей своей деятельностью, революционной борьбой способствовать победе очеловечивания человечества, т.е. подъему сознания, интеллекта человека, его духовности и нравственности на уровень ответственности за сохранение всего разнообразия жизни на Земле, на уровень космопланетарного сознания и космопланетарной ответственности».

Таким коммунистом-гуманистом был Юрий Алексеевич Гагарин, с ясной, лучезарной улыбкой, простой русский парень и одновременно великий Человек с планеты Земля, протянувший свои человеческие объятия Космосу – братские объятия.

Это о нем написал такие слова русский писатель Альберт Лиханов:

«Он был первым сыном Земли, вступившим в черное безмолвие космоса. Но он был сыном России. Это она, Родина, вспоила его душу таким простым и нужным, без коего нет человека: словом, песней, сказкой, былинной. Это она укрепила сердце его славными примерами прошлого, дав крыльям его силу духа. Это она взрастила ученых, построила корабль, подняла его судьбу, назвав своим избранником. Все она, Родина, Россия. Он сказал ей немало ласковых слов. Он ощущал себя её кровинкой, её капелькой. Рожденный, взлелеянный, вознесенный страной, он улыбается ей. Ее минувшему. Ее настоящему. Ее будущему. Юрий Алексеевич Гагарин».

Алексей Резниченко из Саратова, откликаясь на 80-летие со дня рождения Ю.А.Гагарина, написал стихотворение «Сын России». Там есть такие слова.

«Пусть давно рекорды
все побиты
И Земля вступила
в новый век,
Миру улыбается
с орбиты
Первый над Планетой
человек!

...

Видится
космическими снами
Синева холодная
как лед...
Он сегодня снова
вместе с нами
Отправляясь
в первый свой полет...».

Космонавтика, космическая индустрия, запуск человека на околоземные орбиты стали практикой во многих странах, не только в Российской Федерации и в США, но и в Китае, Индии, Франции, Великобритании. Обсуждаются все более активно проблемы технологического освоения Луны – ближайшего естественного спутника Земли, полета после 2030 года первого экипажа космонавтов или астронавтов (если следовать терминологии, принятой в США) на Марс.

Но остается вопрос – какой человек, с какими духовно-нравственными устоями, с какими ценностями полетит и на Луну, и на Марс? Тот, который участвует в голливудских фильмах звездных войн? Тот, кто представил собой мировую финансовую капиталократию, стремится к мировому господству и рождает в мире фашизм?

Автор глубоко убежден:

тот человек,
который сотворил глобальный экологический кризис на Земле,
кто молится «золотому тельцу» – деньгам, прибыли, наживе,
кто потребительством «затмил» великий смысл жизни,
кто фактически пока находится в форме рыночно-капиталистического самоуничтожения, в катастрофической форме отчуждения, как от самого себя – человека, так и от Природы Земли, чья Эволюция и дала возможность ему появиться на Земле,

– не готов для встречи с Космосом, не готов к освоению космических пространств!!!

Космос ждет человека, эталоном которого и предстал советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Альберт Гор в 1990 году устрасился той «внутренней пустотой» из-за «отсутствия великой духовной цели», которой оказался поглощен человек буржуазного мира, тех же США. Это наблюдение американского общественного деятеля подкрепляет своими наблюдениями известный советский – русский философ, кстати, в прошлом – летчик-фронтовик, Александр Александрович Зиновьев, назвавший «западного человека», т.е. человека Западной Европы, США, Великобритании, «западоидом», тем самым подчеркнув, что он превратился в капиталоробота, в нечто переработанное глобальной капиталомегамашинной, каковой стал строй капиталократии. Еще в 1992 году Генеральный секретарь Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро Морис Стронг (из Канады) так в момент открытия этой конференции сказал: «Центральными вопросами, которыми нам предстоит заниматься, являются характер производства и потребления в промышленно развитой части мира, который подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле...».

Без решения этого вопроса Мориса Стронга переход человеческого общества к выходу в Космос невозможен.

Мы вступили в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, конечным состоянием которой, сохраняющим жизнь человечеству на Земле и дающим ему право на продолжение Космической Эры, является Ноосферный Экологический Духовный Социализм или Ноосферизм.

Вот почему Ю.А.Гагарин, будучи не просто первым человеком, а именно социалистическим человеком, «хорошим коммунистом» (как он сказал в своих «заветах»), взлетевшим в Космос, приобретает символический смысл идеала, каким должен быть человек, чтобы он смог начать диалог с Космосом, Вселенной, родившей его как свой разум!

А.П.Федотов написал:

«Разрушение СССР и реставрация капитализма в России есть реальный акт самоуничтожения не только россиян, но и всего человечества в историческом близком будущем, пока ни теми, ни другими не осознанный. Разрушение СССР и реставрация капитализма в России – величайшая ошибка и величайшая трагедия человечества!» .

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы сигнализирует именно об этом.

Вот почему ноосферный и социалистический императивы в XXI веке совпадают и превращаются в единый императив выживаемости человечества.

Вот почему Юрий Алексеевич Гагарин есть символ Ноосферно-Космического Прорыва России и человечества, который возможен только на социалистической основе!

Имя Гагарина навсегда останется символом начала Космической Эры, космической истории, точно так же, как имя Ленина будет вечно символизировать начало Социалистической эпохи, социалистической истории, вне которой у человечества нет Будущего!

Закончу это свое эссе о Юрии Алексеевиче Гагарине как символе будущей ноосферно-социалистической и космической одновременно эпохи словами из эпилога своей работы «Императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке» (2012) [27, с. 34]:

«Сама История поставила вопрос именно о ноосферно-социалистической революции, в которой заинтересованы сами люди, заинтересован Человек с большой буквы, если он хочет сохраниться на Земле и выполнить свое космо-ноосферное предназначение, подготовлено самой Эволюцией! Капитализм превратился в антигуманный, античеловеческий строй глобального империализма мировой финансовой капиталократии, а индикатором этой оценки служит развивающийся процесс первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Поэтому «императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке»... и есть императив выживаемости и России, и человечества в этом XXI веке, в котором мы живем, страдаем, мыслим и творим!».

ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ ЛЕМЕЩЕНКО-ЮБИЛЯР

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vgordeev@rambler.ru

2 сентября мы отмечаем юбилейный день рождения Петра Сергеевича Лемещенко, члена редколлегии и больше того: одного из создателей нашего журнала.

Пётр Сергеевич Лемещенко — учёный-экономист, политэконом. Доктор экономических наук (2006), профессор (2007). Академик Академии философии хозяйства (МГУ им. М. В. Ломоносова). Создатель и заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета. Отличник образования Республики Беларусь. Вице-президент Международного союза экономистов. Заместитель председателя Комитета по технологическому развитию Союзного государства Беларуси и России. Член Международной ассоциации институциональных исследований.

Родился П.С. Лемещенко 2 сентября 1953 года в деревне Ручаевка Лоевского района Гомельской области Белоруссии. После окончания в 1968 году Ручаевской средней школы поступил в Лоевское педагогическое училище. Окончив его, работал школьным учителем. Проходил срочную службу в рядах Советской Армии. После увольнения в запас поступил учиться в Белорусский государственный университет на отделение политической экономии, который окончил с отличием в 1981 году, получив специальность экономиста и преподавателя политической экономии.

Дальнейший профессиональный и жизненный путь П.С. Лемещенко неразрывно связан с Белорусским государственным университетом, в котором начинал работать преподавателем кафедры политической экономии БГУ. Не отрываясь от профессиональной деятельности, окончил аспирантуру БГУ (дневная форма обучения) и получил учёную степень кандидата экономических наук, а затем, в 1986 году, звание доцента. Принимал участие в создании экономического факультета БГУ, на базе которого организовал деятельность кафедры теоретической и институциональной экономики в качестве заведующего (с 1997 года и по настоящее время).

Ориентация П.С. Лемещенко на повышение профессионального уровня и развитие навыков экономиста, учёного и практика, обеспечили ему успешное прохождение курсов повышения квалификации как в системе высшей школы (РИВШ при БГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ), так и в международных структурах — курсы Мирового банка по экономике, сфере государственного управления — курсы при Государственном комитете по ценным бумагам Республики Беларусь на предмет дипломированной квалификации для работы на фондовом рынке (1993 год) и в секторе предприятий различных форм собственности Беларуси, России, Германии, в том числе стажировки на базе «IndustryProekt», «Agiplan». Помимо преподавательской деятельности и организационной работы в сфере высшего образования Беларуси, в 1992 году работал по совместительству в Государственном комитете Республики Беларусь по приватизации и разгосударствлению, в 1993 году — финансовым аналитиком Белорусской страховой компании / Инвестиционной компании, а также консультантом-экспертом консалтинговой фирмы «Agiplan» (Германия).

С 1980 года обеспечивается также постоянное участие П.С. Лемещенко в международных научных и научно-практических конференциях, симпозиумах, семинарах и прочих мероприятиях, в том числе в роли организатора мероприятий и докладчика по актуальным проблемам развития экономической науки и практики хозяйствования в странах постсоветского пространства (Беларуси, России и других).

Многолетнее эволюционное развитие в качестве учёного-экономиста и практика экономических

исследований привели П.С. Лемещенко к поступлению в докторантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и защите в 2005 году докторской диссертации по экономической теории на тему «Развитие предмета и методологии экономической науки в контексте современных институциональных изменений», получению в Беларуси учёного звания «профессор» в 2007 году.

За годы научно-педагогической деятельности П.С. Лемещенко им выпущены сотни публикаций, в том числе 22 монографии и 13 учебных пособий. Он имеет высокий рейтинг цитирования по индексу Хирша. Им разработаны и читаются курсы: «Методология, методы и инструменты экономического исследования», «Институциональная экономика», «Прикладной институциональный анализ», «Эволюционная экономика» и «Теория микроэкономической политики». Осуществляется постоянное руководство дипломными, магистерскими и курсовыми работами, студенческими научными работами, а также подготовка аспирантов и докторантов.

Результаты плодотворной работы П.С. Лемещенко оценены грамотами и почетными грамотами БГУ, Министерства образования Республики Беларусь, почетной грамотой МГУ им. М. В. Ломоносова, нагрудным знаком «Отличник образования Республики Беларусь» (2010 год). С 2010 года присвоено звание академика Академии философии хозяйства (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Также П.С. Лемещенко является членом Философско-экономического собрания МГУ им. М. В. Ломоносова, заместителем председателя специализированного Ученого совета по защите диссертаций в БГУ, членом Ученого совета экономического факультета БГУ, членом расширенного Ученого совета БГУ, членом Международной ассоциации институциональных исследований. Избран вице-президентом Международного союза экономистов и назначен заместителем председателя Комитета по технологическому развитию Союзного государства Беларуси и России на общественных началах.

Наше знакомство с Петром Сергеевичем произошло в стенах главного российского вуза, МГУ им. М.В. Ломоносова, где мы участвовали в качестве докладчиков на международных научных конференциях, проводимых экономическим факультетом, а закрепилось по вечерам в комнатах на 6-м этаже корпуса «Е» «высотки», где прослушанные днем доклады получали неофициальное, но активное интернациональное обсуждение. Тогда же возникло решение «на троих» (с Петром Сергеевичем и профессором Ураком Жолмурзаевичем Алиевым из столицы Казахстана) создать научный электронный журнал для совместной разработки и развития концепции теоретической экономики. Ответственным секретарем издания стал аспирант Петра Сергеевича Сергей Александрович Сысоев. И даже располагался журнал сначала на белорусском сайте, поскольку у учредителя, Ярославского государственного технического университета, даже на такую мелочь не было средств. И, конечно, первые «заглавные» статьи, вводящие читателей в мир разработки теоретической экономики, создавались членами редколлегии П.С. Лемещенко и У.Ж. Алиевым [см., например: 1 и 2]. При этом в анализе социально-экономических реалий Петр Сергеевич обращается к самым современным проблемам, но неизменно делает это с позиций политэкономической методологии, составляющей важнейшую, сущностно-содержательную сторону теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима [см., например: 3 и 4].

Петр Сергеевич проявил активный интерес к проводимым в ЯГТУ международным научным конференциям по исследованию сущности современной конкуренции, что тоже нашло отражение в его публикациях в журнале «Теоретическая экономика» [см., например: 5].

Подобный интерес и участие Петр Сергеевич проявил в подготовке и проведении нами в Ярославле международной научной конференции по проблемам неоиндустриализации [см.: 6]. Материал доклада, который он представил на эту конференцию, называется «О необходимых и достаточных условиях неоиндустриального развития, или Есть ли альтернатива современной экстенсивной экономике России».

Большим и важным событием для нас всегда является приезд Петра Сергеевича в Ярославль и, кроме выступления с докладом на пленарном заседании наше научной конференции [см., например: 7],

непосредственное общение его с преподавателями и студентами ярославских вузов, его товарищеские советы и рекомендации по улучшению журнала «Теоретическая экономика», разработке и развитию концепции теоретической экономики.

Мы поздравляем Петра Сергеевича с юбилеем, желаем ему доброго здоровья новых творческих успехов в научной деятельности на благо нашей любимой Родины – Союзного государства Беларуси и России!